Борис Олейник
Валентин Павлов
Николай Рыжков

ИУДА

Начато "__" _____ 19__ г.

19__ г.

Анатомия предательства Горбачева

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Авторы этой книги не нуждаются в особом представлении. Валентин Сергеевич Павлов, премьер-министр СССР, член ГКЧП. В.С. Павлов принимал участие в создании Пенсионного фонда, налоговой инспекции, в формировании коммерческих банков, привлечении первых инвестиций, в регулировании первых кооперативов и совместных предприятий. Борис Ильич Олейник — заместитель председателя Палаты Национальностей Верховного Совета СССР, лауреат Государственной премии СССР, действительный член Национальной академии наук Украины, председатель Украинского фонда культуры. Николай Иванович Рыжков — еще один премьер советского правительства.

В книге, представленной вашему вниманию, Борис Олейник показывает весь путь предательства Михаилом Горбачевым — «Иудой меченым», как его называли в народе, — Советского Союза: от одной горбачевской «кампании» до другой, от съезда к съезду, от первых указов Горбачева до последних. Показания Б. Олейника дополняет Валентин Павлов: он рассказывает о том, как на самом деле развивались события в августе 1991 года. Свидетельства советского премьер-министра не оставляют сомнений в том, что это был тщательно спланированный путч именно Михаила Горбачева, а члены ГКЧП оказались жертвами этого опытного политического интригана, предавшего СССР за «тридцать сребреников».

- Борис Олейник
  - Борис Олейник
  - Валентин Павлов
  - Николай Рыжков

Борис Олейник
Валентин Павлов
Николай Рыжков
ИУДА: АНАТОМИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА ГОРБАЧЕВА

Борис Олейник
Михаил Горбачев. Перед судом истории

…Был горячий, веселый день конца мая 1987-го.

Я стоял у входа в гостиницу «Россия». Поскольку спешил к поезду, внимание мое было приковано к стрелкам часов. Но все же боковым зрением я заметил какой-то игрушечный, ярко раскрашенный самолетик, который то появлялся почти над головой, то пропадал из виду. Раза два он как бы приноравливался сесть на мосту, что слева от гостиницы, и снова взмывал вверх.

Время от времени возле меня останавливались случайные прохожие, буднично спрашивали: не знаю ли, что это за самолет? Я так же буднично отвечал, что не ведаю, но, возможно, это какой-то рекламный полет. Так подумалось, ибо чего-то другого не мог предположить.

Наконец самолетик, сделав еще один круг, сел прямо… на Красной площади. Метров за 150 от меня. И за 50 — от Мавзолея. Из кабины выпорхнул юркий, худощавый юноша, кажется; в белом костюме или комбинезоне.

В этот миг и причалил коллега с «колесами». Он тоже заметил самолет и шутливо спросил, что это, мол, за истребитель? Забрасываясь в кабину, я в тон ему повторил свою версию.

И только в поезде, на следующее утро, за несколько километров от Киева, слух уколола фраза из вагонного репродуктора. Я даже не разобрал слов, но, видимо, недремлющее подсознание автоматически отреагировало на нечто, и вправду выходящее за весь предыдущий жизненный опыт.

Не успел я осознать услышанное, как вдруг вскочил сидевший напротив меня грузный, уже почтенных лет сосед по купе и растерянно выдохнул:

— Вы что-нибудь понимаете?!

— Да вот, не совсем уловил…

— Только что передали: какой-то немецкий самолет, не замеченный ПВО, сел… где бы вы думали? Возле Кремля, у самого Мавзолея!

Меня буквально подбросило:

— Господи, да я же видел, как он садился!!!

Возле нашего купе уже сгрудились пассажиры изо всего вагона. Как сквозь вату, к моему сознанию пробивались сначала

встревоженные, а потом и все более гневные голоса:

— Но это же черт знает что…

— Ну дожили…

— Такого позора я не переживу… Мы даже в сорок первом…

— Вот так-то, папаша. Вы в сорок первом отстояли Москву, а мы ее вчера сдали… — попытался съюморить бодрый парняга, но на него зашикали.

Словно сквозь туман, ступил на перрон. Странное чувство — не то безволия, не то безысходности — овладело мной. Я впервые почувствовал себя маленьким, слабым и незащищенным.

Уже на привокзальной площади, уловив какой-то гул, непроизвольно съежился и опасливо посмотрел вверх: не заходят ли?.. Как в сорок первом, когда над нашей беженской валкой заходили в пике — с тем особенным, прерывисто волчьим воем — немецкие штурмовики. Но и тогда не было этого чувства тоскливой безысходности: нас защищали пусть и фанерные, но такие родные истребители. Они отчаянно вступали в бой со стервятниками, горели, но все же защищали. Защищали нашу надежду на избавление.

И даже в сентябре 41-го, когда в какой-то полувоенной автоколонне нас вместе с матерью взяли в плен фашисты, — даже тогда надежда на избавление не угасала.

Однако в тот день 87-го и надежда, которая умирает последней, угрожающе пошатнулась. Может, именно в то утро впервые поколебалась и моя беспредельно наивная вера в Вас, Михаил Сергеевич?

Но мне, принадлежащему к поколению, за каких-то три десятилетия пережившему крушения трех идолов и трех переписанных в угоду им «историй Отечества», чисто по-человечески не хотелось потерять веру в четвертого. Ибо, по законам предков, по всем писаниям и предписаниям человеку уготовано выдержать три искуса, а дальше уже грозит потеря точки отсчета и ориентиров.

Увы, человек только предполагает, а располагает… И то, в чем не хотелось, да — признаюсь — и ныне еще не хочется убеждаться, — с того, рустовского «налета» неотвратимо вело к осознанию непоправимого.

* * *

Тем временем демократия разворачивалась вовсю. Воочию начали проявляться и некоторые странности ее. Сначала думалось, что они объясняются то ли нашей юридической

неграмотностью, то ли Вашей, Михаил Сергеевич, забывчивостью или, скорее, покладистостью перед нажимными действиями волевых натур из числа лидеров новой волны.

Я, к примеру, так до сих пор и не уразумел «Закона о выборах». Вроде бы в истоках его был заложен принцип однократности: проигравший в одном округе уже не имел права баллотироваться в любом другом. Да и избирателям в качестве кандидатов рекомендовалось ориентироваться на людей, знаемых ими не понаслышке, работающих с ними, а не на варягов.

Изрядная путаница произошла и со средствами на избирательную кампанию. Вроде бы все взыскующие должны иметь равные условия. Но на поверку оказалось, что это далеко не так. «Партократы», нередко используя свое служебное положение, по командно-административной привычке привлекали средства подчиненных им городов и весей.

Не лучше выглядели и их оппоненты из лагеря радикалов. По нескольку раз проваливаясь в разных регионах, они устремлялись со своими командами в очередной округ и, используя непросвещенность избирателей, силовой прессинг вплоть до угроз, а то и прямые подкупы, пробивали своих.

К слову, эти командос щедро оплачивались и рублями, и неизвестно откуда взявшейся инвалютой.

В этом шабаше правового и морального нигилизма весьма странную позицию заняли Вы, Михаил Сергеевич. В очередной раз — сбоку, во всем своем величии демократа, «не замечая» Вами же осуждавшихся нарушений элементарных, общепринятых норм. «Дошло уже до того, товарищи…» — сокрушались Вы в очередной раз и… забывали.

Вы то забывали или делали вид, что запамятовали. Но многие запоминали. Отдельные всплески недовольства Вашей уступчивостью медленно, но верно перерастали в ропот, на первых порах — глухой.

Вы как главный архитектор и А.Н. Яковлев как главный теоретик «перестройки» настолько запутали предвыборную кампанию, что в депутаты не мог попасть лишь тот, кто этого не очень хотел. Зато каждый из новой волны, поставивший своей целью заиметь мандат избранника, получил его.

Демократия демократией, но есть ведь общепринятые, элементарные морально этические критерии, по которым определяются показания или противопоказания иметь статус народного избранника. Ибо есть и такие чисто личностные качества, приобретенные или врожденные, которые в более или менее цивилизованном обществе являются непреодолимой преградой на пути к властным структурам.

Неужели Вам и Вашим многочисленным службам не был известен постнулевой моральный облик некоторых особей, остервенело рвавшихся на олимп? Тогда я еще сомневался. Ныне — уже не сомневаюсь: Вам все было известно…

Но вот состоялись выборы. Собрался I съезд народных депутатов СССР. Следовательно, представилась возможность в пределах кремлевского зала изучить весь срез нашего многонационального общества буквально за какие-то дни: мы ведь привыкли считать, что депутаты, как зеркало, отражают реальное состояние всех слоев и прослоек нашего народа.

Однако уже первые несколько дней резко поколебали этот стереотип. Ибо, если предположить, что состав новоизбранного депутатского корпуса отражал действительность, то в таком случае весьма заметная часть нашего общества страдает, мягко говоря… психической неуравновешенностью. Но сие даже и в горячечном бреду невозможно представить! Следовательно, депутатский состав ни в коей мере не отражал состояние общества на 1989 год, а коли уж и был зеркалом, то весьма искривленным.

Как-то после тяжелейшего, истеричного заседания Верховного Совета Анатолий Иванович Лукьянов, смахивая щедрый пот с чела, сокрушенно покачал головой и полушепотом бросил: «Несчастные люди! Медики доверительно сообщили, что среди депутатов, как бы сказать помягче, многовато людей с неустойчивой нервной системой. Но что поделаешь?! Несчастные люди…»

Американцы, хорошо осведомленные по части нашего депутатского корпуса, беспечно похохатывали: «Да бросьте вы сокрушаться! У нас подобных личностей не меньше, если не больше. Правда, с той существенной разницей, что в Америке они занимают свою определенную, нижнюю нишу. У вас же они почему-то оказались на верхних этажах».

Сначала и я склонился к этому расплывчатому «почему-то» и не менее пассивному «оказались». Но со временем все больше убеждался в том, что не все здесь случайно. Кому-то именно такой состав депутатского легиона был крайне необходим для далеко идущих целей.

* * *

Но это уже погодя, и не я один пришел к подобному заключению. А тогда, да и гораздо позже, я еще наивно списывал вину на всех, кроме Вас. Ныне мне до боли стыдно за свои

наивные возгласы: «Неужели нельзя было предположить?!» Скорее даже не стыдно, а обидно, что я так долго не верил своей интуиции.

Ибо… верил Вам. Верил, даже когда в так называемой «Воскресной моральной проповеди» на ЦТ в конце декабря 1989 года растерянно обвинял чуть ли не всех (и себя тоже!) в том, что «за последние десятилетия не раз менялись стратегические направления», что повсеместно «нарастают прагматизм, карьеризм, жестокость, раздраженность, жадность»… и когда в той же самой проповеди «размышлял» о самой вере: «В чем смысл этого феномена? Может, это — чувства? Но ведь чувства изменчивы. Может, это состояние души? Но и оно меняется под влиянием тех или иных чувств. Скорее это все-таки некая норма, принятая всеми: обществом, человеческой общностью в целом и лично каждым. Стремление определить нечто как святыню, которая не подлежит размыванию. Если вера завизирована совестью — она истинна».

Вот так говорилось и думалось. Если с позиций сегодняшних моих и общих познаний проанализировать эти слова, то можно заметить, как подсознательно сам себя и сограждан своих успокаивал, что моя вера в одну из тогдашних «святынь» истинна и непоколебима, однако…

Глубоко ошибаются те, кто в крайнем раздражении обвиняет Вас в предательстве всех без разбора. Да, Вы подставили несколько своих «команд» и самых, казалось бы, ближайших соратников. Но почему-то всякий раз сия горькая чаша обходила нескольких человек, неуязвимо переходивших из одной, заложенной вами, в очередную, намеченную к закланию, команду. Александр Яковлев, Вадим Бакатин, Евгений Примаков, Гавриил Попов, Георгий Арбатов, Анатолий Собчак, Юрий Афанасьев и еще несколько их собратьев помельче — эта связка оставалась нетронутой при всех микропереворотах и перетрясках «кадров».

Главная ошибка Ваших самых яростных изобличителей состояла в том, что они в благородном гневе не замечали «домашних заготовок» и принимали за чистую монету Ваши схватки на миру с упомянутыми выше непотопляемыми. Они (и я вместе с ними) даже не предполагали, что уколы, наносимые Вам теми же Яковлевым, Поповым, Собчаком или Афанасьевым, — всего лишь розыгрыш для профанов. И даже искренне защищали Вас от их наскоков.

Как-то А.Н. Яковлев, расслабившись после карнавального «путча», назвал своих и Ваших противников «шпаной».

Оставляю приоритет на сей понятийный аппарат за

академиком. Но совершенно очевидно, что как раз Вам-то и нужны были «несчастные люди» на парламентском уровне, самая настоящая парламентская «чернь». Нет, не в том оскорбительном социальном понимании, не с тем презрительным ярлыком. «Чернь» в том духовно-нравственном смысле, как писал об этом русский мудрец Иван Ильин в «Аксиомах власти»:

«Люди становятся чернью тогда, когда они берутся за государственное дело, движимые не политическим правосознанием, но частною корыстью… Чернь не знает общего интереса и не чувствует солидарности… Она совершенно лишена сознания государственного единства и воли к политическому единению…»

Но именно «чернь», как известно, ради своих выгод, своей корысти умело выискивает себе опекунов, добровольно принимает послушание перед ними, впрочем, если нужно, успешно маскируя его («чернь на выдумки хитра…»).

* * *

…Итак, собрался Съезд народных депутатов, впервые — как это назойливо подчеркивалось — «избранных демократически».

Интересное это было и глубоко поучительное действо! И зрелище.

Несколько дней я как писатель буквально утопал в роскоши познания, изучая лица, повадки, систему жестов, игру эмоций, амбиций, наигранных истерик, заранее подготовленных экспромтов, демонстрацию «смелости» мыслей, своеобразный викторианский речевой стиль, граничащий с полублатным арго; навязчивую пренебрежительность в одежде — вплоть до маек с визиткой «Мальборо»; раскованность в общении с президиумом и даже с Самим, переходящую в рискованную фамильярность: иные депутаты, переваливаясь через стол президиума — разрезом пиджака к залу, для равновесия игриво отбрасывали ногу.

Упаси бог, сие не касается большинства нормальных депутатов, которые опасливо посматривали на упомянутое выше агрессивное меньшинство. Эти (заимствую из излюбленного блока радикалов — «эта страна»), так вот эти с первых минут работы съезда сразу же определились в ловко сбитую стайку. Чувствовалось, что они заранее прошли соответствующий тренинг: сразу же оккупировали трибуну и микрофоны и, пользуясь неопытностью большинства, «повели» съезд.

…Не знаю почему, но первым мое внимание привлек Анатолий Собчак. Броский, в элегантно сшитом костюме, выше

среднего роста, без излишних «соцнакоплений», он чувствовал себя хозяином положения. Аттестованный как «известнейший юрист», он перманентно маячил у микрофонов, подправляя и регламент, и самого Председателя, не говоря уже о коллегах, по адресу которых отпускал колкие реплики.

Острый на слово, с хорошей реакцией, с иронической улыбкой, еле скрывающей пренебрежительное высокомерие к сирым, он поначалу многих буквально очаровал.

Мне всегда импонировала — ив друзьях, и в противниках — этакая раскованность и, простите, подкупающая нахрапистость, когда и знаешь, что человек врет в глаза, но настолько искренне, с такой веселой самоуверенностью, что вызывает… симпатию.

Думаю, не открою особых «творческих секретов», когда скажу, что в писательском арсенале заложены своеобразные «кассеты» со стереотипами определенных, хорошо изученных им типажей. И если в поле внимания оказывается новая, незаурядная личность, он подсознательно подыскивает из своего запасника схожий с «новобранцем» по психоантропным характеристикам тип, по которому, уже изученному, пытается предугадать или рассчитать, что можно ожидать и от новенького.

Наблюдая за Анатолием Собчаком, я все больше натыкался в своем запаснике на известный образец, который с легкой руки моего гениального земляка триумфально шествует по всему миру.

Вот он в очередной раз, юрко обходя коллег, решительно продвигается к микрофону. Следует очередная филиппика — то ли по адресу выступившего перед ним, то ли по поводу президиума. Учинив эскападу, он так же уверенно возвращается на свое место, лукаво подмигивая себе: а ну, мол, как ты, дорогой коллега, будешь отмываться?

Анатолий Александрович абсолютно невозмутим, когда его, тут же, «на миру», уличают в передергивании фактов, неточностях, а то и в прямом вранье. Похохотав вдоволь, разведя руками — мол, что поделаешь, бывает, он с такой же невозмутимостью готовится к очередному броску на микрофон. Поражают его глаза на миловидном лице: трудно уловимые, поскольку смотрят… врозь.

Да, он отталкивает и одновременно чем-то привлекает, как и бессмертный Хлестаков. Но гоголевский герой симпатичен тем, что, отчаянно привирая, подсмеивается над властями предержащими. То есть его грешки искупаются грехами городничего и иже с ним, на которых Хлестаков честно играет.

Другое дело — Анатолий Александрович. В отличие от своего визави, он сам принадлежит к властям предержащим. Избранник

и доверенное лицо народа. И если уж он «темнит», то объегоривает не власть, ибо сам — власть, а — простите за пафос — народ, избравший его. То есть сам народ оказывается в роли как бы его сообщника по обману… народа.

Какую опасность таят в себе подобные особи, свидетельствуют посттбилисские события. Ведь именно Собчак, возглавлявший комиссию по расследованию трагедии, обвинил во всем армию, обелив боевиков Гамсахурдиа как белокрылых ангелов. Именно тогда господин Собчак открыл дорогу режиму, который принес грузинскому народу страдания и человеческие жертвы, многократно превышающие тбилисский инцидент.

Господин Горбачев! Как натура тонкая и хорошо читающая с листа характеры, Вы ведь отлично «прочитали» А. Собчака от запятой до титлы. Если уж не столь опытные заметили одну ярко выраженную особенность Анатолия Александровича — начинать посылкой, которую в конце того же абзаца дезавуировать, — то Вы ведь видели Собчака в самых глубинах сокровенного.

И вот незадача: видели и знали, но почему-то он всегда оставался неуязвимо при Вас, между тем как других Вы сдавали повзводно. А не потому ли, Михаил Сергеевич, что, подобно уже названным неприкасаемым, Анатолий Собчак как тип Вам и, как ни парадоксально, Борису Ельцину был нужен?

Однажды, в минуту откровения (истинного или деланного), Вы признались, как, прогуливаясь с имярек по своим «Воробьевым горам», поклялись разрушить «эту прогнившую систему». Но коль скоро Вы не просто дети авторитарного режима, а зодчие и ревностные охранители его, то уж досконально знали, что разрушить режим, не ликвидировав партию, весьма и весьма сложно. (Оговорюсь: Вы и Ваши сообщники всегда лукаво «путали» Политбюро, ЦК, областных и районных кадровых аппаратчиков с миллионами партийцев, которые имели единственное преимущество: вкалывать и «за того парня», да еще платить партналог, отрывая от своей скудной зарплаты на содержание всего этого таинственного ордена, возглавляемого магистром, сиречь Вами, Михаил Сергеевич.)

* * *

Но вернемся к главному.

Теперь-то Ваш давний замысел понятен: для разрушения, как и для созидания, Вам нужны были соответствующие кадры. И Вы их продвинули во все структуры общественного организма. Сделав, по своему обыкновению, вид наивного неведения

касательно того, что основные «кадры» были аттестованы далеко за пределами нашего бывшего многонационального отечества.

Но об этом мы, непосвященные, узнали лишь в 1991 году на так называемом «закрытом» заседании Верховного Совета, где документ под многократным грифом «секретно» о так называемых «агентах влияния» отважился через 14 лет обнародовать Крючков. (Никак не отвяжусь от мысли: а не эта ли информация подтолкнула влиятельных лиц ускорить переворот?)

Горе нам, профанам! Мы по своей наивности и не подозревали, что наша истая вера в перестройку эксплуатировалась для совершенно иной (а мы-то верили!) цели. Да и откуда нам, сирым, было знать, что «перестройка», казавшаяся отечественным и лично Вашим изобретением, была спланирована… не у нас?!

Думается, «массам» небезынтересно будет узнать непредвзятое мнение коллеги из американского журнала «Тайм» за 24 февраля 1992 г.

Карл Бернстайн, взяв интервью у 75 представителей рейгановской администрации и Ватикана, пришел к выводу, что еще 7 июня 1982 года в результате встречи между Рональдом Рейганом и папой Иоанном Павлом II было достигнуто направленное против СССР, Польши и других стран Восточной Европы соглашение о проведении тайной кампании с целью ускорить процесс распада коммунистической системы.

Итак, все началось (цитирую Карла Бернстайна) «в понедельник 7 июня 1982 года в библиотеке Ватикана», где «вели беседу двое — президент США Рональд Рейган и папа римский Иоанн Павел II. Это была их первая встреча, разговор длился 50 минут… львиную… долю встречи заняла тема… — Польша и советское господство в Восточной Европе. Рейган и глава римско-католической церкви пришли к согласию о проведении тайной кампании — с целью ускорить процесс распада коммунистической империи». (Вот, оказывается, откуда взято расхожее клише в речевом ряде отечественных радикалов!) Вот что говорит Ричард Аллен, занимавший пост советника Рейгана по национальной безопасности: «Это был один из величайших тайных союзов всех времен».

Сердцевиной операции была избрана Польша… И папа римский, и президент США были убеждены: Польшу можно вырвать из орбиты Москвы, если Ватикан и Соединенные Штаты объединят усилия, чтобы сокрушить польское правительство и сохранить жизнь объявленному вне закона движению «Солидарность»…

«Солидарность»… в общем, процветала, пребывая в подполье,

поддерживаемая, подпитываемая, и широко консультируемая по капиллярам разветвленной сети, которая была создана под эгидой Рейгана и Иоанна Павла II. По контрабандным каналам в страну были доставлены тонны технического оборудования — факсы, впервые появившиеся в Польше, печатные станки, передатчики, телефонная аппаратура, коротковолновые приемники (не на таких ли работала в августе 91-го «подпольная радиостанция» из т. н. Белого дома?), видеокамеры, ксероксы, телексы, компьютеры. Маршруты определяли церковь, американская агентура… Деньги для запрещенной «Солидарности» поступали из фондов ЦРУ, «Национального фонда демократии» США, с тайных счетов Ватикана…

Лех Валенса и другие лидеры «Солидарности» получали стратегические рекомендации — обычно их передавали ксендзы или представители американских и европейских профсоюзов («независимых» — естественно!)… — и эти стратегические напутствия отражали образ и ход мыслей Ватикана и рейгановской администрации… Информация шла не только через отцов церкви, но и от агентуры в самом польском правительстве».

* * *

Можно было бы обойтись и без столь щедрых цитаций из Бернстайна: в народе еще в процессе событий не было сомнений, что государственный переворот в Польше осуществляли ЦРУ и Ватикан, поскольку все это делалось почти в открытую. В конце концов, полякам самим решать, как им жить и действовать. Но я привлек столь обширные фрагменты, потому что именно в Польше, как на ящике с песком, отрабатывался и апробировался тот тип «перестройки», который впоследствии был успешно реализован и в Восточной Европе, и в бывшем СССР. Один в один, вплоть до подпитывания местных «солидарностей» упомянутым выше техническим оборудованием, валютой, поступавшей из тех же фондов ЦРУ и «Национального фонда демократии», и, конечно же, стратегическими рекомендациями.

Итак, цитирую далее: «Впервой половине 1982 года была выработана стратегическая программа. Цели ее выглядели следующим образом: обеспечить крах советской экономики, ослабить контакты и связи Советского Союза с его клиентами по Варшавскому пакту, навязать реформы в рамках советской империи».

Это, так сказать, вводная в замысел в общих чертах. Конкретно же расшифровывалось пять направлений

деятельности, в частности: навязать СССР выматывающее соревнование с Америкой в военной сфере (программа «звездные войны»); «тайные операции, нацеленные на подстегивание реформаторских движений в Венгрии, Чехословакии, Польше»; «калибровка финансовой помощи государствам — участникам Варшавского пакта в зависимости от их позиций в деле обеспечения прав человека и степени готовности к политическим преобразованиям, так и реформам по части рыночной экономики»;

> «американская администрация сконцентрировала усилия на проекте (с целью создать помехи в его реализации)… трансконтинентального газопровода… из Сибири до Франции. Газопровод вошел в строй в срок… но его эффективность оказалась гораздо ниже той, на которую рассчитывала Москва» (не «оказалась», а просто «агенты влияния» выполнили важнейшую инструкцию: поощрять тупиковые изыскания в науке и экономике. — б. О.).

Чтобы несколько охладить «благородный гнев» радикал-демократов, которые, по своей привычке, обвинят автора в шпиономании, приведу свидетельство члена палаты представителей Генри Хайда: «В Польше мы делали все, что делается в странах, где мы хотим дестабилизировать коммунистическое правительство и усилить сопротивление против него. Мы осуществляли снабжение и оказали техническую поддержку в виде нелегальных газет, радиопередач, пропаганды, денег, инструкций по созданию организационных структур и других советов. Действиями из Польши, направленными вовне, было инспирировано аналогичное сопротивление в других коммунистических странах Европы».

Вот кого следовало бы обвинить в шпиономании, если бы Генри Хайд не входил в состав комитета палаты представителей… по разведке и не выступал с оценками некоторых из тайных операций Белого дома… Какая уж тут мания, когда человек занимался реальными деяниями реальных шпионов!

Словом, нам уже как обезопасенному противнику открыто сообщают, кто и как — за рубежом и в отечестве — задумывал и осуществлял «нашу перестройку», завершившуюся государственным переворотом.

Но это там, в тиши кабинетов, кажется проще простого: взял да и совершил переворот. Тем более в такой стране, которая выдержала не только гестаповские пытки, но и всю дьявольскую

мощь немецкой военной машины. По всему видно, что «Рейган и его наследники», сам папа готовились к длительной, изнуряющей осаде «империи зла». Но… (цитирую Бернстайна): «Но, разумеется, ни Рейган, ни Иоанн Павел II не могли предполагать в 1982 году, что через три года к власти в СССР придет такой руководитель, как Михаил Горбачев, отец гласности и перестройки. Реформаторская деятельность Горбачева открыла путь мощным силам, которые вырвались из-под его контроля и привели к распаду Советского Союза».

Вот и все, Михаил Сергеевич. Черным по белому. Точнее, кровью по черному начертано имя Ваше. Тут уж обижаться негоже: свои ведь назвали!

Единственное, в чем несколько погрешил против истины Карл Бернстайн: после сказанного им все-таки просится «не вырвались из-под его контроля», а скорее «под его контролем» и были задействованы «мощные силы» разрушения. Но я не виню Бернстайна: есть предел не только в откровенности, но даже и Откровении Иоанна, в свое время не осмелившегося открыть имя зверя, обозначив его числом «666».

* * *

Хотя и остается еще немало темных пятен, но с нашим феноменом, Михаил Сергеевич, дело, кажется, проясняется. Зато касательно Иоанна Павла II с каждым новым фактом все больше рождается неясностей.

Если бы поляк Войтыло (фамилия папы в миру) в свержении Ярузельского принимал участие — даже самое активное — как мирянин, как поляк, это понять можно.

Но то, что г-н Войтыло уже в качестве папы Иоанна Павла II, то есть как наместник Бога на земле, как пастырь всех католиков, невзирая на их нацпринадлежность, предавался не просто земным, а низменным предприятиям, сотрудничая напрямую с шефом ЦРУ Кейси, занимаясь контрабандными операциями, организацией нелегальных групп сопротивления, — это уже как то, мягко говоря, не вяжется с саном наместника Самого Бога на земле. Насколько мне известно, Всевышний, по крайней мере, не поощрял своих служителей заниматься контрабандой, тем более — совершать перевороты.

Бернстайн утверждает: «В первые же часы кризиса Рейган распорядился, чтобы Иоанну Павлу II с максимальной оперативностью доставляли американские разведданные… Все основополагающие решения Рейган, Кейси, Кларк принимали в

тесном контакте с Иоанном Павлом II… Тем временем в Вашингтоне установились тесные взаимоотношения между Кейси, Кларком и архиепископом Лаги». «В критические моменты Кейси и я направлялись в резиденцию Лаги рано утром, чтобы выслушать его комментарии и советы», — рассказывает Кларк.

«Почти все, что касается Польши, шло, минуя нормальные каналы государственного департамента, и проходило через Кейси и Кларка, — сообщает Роберт Макфарлейн, который был заместителем Кларка и Хейга. — Я знал, что они встречаются с Пио Лаги и что Лаги должен был принять президент…» По крайней мере 6 раз Лаги являлся в Белый дом для встреч с Кларком и президентом…

Свидетельствует Лаги: «Моя роль заключалась в том, чтобы облегчить встречи между Уолерсом и святым отцом. Святой отец знал своих людей. Ситуация была чрезвычайно сложной, и нужно было решать, как настаивать на правах человека, свободе религии, как поддерживать «Солидарность»… Я говорил Вернону: «Слушайте святого отца. У нас 2000-летний опыт в этом деле»».

Думаю, и этих цитат более чем достаточно, чтобы поинтересоваться: если все это и прочее соответствует действительности, то когда же святой отец общается с Богом?!

Следующие вопросы вынужден предварить несколькими цитатами. Вспоминает бывший госсекретарь Хейг: «Вне всякого сомнения, информация, которую поставлял тогда Ватикан, абсолютно превосходила нашу по всем параметрам по качеству и по оперативности».

Рассказывает Войцех Адамицкий (он отвечал за организацию подпольных изданий «Солидарности»): «Церковь в плане поддержки «Солидарности» играла первостепенную роль и открыто, и тайно… Тайно — поддержка политической деятельности, доставка печатного оборудования всех типов, обеспечение помещений для тайных встреч и митингов, подготовка демонстраций».

Свидетельствует Бернстайн: «Все ключевые исполнители в этом предприятии с американской стороны были набожными католиками — шеф ЦРУ Уильям Кейси, Ричард Аллен, Кларк, Хейг, Уолтере и Уильям Уилсон…»

Свидетельствует кардинал Сильвестрини, бывший заместитель госсекретаря Ватикана: «Наша информация о Польше зиждилась на очень хорошей основе, ибо епископы поддерживали постоянные контакты со Святым престолом и «Солидарностью»».

Свидетельствует Бернстайн: «На территории Польши ксендзы создали сеть связи, которая использовалась для обмена сообщениями между костелами, где укрывались многие

руководители «Солидарности»».

Если вышеприведенное тоже соответствует действительности, то возникает сразу несколько вопросов к работникам святого престола: только ли ксендзы и епископы принимали участие в организации и осуществлении названных акций или — коль это предприятие возглавлял сам папа — все без исключения католики? Далее: «все без исключения»— только в Польше или споспешествовать сему предприятию вменялось в обязанность всем без исключения католикам во всем мире? Эти разъяснения или опровержения хотелось бы получить в связи с резко усилившейся экспансией святого престола, в частности и на Восточную Украину. На предмет: чем они собираются там заниматься?

Наконец, как понимать утверждение архиепископа Пио Лаги: «У нас 2000-летний опыт в этом деле»? Может, это оговорка или неточность в переводе? Надо бы прояснить. В противном случае непосвященный может и вправду подумать, что католическая церковь на протяжении двух тысячелетий от Рождества Христова только «этим делом» и занималась.

* * *

Но вернемся к «перестройке» в Советском Союзе. Хочешь не хочешь, Михаил Сергеевич, но возникает вопрос, а не… успели ли «агенты влияния» еще до 1985 года пройти отличную школу и получить тренинг и четкий план действия, вплоть до того, как проводить у нас избирательную кампанию и как, используя неточности и зазоры в Законе о выборах (а эти щели были заранее оставлены ими же), юридическую непросвещенность населения, — как благодаря всем этим и прочим другим «уловкам 89» добыть депутатские мандаты для «своих»?

Если это так, то именно хорошо осведомленные в предвыборной неразберихе и продвинули горючий материал из самых низов, который, вроде бы стихийно, а на деле регулируемый «своими», расшатывал бы Верховный Совет и всю общественно-политическую структуру. Именно этот материал, ангажируемый из состава аутсайдеров общества (бывших узников, среди которых были не только истинные узники совести, но и без таковой; так называемых вечных неудачников; особей разных колеров — вплоть до небесно-голубого; обиженных бывших партократов и просто типов с реактивной психикой), и должен был составить ударный батальон. Его задача: «от имени самого народа», но под рукой осведомленных пробить брешь в системе, в

которую без боя вошли бы профессионалы. Роль комвзводов и вся черновая работа возлагалась на представителей своеобразной рабочей и люмпен-интеллигентской аристократии.

Пожалуй, еще жестче обозначил эту чернь с разрушительным инстинктом Достоевский. Не принимая его резкости, типа «сволочь», я все же должен процитировать писателя, не нарушая авторского права:

«В смутное время колебания или перехода всегда и везде появляются разные людишки. Я не про тех так называемых «передовых» говорю, которые всегда спешат прежде всех (главная забота) и хотя очень часто с глупейшею, но все же с определенною более или менее целью. Нет, я говорю лишь про сволочь. Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе, и уже не только безо всякой цели, но даже не имея и признака мысли, а лишь выражая собою изо всех сил беспокойство и нетерпение. Между тем эта сволочь, сама не зная того, почти всегда попадает под команду той малой кучки «передовых», которые действуют с определенной целью, и та направляет весь этот сор куда ей угодно, если только сама не состоит из совершенных идиотов, что, впрочем, тоже случается… В чем состояло наше смутное и от чего к чему был у нас переход — я не знаю, да и никто, я думаю, не знает… А между тем дряннейшие людишки получили вдруг перевес, стали громко критиковать все священное, тогда как прежде и рта не смели раскрыть, а первейшие люди, до тех пор так благополучно державшие верх, стали вдруг их слушать, а сами молчать; а иные так позорнейшим образом подхихикивать» (Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 10. Бесы. Изд-во «Наука», Ленинград, 1974, стр. 354).

Я решительно против того, чтобы одним миром мазать всех «передовых». Среди них были и есть люди чести, которые искренне и благородно стремились обновить идущее под уклон общество, дать каждому народу, каждой нации законное право самоопределиться и реализовать свое естественное, Богом данное право на государственную независимость.

Но есть ли гарантия, что среди этих, передовых, не было и не имеется особей, преследовавших совершенно иную цель, которую с холодной жестокостью определил Петр Верховенский: «Вы призваны обновить дряхлое и завонявшееся от застоя дело… Весь ваш шаг пока в том, чтобы все рушилось: и государство, и его нравственность. Останемся только мы, заранее предназначавшие себя для приема власти: умных приобщим к себе, а на глупцах поедем верхом… Мы организуемся, чтобы захватить направление; что праздно лежит и само на нас рот пялит, того стыдно не взять

рукой» (там же, стр. 463).

Так есть ли гарантия, что среди благородных передовых не пребывают верховенские? Положа руку на сердце, объективно оценивая сегодняшние реалии, вынужден ответить: нет таких гарантий. Ибо «заранее предназначавшие себя для приема власти» уже рушат нравственность, и едут верхом на наивно поверивших им, и, «захватив направление», не берут, а хапают обеими все, «что праздно лежит». И стоит ли распространяться по поводу того, кто оказался в роли «глупцов», на которых сегодня «едут верхом»?!

Ведали ли Вы об этом, Михаил Сергеевич? По хорошо имитированной растерянности, вроде бы и нет. И мы верили Вам, поскольку просто не допускали, чтобы, зная о вопиющих нарушениях закона о выборах, о прямых подтасовках на избирательных участках, об угрозах физической расправы в случае «неправильного голосования», о множительной технике, типографиях и валюте, поставляемых напрямую из зарубежных спецфондов в помощь радикалам, — и вправду невозможно представить, чтобы генсек не отреагировал.

Действительно — невероятно, чтобы, зная это… Невероятно, но все упорнее склоняешься к мысли, что Вы об этом ведали, Михаил Сергеевич!

* * *

…Итак, уже в первые дни съезда начали исподволь проступать контуры некоей артели. Правда, сначала она действовала по возможности скрытно: все разработки и разборки осуществлялись за пределами Кремлевского дворца, на частных квартирах. На самом же съезде в качестве пробойного механизма был выпущен Юрий Афанасьев.

Показательная личность! Комсомольский выпестованец 50–60-х годов, он рос не по дням, а по часам, продвигаясь по иерархической лестнице. А вскоре как раз приспичило со взаимообменом «кадрами» между Францией и бывшим СССР.

В отличие от нынешних, в те времена учение за кордоном не являлось особо престижным. Посему большинство по всевозможным причинам (дома ведь ждала парт-карьера!) отнекивались. Словом, коллеги тайно сговорились и выдвинули в Париж наименее (по их мнению) перспективного — Юрия Афанасьева…

Все это прошло незамеченным и для многонационального общества, и науки в частности. Как и у кого он там стажировался,

но возвратился Юрий Николаевич совершенно другим человеком. И до этого не отличавшийся изысканностью стиля, он после Парижа и вовсе распоясался. К лицу приклеилась постоянная брезгливая гримаса. Голос потяжелел вкупе с фигурой.

Но больше всего поразил бывших коллег бросок Афанасьева в карьере. Не особенно преуспевающий в науках, элементарно компилирующий «марксистско-ленинские источники» (полистайте его диссертации); вернейший апологет хоцсистемы, он заимел доктора наук, потом и целый историко-архивный институт. Словом, за ним угадывалась чья-то мощная рука, все время подталкивающая вверх и манящая из-за рубежа, где он стал завсегдатаем.

Взгляды, позиция и понятийно-категориальный аппарат Афанасьева настолько быстро менялись и обновлялись, что он взошел на трибуну съезда уже в третьей инкарнации — от партократ-соцдемократа — до прямого антисоветчика. За порогом еще звучало эхо его «марксистско-ленинского» голоса, а с кремлевской трибуны он уже побивал и Маркса, и Ленина, и депутатов как «агрессивное большинство», стоящее на пути демократизации…

Итак, определился треугольник острием вниз, или — как в бывшей останкинской заставке — острием в зрителя.

А на самое острие, как указывалось выше, был командирован Юрий Афанасьев. Вот этот треугольник и оформился в «Межрегиональную депутатскую группу» (МДГ). В этакую, как пытались представить профанам ее оформители, невинную, даже не фракцию, а чуть ли не кружок по интересам. Так сказать, «стихийно возникшую» ячейку.

Наивное, неопытное большинство депутатов так и восприняло сие образование.

Но уж кто-кто, а Вы-то должны были знать (как впоследствии и мы уразумели), что это далеко не безгрешная артель. И образовалась она до 1985 года.

Ведь и слепому ясно: создать буквально за несколько дней так профессионально оформленную связку, со всеми признаками корпоративного ордена, могли только профессионалы. А что это не просто кружок случайных людей, а ядро будущей партии, свидетельствует блестящая информированность входящих в связку о месте и времени действия, согласованность и безупречная синхронность акций и, наконец, жесточайшая дисциплина и суровая подчиненность низа — верхам.

Я с горечью наблюдал, как один из депутатов-земляков, талантливый ученый, честный, неуступчиво-принципиальный, со своей ярко оригинальной позицией, попав в межрегиона л ку,

вдруг сник и посерел. При каждом голосовании он боязливо, из-под руки, озирался, спрашивая глазами одному ему известного «мессира»: какую кнопку нажать? Иногда, по забывчивости, сам определялся, но, спохватившись, опять сверялся с ним глазами — и нервно поспешно менял кнопку.

А нервничать было от чего и почему: треугольник имел отлично отлаженную разведсистему, весьма разветвленную сеть стукачей и соглядатаев… Там составлялись и хранились досье на всех более или менее видных оппонентов по многобалльной системе: кто, как и за что голосовал, кто как, за что и против чего выступал.

Образец подобного вопросника и другие инструкции на сей счет, за подписью Аркадия Мурашева, вы найдете в архивах почившего в бозе Верховного Совета. Если, конечно, тот же Мурашев или Баранников вкупе со Степанковым не произвели изъятие.

* * *

На что же Вы рассчитывали, демонстративно, как бы в бессилии разводя руками и уверенно сдавая одну за другой не только позиции, но и своих соратников, повзводно и поротно?

Если принять правила игры, то есть поверить в Ваше неведение, тогда как же расценивать, просто по-человечески как понять все дальнейшее?

Пасынок войны, познавший все тяготы военного времени и повоенной разрухи, сын потомственных хлебопашцев, Вы ничем не отличались от моего поколения пятидесятых — шестидесятых годов. Босоногое детство, отцовский пиджак и картуз. Рано познавший соль труда. Не в теории, а на практике: селяне приобщаются к земле с детства.

Школа. Мечты, мечты… Мы тогда еще, не в пример сегодняшним детям бизнеса, — мы тогда еще мечтали о чем-то высоком, о подвигах и, по нынешним скептическим временам, прочей романтической чепухе.

Да, мы были романтиками: «раньше думай о Родине, а потом — о себе», что ныне и вовсе вызывает гомерический хохот. А мы гордились своей Родиной, остановившей эпидемию фашизма. Мы гордились отцами, живыми и мертвыми, победившими дотоле непобедимого врага. Мы вместе с безутешными матерями плакали над похоронками. И, как свои личные, гордо носили пилотки со звездочками.

Мы хотели быть офицерами и весело шли в армию. Мы

хотели учиться не только для себя, но и для народа, для Отечества.

Да, мы были романтиками, бравируя в институтах и университетах в отцовских галифе и гимнастерках — самыми престижными «парами» тех лет.

А потом уже каждый созидал свою судьбу сам, «без лапы»— Вы, например, пошли по комсомольской и партийной линии. Вы росли динамично, Вас было видно издали, и в этом ничего нет зазорного или позорного: талант в «этой стране» ценился. И мы искренне радовались, переживали и, как могли, споспешествовали Вашему трудному восхождению на самый пик Олимпа — на пост генсека.

Мы были с Вами, когда решался вопрос: кто же — Гришин или Горбачев? Нас объединяло стремление обновить, изменить, перестроить… Но более чем уверен, ни мы, низовые, ни даже верхние на Олимпе — Егор Лигачев, Николай Рыжков, Анатолий Лукьянов, Нурсултан Назарбаев, Дмитрий Язов, Владимир Ивашко, да вначале и Борис Ельцин — не ведали, что это закончится изменением существующего строя. Подобная мысль была просто недопустима: чтобы в такой кровавой схватке с фашизмом отстоять, а тут «мирным путем»… Уму непостижимо!

Я здесь не оцениваю строй — плохой он, не плохой, я говорю о принципе — об изменении любого строя (т. е. о деянии, которое во всякой конституции — будь то США, Англия, Камерун, Сейшельские острова, Швеция или Болгария — во всех странах квалифицируется как государственная измена).

Так вот, если по-человечески подходить к случившемуся — мог ли бывший пасынок войны, сын своих отца матери, хлопец от «земли» — мог ли он заложить Родину, поднявшую его на самую вершину власти, — мог ли он стать отступником ее?

По человеческим понятиям — нет! Он мог ошибиться, но не предать.

Мог бы кто-либо из нас даже в бреду допустить, что кто-то задумал под хоругвями обновления восстановить капиталистический строй, который — как ни верти — предполагает эксплуатацию человека человеком?!..

Вы, Михаил Сергеевич, сыграли первую роль троянского коня, обитатели которого внедрились в сердцевину нашего духа. В результате содеяно то, чего не в силе были совершить на протяжении столетий самые коварные, изощренные и жестокие враги человечества, включая фашизм.

И самый тяжкий грех, вольно или невольно ложащийся на Вас, — даже не в реставрации капитализма (тут перестройщики явно промахнулись — капитализм западного образца у нас не

пройдет!), а в политическом разврате, когда Вы на глазах мирового сообщества поочередно отдавались то заокеанским, то западноевропейским лидерам.

Именно Вы открыли путь тем, кто с ног на голову перевернул исконные понятия совести, чести, достоинства, верности Родине, долгу и присяге, канонизировав как добродетели первой категории — ренегатство, жульничество, коллаборационизм, нигилизм, клятвопреступничество, наглое воровство, продажиичество, торговлю идеями, идеалами и национальными святынями, оплевывание истории, унижение воинов Великой Отечественной и ветеранов труда. Тем, кто натравил народ на народ, на чьих руках кровь Карабаха и Цхинвала, Баку и Сумгаита, Тирасполя, Шуши, Вильнюса и Оша — всех без исключения «горячих точек» межэтнических схваток.

Отравив духовную ауру, они сделали нормой самое отвратительное — апологию предательства. И уже откровенные — не только по нашим, но и по законам всех цивилизованных стран — шпионы и предатели становятся героями. Типажи, подобные изменнику Родины Гордиевскому, делятся своими «воспоминаниями» как… борцы против застоя. Наконец, Борис Ельцин амнистирует взяточников, опять же откровенных шпионов, вплоть до убийц. А чего не сделаешь ради того, чтобы освободить в тюрьмах и лагерях место для своих политических противников?!

Да, при Вас, именно при Вас, Михаил Сергеевич, предательство стало нормой. И не только в нашей обгаженной стране. Страшно признаться, но дело повернулось так, что вся страна, все мы волей-неволей стали… предателями по отношению к нашим друзьям и в бывшем социалистическом содружестве, и в арабском мире, и по отношению к братьям-славянам. Долго же нам придется искупать грехи, прежде чем проданные и преданные разберутся, что к чему, и простят невинным!

* * *

Вспоминаю свою первую поездку — еще до выборов в январе 1989-го — в многострадальный Спитак, после апокалиптического землетрясения. Сразу же по возвращении из Армении среди других попал на встречу творческой и научной интеллигенции с Вами.

В Ереване меня предупреждали, что мое намерение предложить введение в Карабахе прямого президентского

правления вызовет гнев Генерального. Но я все-таки — в зловеще звенящей тишине — обнародовал его на встрече. По Вашему весьма сумрачному виду и по тому, что в отчетах средств массовой информации мое выступление было искажено до неузнаваемости (из него начисто выскоблили главную мысль), и я утвердился в том, что предупреждения имели смысл.

Оговорюсь: я знал, как болезненно остро воспринимала даже намек на президентское правление азербайджанская сторона, но тогда, в январе 89-го да еще и в 90-м, мне казалось, что подобная модель с выводом на Центр всех структур управления областью — на строго оговоренное время — развела бы враждующие стороны и охладила страсти.

Но Вы все время уклонялись от ответа, уступали право дать его то Примакову, то еще кому-то. В конце концов из документа были изъяты все более или менее конкретные предложения нашей делегации, изучавшей проблему Карабаха на месте. Таким образом, делегация оказалась между двух огней: армянская сторона обвинила нас в проазербайджанской позиции, азербайджанская — в проармянской…

А ситуация в Прибалтике? Первый раз я побывал там, когда и Вы удостоили своим посещением Литву, где уже раскручивался бурный водоворот страстей. По логике событий, самое время было принимать политическое решение: договариваться с противостоящими сторонами об экономической независимости республики с обязательной и однозначной защитой «некоренного» населения.

Вы же по нескольку раз на дню меняли свои позиции. То ортодоксально отстаивали статус-кво: мол, и речи не может быть о независимости; то подыгрывали радикалам: берите хоть сейчас эту самую независимость. Идо того запутались, что уже и вовсе начали терять контакт с аудиторией.

Но Вы всегда умели переакцентировать внимание на других. Как-то в очередной раз выпутываясь, Вы вдруг перед камерами телевидения обратились ко мне: «Вот сидит мой старый друг Борис Олейник…» Я, конечно же, мысленно расшаркался, еще не подозревая, как тонко меня примкнули к «сподвижникам». Причем на контрапункте, ведь я еще в первые дни первого съезда однозначно поддержал прибалтов в их стремлении к экономической независимости.

Но особенно остро я ощутил подставку, когда мы с группой депутатов летели гасить уже и вовсе взрывоопасную ситуацию в Литве в январе 1991 года. Прибыть предполагалось не позже 13 января. Но кто-то распорядился остановиться в… Минске на ночлег. Таким образом, мы очутились в Вильнюсе лишь утром 14

января.

И только там, продираясь к парламенту сквозь 60-тысячную толпу, бросавшую нам в лицо: «Убийцы!», я начал кое-что понимать.

Трагическая картина несколько прояснилась после беседы с Ландсбергисом и просмотра видеокассет, запечатлевших события той трагической ночи. Оказывается, именно в ночь с 13 на 14 января, когда мы ночевали в Минске, и произошла кровавая схватка, унесшая человеческие жизни.

Сопоставляя события, я теперь могу утверждать, что кто-то заранее знал о готовящейся провокации и, дабы поставить делегацию перед свершившимся, притормозил ее прибытие. Ибо, прибудь вовремя, мы бы, вне всякого сомнения, бросились гасить пожар.

Однако и ныне считаю, что хоть и с опозданием, но мы предотвратили худшее, грозившее обойтись уже сотнями человеческих жертв.

Обстановка в Вильнюсе с утра до 22.00 14 января была крайне взрывоопасной. Противоборствующие стороны жестко, если не ожесточенно, стояли каждая на своем. Растерянный Ландсбергис, созвавший около 60 тысяч литовцев на свою защиту, пытался удержать нас в парламенте, опасаясь штурма.

Мы объяснили, что — напротив — чем скорее вступим в переговоры с военными, тем лучше и для него, и для всей Литвы, и для военных, и для нас.

Военные, доведенные до крайней степени раздражения, ибо на протяжении последних недель (так они объясняли) их травила не только вся пресса, радио и телевидение, но и местные жители, обзывая оккупантами, забрасывая камнями военный городок, брутально оскорбляя, — были неуступчивы. Чувствовалось, что в войсках в отчаянии готовы на все. И без того взрывную атмосферу накаляли жены офицеров, надрывно требовавшие защиты.

Разделяя их боль, я все же пытался выяснить у военных, кто дал команду штурмовать телецентр? Отвечали — сами солдаты двинулись выручать депутацию от русского населения, которая направлялась с петицией к парламенту, но была избита.

Мы все же требовали показать приказ на подобные действия и назвать: кто конкретно из Центра дал его? Генералы в который раз удалялись в сопредельную комнату на совещание.

А тем временем мы курсировали от военного городка к Ландсбергису и обратно. Тревога нарастала. И только в 22.00 наконец свели обе стороны в нашей резиденции, отменили готовящийся приказ о комендантском часе и режиме. Народ постепенно начал расходиться из-под стен парламента.

Слова бессильны передать весь накал того тяжкого дня. Не решаюсь давать и оценки действиям сторон. Напомнил же об этом зловещем фрагменте лишь для того, чтобы еще раз твердо сказать: не могли сами военные, без хотя бы устного разрешения Центра выйти из городка.

* * *

Теперь, опираясь на опыт пребывания во всех «горячих точках», так ли уж я буду далек от истины, если предположу, что и эта трагедия разыгралась не без Вашего ведома, Михаил Сергеевич? Как и в Карабахе, как и в Сумгаите, как и в Баку, как и в Оше, как и в Фергане, как и в Тирасполе, как и в Тбилиси, как и в Цхинвали?.. Поверьте, я страстно хочу ошибиться, но ведь сценарий один и тот же: происходит трагедия, о которой Вы, как правило, «не ведаете». И только потом, всплеснув руками, посылаете «пожарную команду», прибывающую с запланированным опозданием. На тлеющие угли, на пролитую кровь, на похороны жертв.

А Вы опять, как голубь мира, невинно парите с оливковой ветвью над руиной. И опять — «ничего не ведаете».

Ну а как же быть с донесениями агентуры КГБ, которые задолго до трагедий ложились Вам на стол?

Правда, Вы преимущественно пребывали за кордоном, где вас как «Посла мира» чествовали и обхаживали, вручали всевозможные премии. Но, Михаил Сергеевич, — даже школьнику ясно, что и там, за кордоном, Вы знали все, что делается в оставленной Вами родной стране. Хотели бы Вы или не хотели, но знали, ибо такой у Вас пост.

А посему сакраментальный вопрос — почему же Центр всегда медлил? — теперь уже отпадает сам собой. Ныне совершенно ясно, что это входило в чьи-то замыслы — «изменить общественно-политический строй». Конечно, подобное квалифицируется по старой Конституции как измена Отечеству. Смею еще раз заверить Вас, что и по старой, и по новой, и по американской, и по шведской Конституции аттестация та же самая.

Но поскольку отступничество у нас стало нормальной практикой, Вы с такой же легкостью подставили давнего союзника — Ирак. Я ни в коей мере не обеляю Саддама Хусейна (с которым Вы, кстати, накануне «по-братски» обнимались), но где же были мы с Вами, когда намедни в таком же стиле США буквально раздавили Гренаду, а вскоре и Панаму?! Михаил

Сергеевич, Вы же не единожды сокрушались по поводу того, что оппоненты в политической борьбе исповедуют лукавый принцип двойных стандартов. Позвольте спросить: сколькими же стандартами мы пользовались, развязывая войну в Персидском заливе? Причем даже не удосужившись разорвать с Ираком договор о дружбе и сотрудничестве.

Такого коварства в мировой практике надо еще поискать!

Но Вы опять же приняли позу наивно несведущего, предоставив неограниченное право нашим представителям в ООН выступить, по существу, за развязывание войны с Ираком. И опять невинно развели руками: мол, впервые слышу. Каким же поразительным контрастом на фоне молчания всех радикалов и правозащитников по поводу агрессии США в Гренаде и Панаме, каким многозначительным контрапунктом прозвучал слаженный, истеричный хор тех же самых демократов, наперегонки осуждающих Ирак! Заметьте: не Саддама Хусейна, а Ирак, народ которого десятками тысяч методически, в упор расстреливали союзники всеми самыми жестокими видами оружия!

Но еще более странно то, что на партийном Пленуме, собравшемся в разгар «умиротворения» Ирака, даже не предполагалось дать хотя бы оценку происходящему.

Включенный в редакционную комиссию, принялся изучать проект Политического заявления. К своему изумлению, я не нашел в нем даже упоминания о трагедии в Персидском заливе! На мое предложение отразить нашу позицию в связи с этой бойней члены комиссии не отреагировали. В связи с чем я оставил своих коллег в «загашнике», а сам пошел в зал заседаний и подал записку на предмет выступления.

Очевидно, соглядатаи уже успели проинформировать президиум, о чем я собираюсь говорить, — несколько моих записок остались без внимания. И лишь после того, как в очередной раз пообещал, что сам, без приглашения оккупирую микрофон, мне его предоставили. Я сказал, в частности, следующее: «…Нынешнее состояние дел в нашей стране непозволительно рассматривать вне контекста событий, происходящих в мире. А они, эти события, уже обагрены кровью.

…Сегодня во весь свой зловещий рост встала проблема, на которую мы обязаны дать незамедлительный ответ, если, конечно, еще не поздно.

Мы должны в открытую сказать о последствиях «Бури в пустыне», должны честно признать, что наши действия были, мягко говоря, в этой ситуации не всегда оптимальны. Да, агрессии Саддама Хусейна, как и любой другой, — нет прощения. Развязавший ее должен понести самую суровую кару, даже после

того, как он освободит оккупированный Кувейт. И мировое сообщество в лице ООН незамедлительно начало осуществлять эти карательные акции, самой действенной из которых стала блокада. Неукоснительное исповедывание ее, уже ощутимо давившее на Ирак, моральное всемирное осуждение агрессора и другие политические действия, казалось, вселяли надежду на локализацию конфликта. Будем откровенны, ведь и мы, вплоть до рокового часа, не верили, что война разразится. Не верили, ибо, согласимся, для мирного урегулирования были использованы далеко не все рычаги.

В этой связи достойна самого пристального внимания и анализа та поспешная сверхактивность, с которой американская сторона побуждала союзников из всех вариантов принять как единственно возможный, не имеющий альтернативы, — военное вмешательство. Все это, естественно, преподносилось под благородным флагом защиты общечеловеческих ценностей. И кто осмелился подвергнуть сомнению эту высокую идею?!

Но ведь мы знаем, что США, при всей приверженности к общечеловеческому, никогда не забывали о своих национальных интересах. Причем не стесняясь определять угрозу им в любой точке планеты и, как правило, — за тысячу миль от своей территории.

Позвольте, а у нас что — нет своих жизненных национальных интересов? А ведь в то время как американцы наблюдают за театром военных действий с дистанции в несколько тысяч верст, СССР превратился, по существу, в прифронтовое государство, поскольку война развернулась всего за 260 километров от его границы. Позволительно ли забывать и тот фактор, что значительная часть населения нашей страны мусульманского вероисповедания? Но даже если бы этот фактор отсутствовал, то не кощунственно ли говорить о ценностях общечеловеческих, если ради них бросается на смертную Голгофу жизнь сотен тысяч ни в чем не повинных иракцев, израильтян, да и союзников? Меня поражает, мягко говоря, смелость иных государственных деятелей, которые, поудобнее опираясь одним сапогом о Гренаду, а другим — о Панаму, с профессорской назидательностью вещают нам о тех же общечеловеческих ценностях, о нарушениях прав человека и прочее…

Или тут действует принцип: «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку»? Но ведь подобная, признанная нами избирательность свидетельствует о том, что мы априори согласились с особой, юпитерской ролью одной стороны, любые действия которой не подлежат анализу со стороны покорно бредущих на заклание быков, в стадо которых кто-то упорно

пытается загнать и нашу страну!

Я, переживший вторую войну, не хочу, чтобы далекие потомки, роясь в свалке экологической катастрофы, нашли под пеплом обгоревшие декларации о национальном суверенитете, которые так и останутся лишь декларациями. А посему я призываю Коммунистическую партию вместе со всеми общественными движениями потребовать от Верховного Совета, Правительства и Президента обратиться к мировому сообществу с призывом любыми средствами остановить военные действия в Персидском заливе. Для этого надо немедленно созвать чрезвычайную сессию ООН и на Совете Безопасности единодушно проголосовать за прекращение методического расстрела целых народов. Одновременно надо создать национальные и международные экспертные комиссии, которые бы уже сегодня определили, чем грозят человечеству катастрофические нарушения экологического равновесия в Персидском заливе. Ибо для нас, переживших Чернобыль, промедление в этом смысле — воистину смерти подобно.

* * *

По всему было видно, что Вам весьма не понравилось сказанное. И даже шокировало, поскольку это было произнесено впервые на таком высоком уровне и прозвучало диссонансом в слаженном хоре радикалов. Министр Бессмертных пробормотал что-то невнятное. Но многие поддержали мое предложение включить в Политическое заявление Пленума последний, V пункт, гласящий: «Выражая глубокую озабоченность опасным развитием событий в зоне Персидского залива, Пленум призывает государственное руководство страны предпринять необходимые дополнительные шаги перед международным сообществом и Организацией Объединенных Наций для прекращения кровопролития, упреждения невосполнимого ущерба окружающей среде и перевода военного конфликта в русло политического решения в духе резолюций Совета Безопасности ООН». («Правда», 4 февраля, 1991 г.)

Странно, не правда ли: самый молодой «партократ» вынужден напомнить многоопытным цековцам — во главе с самим Генеральным секретарем! — об «упущении», за которым стояло тотальное уничтожение целого народа. Напоминать государственным мужам, что коль Америка считает не зазорным отстаивать свои интересы в любой точке земного шара, за многие тысячи миль от себя, то неужели у нас отсутствуют национальные

интересы хотя бы за какую-то сотню миль от нас?

Словом, что это был сговор с темными силами — теперь уже не вызывает сомнения. Единственное, что еще надлежит уточнить: когда и в каком явочном регионе этот тайный сговор был окончательно парафирован? Сие вычислить не так-то просто, поскольку, как правило, после протокольного видового ряда Вы почти со всеми лидерами в дальнейшем договаривались «за закрытыми дверьми». Конечно, эта форма в международной практике не исключается, но — простите за тавтологию — как исключение. В Вашей же деятельности она стала правилом. И вот поди узнай, о чем Вы сговаривались за спиной непосвященных соотечественников от имени… соотечественников? Простите, Михаил Сергеевич, но эти «закрытые встречи» дают простор для всевозможных, даже фантастических догадок.

Наша общественность никак не могла взять в толк, чего это, к примеру, Вас потянуло встречаться с Бушем… на Мальту? На Мальту, имевшую зловещую славу острова, где гнездились разные рыцарские ордена, где и ныне пребывают тайные штаб-квартиры темных сил.

А может, именно потому и влекло Вас туда, Михаил Сергеевич? Да еще эта мистерия с кораблями! Что, на суше не было гарантий от подслушивания, а переплеск волн и шум воды, как известно, — самый надежный защитный экран от лишних ушей? Похоже, Михаил Сергеевич…

Похоже и то, что сговаривались Вы с Бушем о чем-то таком (не прорабатывалась ли, как подозревают многие, и форосская модель?), о чем-то таком богопротивном, что само Небо несколько раз во гневе разбрасывало корабли!

Позже член ВС Российской Федерации, председатель Комитета ВС России по свободе совести протоиерей В.С. Полосин с горечью заметил: «В одной массовой газете в конце 1991 года была помещена фотография, на которой Борис Николаевич Ельцин запечатлен в облачении рыцаря-командора Мальтийского ордена, принимающего в Кремле жезл и другие знаки различия, а также оккультный орден ассирийской богини Бау. Но ведь известно, что Мальтийский орден издавна считается центром всемирного масонства. Между прочим, Б.Н. Ельцин — второй после императора Павла I высший отечественный государственный руководитель, кто бы открыто появился в одежде командора Мальтийского ордена. К сожалению, не нашлось в команде Б.Н. Ельцина человека, который бы поведал ему о судьбе Павла I». (Еженедельник «Гласность», № 13/94, с. 6).

Свидетельствуя свое глубочайшее уважение к протоиерею, осмелюсь, однако, спросить: уверен ли он, что Б. Н. Ельцин

«второй»? Имею в виду не его «второе пришествие» в облачении рыцаря-командора, а тайное посвящение? Осмелюсь предположить, что — не второй и не десятый из числа соотечественников. Уверены ли мы, что на упомянутой мальтийской встрече, кроме всего прочего, Михаил Сергеевич не удостоился быть «посвященным»? (В этой связи позволю себе не согласиться с теми, кто упорно «разрешает» только представителям одной нации быть масонами. К вящему их удивлению, скажу, что сие — дело интернациональное и в ложах, как в лодиях, плывут и чистопородные славяне. Думаю, что и мои оппоненты согласятся: по крайней мере Ельцин и Горбачев — не евреи).

Как-то, уже после Фороса, Вы обронили насторожившую фразу: мол, о случившемся в августе 91-го года всю правду никто, кроме Вас, не знает и не узнает. Выходит, все, что Вы и Ваши ближние рассказывали нам о «путче», это не настоящая правда? Значит, Вам есть что скрывать?

Но тут уже моя очередь поражаться Вашей самозабвенной наивности. Да узнают, Михаил Сергеевич, узнают — даже о том, чего и Вы… не знаете! Если уже не узнали…

* * *

Словом, перед последним Пленумом ЦК КПСС, назначенным на июль 1991 г., в основном завершилось разрушение «прогнившей системы». Панорама открылась апокалиптическая: горел Карабах, истекал кровью Цхинвал, грозно зияла рана расколотой Молдавии, по разгромленному Союзу, между пылающими головешками, брели сотни тысяч беженцев с угасающими глазами, в которых умирала надежда.

Весь этот ужас сопровождался волчьим воем блюстителей «чистоты расы», истерически призывающих изгонять, а то и убивать всех «некоренных». Землю сотрясали низвергаемые памятники, вокруг шабашили, творя ритуальный танец каннибалов, ослепленные безотчетной ненавистью особи с перекошенными лицами невменяемых.

Между этими руинами шныряли откровенные хваты типа Артема Тарасова, которые под прикрытием кооператоров-посредников жадно набивали сундуки награбленным у растерянного народа. А в меблированных номерах новые хозяева жизни предавались разврату с «маленькими Верами». В подземных переходах какие-то амбалы двадцати — тридцати лет с характерной хрипотцой предлагали публике иллюстрированные

зарубежные и отечественные пособия по технике половых сношений, включая и мужеложество.

Короче, «процесс» успешно шел к завершению. Оставалась единственная преграда на пути к полной победе «перестройки и нового мышления» — оставалась еще партия.

Более двух лет она была отстранена от активной деятельности. Но, сознательно затягивая реформу, ее коварно выставили под плевки радикалов всех мастей и прежде всего под удары перевертышей. Эти, еще вчера «беспредельно преданные», избивали ее с особым пристрастием.

И все же она еще дышала. Более того, готовилась к своему съезду, обнародовав проект новой программы, которая, при всем ее несовершенстве, выводила партию на качественно новую, на парламентскую модель.

Это, пожалуй, больше всего и всполошило радикалов, местных и дальних.

Ибо — раньше или позже — реформировавшись, она осудила бы всех перерожденцев — сверху донизу, изгнав их из своих рядов.

Но — главное — учтя прошлые ошибки, пошла бы в низы и встала на защиту людей труда от поползновений воров и спекулянтов, которые сегодня прибрали к рукам нажитое народом добро, превратив соотечественников в батраков. Поощряя разные формы собственности, политическое многоголосие (осточертел этот «плюрализм»!), неукоснительно исповедуя принцип защиты прав человека, партия, однако, не допустила бы реставрации капитализма.

Но это, похоже, сводило насмарку главный замысел. И президент в очередной раз был срочно вызван за границу (ныне все четче проступает подозрение, что Ваши закордонные вояжи, преподносимые как наши «инициативы», планировались там, куда Вас время от времени вызывали). А в последний раз, перед августом, Вы уж и впрямь срочно были затребованы в Лондон (16–19.VII.91 г.) — на сдачу страны «семерке».

На этой последней «летучке за закрытыми дверями» Вам, очевидно, здорово влетело за слишком уж затянувшуюся возню с КПСС.

Похоже, что там лучше Вас знали обстановку в руководимой Вами стране. И подтверждение тому — предпоследний Пленум ЦК КПСС (апрель 1991 года).

Начало его работы прошло более или менее спокойно, в раскачке. На второй же день цекисты, не особенно церемонясь, навесили Вам все: и развал страны, и разгром партии, и предательство национальных интересов, и межнациональную

резню.

Вам это, конечно, порядком надоело. И Вы решили спрыгнуть с поезда на ходу. Отряхнуться — и как ни в чем не бывало оказаться впереди и в стороне.

Момент был самый подходящий: цекисты уже не выбирали выражений. Один из них (А. М. Зайцев, первый секретарь Кемеровского обкома партии) сказал: «У коммунистов и трудящихся зреет мнение, что партия приносится в жертву проводимому государственному и правительственному курсу, который осуществляется от ее имени. Положение катастрофическое, антикоммунизм и капитализация экономики сегодня стали реальной политикой в Советском Союзе. Соотношение сил не в пользу партии. Сначала ее разложили идеологически, затем организационно, а сейчас хотят добить материально. Михаил Сергеевич, я бы хотел сказать, почему все-таки шахтеры добиваются Вашей отставки. Наверное, интересный вопрос. Это, я думаю, у них профессиональное. Когда в шахте авария, то они оперативно, в чрезвычайном режиме и при четкой дисциплине ее ликвидируют, зная, что, если они этого не сделают, — дальше взрыв, катастрофа. И, видя, что страна находится в аварийном состоянии, а Вы мер не принимаете, они и требуют другого лидера, который не допустил бы катастрофы. Поэтому, Михаил Сергеевич, если можете, используйте свой последний шанс».

Уцепившись за последние «советы» и оборвав Ивашко, который уже закрывал утреннее заседание, Вы вдруг закатили истерику и даже разыграли благородный гнев. И… подали в отставку.

Простите мою нескромность, Михаил Сергеевич, но я был один из тех, кто если не разгадал, то уловил смысл игры: улизнуть с поста Генсека, подставив рядовых коммунистов под очередной расстрел. Сначала — моральный, а потом и физический.

* * *

После перерыва заседание началось без Вас, но я, исходя из своего куцего опыта, предполагал, что Вы где-то поблизости, в хорошо радиофицированном кабинете, внимательно слушаете и следите через своих информаторов за всем происходящим.

Наконец мне дали слово. Я, в частности, сказал: «… последовали рискованные заявления об отставке, а вы знаете, что в такой напряженный момент это чревато непредвиденными

последствиями. Уже хотя бы потому, что свято место пусто не бывает. А ведь хотят многие…

Если мы сегодня протокольно хотим оформить развал партии, пожалуйста, можно сделать. Но я лично делаю замечание Михаилу Сергеевичу Горбачеву, пока что без занесения в личное дело (мне, как правило, всегда заносили в личное дело), что так не делается. Сначала мы должны навести вместе с ним порядок в доме, найти восприемника, воспитать его и выяснить в этом зале, примем его или нет.

Я уже говорил, что наша страна первая в мире, которая впервые осуществила заветную мечту Бакунина, князя Кропоткина, моего земляка Нестора Ивановича Махно: то есть мы уже шестой год идем по пути анархистского выбора, правда с элементами социализма.

Но когда Президент взялся за выполнение антикризисной программы, которую, уверен, поддержат даже оппоненты, то мы должны ему помочь. И потребовать, чтобы он употребил президентскую власть и навел порядок, не нарушая демократии. Если мы и он не хотим, чтобы пришел кто-то третий и объявил: «Граждане, Отечество в опасности», предварительно щелкнув затвором».

Уверен: сквозь несколько ироничный тон выступления Вы почувствовали, что уловка расшифрована. И больше всего, осмелюсь предположить, Вас встревожила именно последняя фраза — предостережение относительно щелкнувшего затвора.

Да, Михаил Сергеевич, Вы обладаете интуицией, которая особенно обостряется при грозящей опасности. И буквально на глазах меняете цвет мыслей и действий применительно к создавшейся обстановке.

На втором перерыве меня разыскали посыльные и препроводили в кабинет, где Вы меня встретили чуть ли не по-братски. Не знаю, заметил ли присутствовавший при сем секретарь ЦК Строев, но я уловил сквозь обворожительную улыбку… стальной проблеск на дне Ваших темных глаз. И — контрапунктом — слова: «Спасибо, Борис Ильич… А то уже черт знает что! Просто оскорбляют» и т. д. в том же «товарищеском» ключе. Короче, Вы вынуждены были дать уговорить себя отозвать отставку.

Очередной, и, как оказалось — последний, пленум должен был окончательно уточнить проект новой Программы партии и дату съезда.

Проект Программы, конечно, страдал описательностью. И все же очертание новой модели просматривалось: партия переходила на качественно иную, чем доныне, на биологическую основу

парламентской.

Наиболее слабой стороной проекта, на мой взгляд, было то, что размывалось самое главное в преддверии рыночной стихии — защита людей труда.

Года два я на всех уровнях выступал за то, чтобы, сублимировав энергию качественно обновленной партии, сориентировать ее на утверждение идеи социальной справедливости. Готовился по сему поводу выступить на пленуме. И, конечно же, не только советовался с единомышленниками, но и агитировал их поддержать мое предложение — разорвать навязываемую нам политическими оппонентами генетическую связь с перерожденцами, создать независимую комиссию, которая бы поименно определила вину каждого из верхнего этажа в тяжких преступлениях перед всем народом, и коммунистами в частности. Словом, начать с чистого листа, с возрождения принципа социальной справедливости — принципа исконного и вечного, который бы реально воплотила в своей деятельности партия. В этой связи я и хотел предложить новое ее название — Партия Социальной Справедливости…

О том, что именно на этом пленуме ожидалось отречение генсека, свидетельствует тот факт, что первые сообщения иностранных агентств были однозначны: произошло давно ожидаемое — Горбачев отказался от социалистического выбора и признал весь предыдущий опыт нашей страны ошибочным. Но потом сообщения о пленуме стали мягче, размытее. Почувствовалась даже какая-то растерянность: вроде бы сохраняется статус-кво.

Думаю, произошло следующее. Вспомним, как после так называемого «путча» радикальная пресса, невольно выдавая себя, возопила: надо же, как коварно повели себя партократы на пленуме! Прикинулись агнцами, дабы усыпить бдительность, и безропотно приняли все, что предлагал генсек. Словом, сговорились.

Следовательно, радикалы, как, не исключено, и сам генсек, жаждали совершенно иного исхода. Ожидали фронтальной атаки на Горбачева, после чего он с легким сердцем наконец-то хлопнул бы дверью и таким образом реализовал и свою заветную мечту!

Не вышло. Ибо даже самые правые и самые левые из партократов почувствовали, чем это грозит, если и не стране, то им самим. И покорно со всем согласились.

* * *

Августовским утром 1991 года меня разбудили и сбивчиво уведомили, что в стране введено чрезвычайное положение. Первая моя реакция была весьма безмятежной: мол, мы и так уже шестой год живем при полнейшем безвластии, то есть в более чем чрезвычайном положении. Но не на шутку встревоженные лица будителей сняли полусонную игривость.

Включили радио. В первый день передавали Заявление Председателя ВС Лукьянова по поводу нового Союзного договора.

Подчеркиваю — в первый день. Поскольку в следующие — Заявление передавалось уже отдельно от блока распоряжений гэкачепистов.

Как выяснилось позже, Анатолий Иванович решительно опротестовал, чтобы оно предваряло документы ГКЧП, ибо готовил его раньше и ни в коей мере не в связи с чрезвычайкой, к которой не имел отношения. Как опытный юрист, Лукьянов первым разгадал, кто и зачем организовал этот «путч».

…Хотел бы внести некоторые уточнения. Радикалы и примазавшиеся к ним ныне на всех перекрестках гремят о том, что они-де сразу же сориентировались и встали на защиту Президента и демократии. Более того, чуть ли не весь народ бросился защищать «Белый дом».

Ну зачем же так, господа! Подавляющее большинство люда ничего толком не знало. Я, к примеру, услышав, кто подписал документы ГКЧП, где, в частности, говорилось, что президент по состоянию здоровья не может управлять страной, не сразу усомнился в правдивости сказанного. А кому же тогда верить, если не вице-президенту, премьер-министру, министру обороны, начальнику канцелярии, председателю КГБ — самым близким не только по службе, но и лично Горбачеву, который подбирал их, пробивая через парламент, а Янаева буквально внес на руках в свои апартаменты (?!).

Единственное, что настораживало: по закону чрезвычайное положение вводится только с дозволения Верховного Совета. Следовательно, нас должны созвать незамедлительно. Я тогда был в Запорожье и сразу позвонил в Киев: нет ли предписания явиться?.. На всякий случай дал координаты в Запорожье. Глухо. Связался с Москвой: ответили сбивчиво, в том смысле, что пока ничего не ясно.

Стоп! Да ведь назначен Пленум ЦК КПСС! Позвонил туда — никто не отвечает. Принимаю решение: добираться до Москвы самотеком. Кто-то из запорожцев засомневался: стоит ли рисковать, поскольку столица наводнена танками и бронетранспортерами. Я отшутился тем, что за два года посещений «горячих точек» танки и солдаты для меня стали

делом привычным, а бронетранспортер — самым оптимальным средством передвижения.

Летели мы из Запорожья вместе с депутатом Виталием Александровичем Челышевым. Я, как мог, успокаивал коллегу: осунувшийся после бессонной ночи, он чисто по-человечески, остро переживал за судьбу президента. Но особенно нас угнетало полнейшее неведение: как это произошло, кто за всем этим стоит? Что это — путч, переворот? Если переворот — то дворцовый или полный, военный? А может, и вправду у Горбачева срыв: ведь перед отпуском он работал по-черному, каторжно и почти не выходил из режима зарубежных поездок? Все могло случиться…

Благополучно добрался до Кремля. По пути, правда, встречались танки, но они, не в пример своим грозным сородичам в «горячих точках», как-то мирно жались к обочинам.

Первым мне встретился Рафик Нишанов. Всегда сохраняющий присутствие духа даже в самых сложных парламентских перипетиях, он выглядел неимоверно уставшим и даже растерянным.

— Ничего не понимаю, — развел руками на мой вопрос о смысле происходящего. — Еще буквально два-три дня назад я разговаривал с Михаилом Сергеевичем (Рафик Нишанович тоже отдыхал в Крыму. — б. О.). Как всегда, деловой разговор. Правда, прощаясь, Михаил Сергеевич пожаловался на здоровье: что-то насчет радикулита. Не придав особого значения его словам, ведь он же не железный и, естественно, устал, я пожелал ему доброго отдыха. А теперь не дозвонюсь, говорят, телефоны отключены… Ничего не понимаю…

— А где же Анатолий Иванович?..

— Да вот только лишь возвратился из отпуска, кажется с Валдая… У него там сейчас людей — невпроворот.

В кабинет зашел Лаптев. Иван Дмитриевич, в отличие от Рафика Нишановича, был настроен решительно.

— Надо что-то делать, а то они его там придушат, если уже не придушили! — отчеканил Иван Дмитриевич как бы в эфир.

Мы незаметно переглянулись с Нишановым.

Не ведаю, что подумал в этот миг Рафик Нишанович, но у меня промелькнула кощунственная мысль: Иван Дмитриевич, по крайней мере, догадывается о чем-то таком, о чем нам и не снилось. Пока.

А тем временем я безуспешно пытался дозвониться в ЦК: ведь на 2 августа предполагался созыв Пленума. Глухо. Наконец кто-то взял трубку и ответил, что Пленум… отменен. Мне стало совершенно ясно: партию умышленно подставили под моральный

расстрел.

Раза три я пытался прорваться к Анатолию Ивановичу Лукьянову. И каждый раз помощник, растерянно разводя руками, извиняющимся тоном сообщал: у него люди.

Собственно, мне уже и без Лукьянова ничего не стоило замкнуть логический круг: готовится (или уже идет) полнометражный государственный переворот. Только с той ли стороны?..

Дабы окончательно удостовериться, я предпринял на то время несколько рискованный шаг: попробовал связаться с одним из помощников президента. Сказали, что он в отпуске, под Москвой на даче. Решил ехать к нему.

Руководствовался простейшей, школярской, логикой: если гэкачеписты и вправду задумали, по утверждению И.Д. Лаптева, придушить президента, то уж его помощника должна «пасти в оба» соответствующая служба. Следовательно, и меня — тоже.

Но машина прошла без сучка и задоринки: трасса была почти пустая. Хвоста, по крайней мере в обозримом пространстве, не наблюдалось. «Очевидно, подключится на даче». Но и там было чисто.

Единственное, что, по утверждению помощника президента, изменилось: некоторые обитатели дач, ранее милевшие к нему особой лаской, начали опасливо сторониться. А в остальном — вроде бы ничего.

Я знал этого человека давно. Молодой, талантливый ученый, лишь накануне защитивший докторскую, он по своей предыдущей деятельности и службе напрямую соприкасался с нашей литературной братией. Мои коллеги были ему многим обязаны: он и защищал их от наскоков партократов, и помогал с квартирами, и продвигал остановленные цензурой книги. По мере восхождения не менялся: был всегда доступным, по-товарищески верным, не ломал шапку перед начальством, твердо отстаивал свои жизненные принципы. В общем, мужик крепкий и чистоплотный.

Я счел своим человеческим долгом в этот небезопасный час хоть чем-то помочь ему. Договорились, что останусь на ночлег. Мыслил: если придут, то пусть уж берут обоих. Как депутату и вице-председателю палаты, полагал наивно, мне все же должны дать возможность хотя бы связаться с моим кремлевским руководством, а заодно и сообщить, где мы и что с нами.

Никто не приходил и, естественно, «не брал». Послушав и официальное радио, и радиостанцию защитников «Белого дома», которая истерически пыталась доказать, что она ведет передачи из подполья, мы вышли на улицу.

— Ну теперь, кажется, все ясно, — сказал помощник.

— Не все, конечно, — отозвался я. — Но то, что совершен переворот, — ясно. Остается выяснить судьбу (или роль?) Горбачева.

На том мы и расстались.

* * *

В Кремле царил если не сплошной кавардак, то настоящий водоворот. Оттеснив растерянных аппаратчиков, повсеместно хозяйничали молодые «барбудос» со значками народных депутатов России и без таковых. На заседании президиума — то же самое: юные «защитники Белого дома» взяли ситуацию в свои руки. На чей-то вопрос, почему они здесь, объяснили: это — расширенный президиум с привлечением «инициативной группы».

Зашел Анатолий Иванович Лукьянов, почерневший и осунувшийся. Но держался с достоинством. Поскольку ему уже априори составили corpus de licti, он предложил вести заседание председателям палат.

От Лукьянова вымогали ответа: почему он не созвал если не съезд, то хотя бы Верховный Совет сразу же после объявления ЧП? Допрашиваемый объяснил, что дата очередной сессии Верховного Совета была согласована заранее, а предыдущий опыт свидетельствует, что депутаты, разбросанные по всему Союзу, вплоть до Средней Азии и Дальнего Востока, все равно не успели бы собраться.

Я не обмолвился, употребив термин «допрашиваемый». Лукьянова допрашивали по всей форме, более чем с пристрастием, с оскорблениями личности вплоть до «наперсточник». Чувствовалось, что «барбудос» были кем-то четко проинструктированы в выполнении социального заказа: во что бы то ни стало убедить общественность в том, что Лукьянов — координатор заговора. Помимо проволочки с созывом ВС, его напористо обвиняли в том, что Заявление о Союзном договоре предваряло документы гэкачепистов. Помните, я говорил выше, что в первый день так и было, но по настоянию самого Лукьянова его впоследствии отделили от распоряжений ГКЧП?

Возникает вопрос: кто же именно таким образом смонтировал подачу материалов?

Теперь уже и школяру ясно: этот кто-то был внедрен в группу «заговорщиков» И он не только информировал команду Бориса Николаевича, паче того, сие лицо и подталкивало восьмерку на

«решительное действие», о коем сообщало… в «Белый дом». А там уже под него готовились соответствующие указы, обнародованные сразу же после «победы демократии».

Кто же он, двойник? Поговаривают, возможно, В. Крючков. Думаю, что это издержки инерционного мышления: раз главный кагэбист, следовательно — агент.

Хотя некоторые детали и озадачивали. Откуда, скажем, у Крючкова такая уверенность в том, что, как он заявил после ареста, меня, мол, суд оправдает?

Удивляет и существенная разница указов (от 22.VIII.91 г.) Горбачева об освобождении от должности В.С. Павлова и В.А. Крючкова.

Касательно первого он звучит так: «В связи с возбуждением Прокуратурой СССР уголовного дела в отношении Павлова В.С. за участие в антиконституционном заговоре Павлов Валентин Сергеевич освобожден от обязанностей премьер-министра СССР».

А по второму — весьма обыденно, чуть ли не как в связи с переходом на другую должность: «Крючков Владимир Александрович освобожден от обязанностей председателя Комитета государственной безопасности».

Не правда ли, весьма настораживающая разница? Но это — внешние признаки, и не исключено, что они кем-то, как и в случае со статьей Лукьянова, специально так выстроены, чтобы «засветить» именно Владимира Александровича.

Может быть, генерал К. Кобец? Похоже, хотя бы потому, что последний был главным заказчиком предприятий, изготовляющих деликатную аппаратуру. Поэтому не исключено, что вся группа могла быть «под колпаком» подслушивания. Подозрение усугубляет сам генерал, заявивший в «Московском комсомольце» за 31 августа: «У меня в сейфе утром 19-го уже лежал отработанный план противодействия путчистам. Он назывался «план Икс»… Мы заранее определили (выделено мной. — 5.0.), какое предприятие что должно нам выделить: где взять железобетонные плиты, где металл и т. д.». Но если и вправду генерал был одним из «посвященных», то все же не он главный. И даже не Шапошников. Они всего лишь исполнители.

Однако то, что двойник был, — не вызывает ни малейшего сомнения. Помните, Михаил Сергеевич, Вашу встречу в парламенте России сразу после возвращения из Фороса? Помните, как Иван Силаев с солдатской прямотой, подняв большой палец, бахвалился: мы, мол, все знали, поскольку там был «наш человек»? Не в отместку ли за расшифровку сей тайны Силаева потихоньку убрали с глаз общественности (иди знай, что он еще выболтает), отправив подальше за кордон?

Двойник, конечно, раньше или позже будет «засвечен». Но вот кто исполнил роль Азефа — это узнать посложнее. Думаю, ни у кого не вызовет сомнения, что в партии, столь длительное время пребывавшей у власти, в ее верхнем, корпоративном этаже, не мог не появиться сей зловещий тип.

* * *

Итак, главная задача «барбудос» — сделать Лукьянова координатором неудавшегося «переворота». На прицел было взято сразу два зайца: убрать Лукьянова как наиболее авторитетного аппаратчика и юриста, а опорочив его, пришпандорить клеймо «врагов демократии» на реноме всего руководимого им Верховного Совета.

Радикалы спешили, чутко сознавая, что время работает против них. Они чувствовали, что после шока общественность «догадается», кто на самом деле совершил государственный переворот.

Но как раз спешка и подвела их. Вспомните, Михаил Сергеевич, как на известном «слушании» в Верховном Совете России Вам насильно всучили так называемую «стенограмму» заседания гэкачепистов, составленную, мол, кем то из «своих» (читай: агентов), и буквально принудили озвучить ее перед телекамерами всего мира. Помните? Думаю, не забыли Вы и то, что среди имен, «поддержавших гэкачепистов», была и фамилия С. Хаджиева, который, как оказалось, вообще не присутствовал на указанном «тайном совете». Да уже один этот факт однозначно свидетельствовал, что мы имеем дело с отъявленными фальсификаторами, если не провокаторами! Следовательно, все другие обвинения и компроматы ельцинской команды стоило подвергнуть сомнению в их правдивости.

Но куда там! Справившись с легким замешательством, вызванным проколом с Хаджиевым, «защитники Белого дома», даже не извинившись, продолжали по нарастающей диктовать через все каналы массовой информации списки людей, которых они — без суда и следствия! — причислили к заговорщикам. Чтобы как-то смикшировать, что эти списки были заранее заготовлены, «победители» решили задним числом привлечь к их составлению общественность: огласили контактные телефоны, по которым каждый мог сообщить фамилии не только прямых участников, но и сочувствующих гэкачепистам. Однако ощущение наглой безнаказанности — победителей не судят! — в очередной раз подвело радикал-демократов: они раньше времени

саморазоблачились. Даже самые крайние — левые и правые — были потрясены: ведь это же призыв к всеобщему легальному доносительству и стукачеству, на которое не отважился сам Берия!

Эти проколы, начиная с большого пальца Силаева, фальсифицированной стенограммы и кончая призывом к доносительству, насторожили не только парламентариев, но и простых людей, вследствие чего «победители» начали терять в темпе. А ведь команда «стражей демократии», не в пример гэкачепистам, раскручивала классический переворот: по заранее заготовленным спискам долженствовало арестовать самых видных своих противников, подвести интернированных под статью 64-ю (измена родине), а далее уж — дело техники. «Победители» особые надежды возлагали на всеобщую истерию, при которой можно было бы легко применить даже старый метод «при попытке к бегству». Не исключались и «самоубийства». К этому, например, открытым текстом и прямым силовым давлением склоняли Анатолия Ивановича Лукьянова.

Однако и тут «поборники правового государства» несколько просчитались. И поскользнулись именно на том, чем кичились: мол, «путч» не удался, ибо люди, вкусившие от демократии и прав человека, — это уже совсем другой народ, чем прежде, — он осознал себя хозяином и силой.

Должен огорчить «демократов» — как раз потому им и не удался в полной мере переворот с планируемым кровавым исходом, что народ оказался совсем иным, чем они предполагали. И те сотни тысяч писем, скрытых от общественности «глашатаями гласности», в которых народ стал на сторону — нет, не гэкачепистов, а идеи спасения общества от полного развала, и строптивость при голосовании в парламенте по поводу снятия депутатской неприкосновенности, и резкое осуждение всеобщего доносительства притормозили волонтеров «Белого дома». Они успели лишь подвести к саморасстрелу Бориса Пуго, создать «благоприятную» атмосферу, в которой маршал Ахромеев сам себе надел петлю на шею, да подтолкнуть к роковому окну Кручину и восьмидесятилетнего старца Павлова. Правда, оставалась еще надежда на постепенное изведение гэкачепистов, упрятанных в одиночки «Матросской тишины» (не правда ли, символическое название? Помните, из старого кинофильма: «тише, тише, за яблочко, за яблочко…»). Этот старый метод тоже, очевидно, был опробован, поелику вскоре после ареста то у одного, то у другого узника резко ухудшалось здоровье.

Но народ был уже начеку, разобравшись, с кем имеет дело, и взял под контроль «Матросскую тишину». Так что и сие

предприятие не вышло…

* * *

Может, и на сей раз Вы скажете, что ничего не ведали? Лучше не надо, Михаил Сергеевич… И, ради Бога, не смешите мировое сообщество фантастическими россказнями о том, что Вы чуть ли не по детекторному приемнику слушали «Свободу»: у Вас была связь, вплоть до космической.

Правда, мы, непосвященные, еще какое-то время недоумевали: но откуда же обо всем этом знали в стане Ельцина?! Ибо кто же поверит, что Борис Николаевич, по-матроссски рванув тельняшку на груди, с этакой разухабистой смелостью влез бы на броневик и «призвал народ к сопротивлению», если бы он не чувствовал себя в полной безопасности?! Кто поверит, чтобы некоторые другие старые политволки, осторожные и не отличающиеся, мягко говоря, особым мужеством, чтобы они пошли защищать «Белый дом» от танков, не имея твердых гарантий личной безопасности?!

Словом, материала для шоковой расправы с противниками явно не хватало. А тут еще вышла неувязка с ЦРУ. «Известия» от 28.08.91 сообщили: ЦРУ 17 августа представило госдеятелям США доклад о том, что путч готов. Вдобавок, пытаясь, очевидно, подбодрить и успокоить «защитников», американские друзья на радостях выдали с головой своих российских сообщников, уведомив их, что передвижение войск, обязательное при классическом перевороте, не было замечено. А коли так, то кто же тогда совершил путч? — засомневались не только парламентарии, но и пролетарии. От кого и кто защищал «Белый дом»? И как случилось, что не планировавшаяся ранее сессия ВС России была созвана как раз к «путчу»?..

Так кто же защищал «Белый дом»? Кроме посвященных из окружения Ельцина, были и самотечные люди, и некоторые депутаты обоих парламентов, наивно поверившие в воззвания так называемой подпольной радиостанции. Но ведь заметную часть «защитников» составляли — и это уже не секрет — особи, споенные дефицитной водкой, в изобилии поставляемой воротилами теневой экономики. Теневики, перепуганные тем, что новые власти наступят на хвост, не жалели ничего, вплоть до пачек денег, которыми рэкетиры оплачивали «патриотическое» буйство толпы.

Это — «защитники». А кто же «нападающие»? Кто загнал в безоружные танки наших безоружных сыновей и предательски

подставил их, растерянных и ничего не понимающих, под улюлюканье, свист, грязные оскорбления и рукоприкладство пьяной оравы? Язов? Крючков? Но ни тот ни другой, как и в Тбилиси или Вильнюсе, и пальцем не пошевелили бы без высшего позволения.

Скажите, к примеру, зачем Вам было превентивно составлять себе алиби? Помните приведенную выше реплику Нишанова о том, что Вы ему жаловались на неважное состояние здоровья? Так вот, если запамятовали, то позволю напомнить: не одному Нишанову, а — многим, в частности и С. Гуренко, за несколько дней до «путча», да еще и 19-го, и 20-го, и даже 21-го позванивая (и — это при «полном отключении связи»!). Вы как бы между прочим подбрасывали информацию о своем «плоховатом здоровье». И в то же время с внучкой… купались в бархатных волнах «самого синего в мире» моего Черного моря. (К слову, один из Ваших ближайших помощников, живописуя страдания «форосского узника», чуть ли не под автоматами изолированного от всего мира с суши и моря, проговорился: «Когда Михаил Сергеевич пошел с внучкой купаться…» — да и осекся).

С какой же целью создавалась утечка информации о состоянии здоровья? Не с той ли, чтобы подготовить обоснование для восьмерки утверждать, что «по состоянию здоровья президент не в силах исполнять свои обязанности»?

Следовательно, если бы удалось гэкачепистам протянуть через парламент решение о чрезвычайном положении со всеми последствиями, Вы, «поболев» немного, опять возвратились бы к исполнению президентских обязанностей. И с чистой совестью заявили бы: да, печально, но факт. Конечно, если бы я был здоров… Ну что ж, будем исправлять положение.

Это один вариант. А второй… В случае провала Вы бы оказались (что и произошло) опять же ни при чем. И опять же — «чистым». Да еще и неконституционно отстраненным.

А знаете, кто спутал карты? Нет, даже Вы, Михаил Сергеевич, не догадаетесь! Все дело смазал… Анатолий Иванович Лукьянов. Ибо, если бы он сразу же созвал Верховный Совет (на что, возможно, и рассчитывали), то большинство под вольтовой дугой — «Отечество в опасности!»— могло проголосовать за введение ЧП. И знаете, кто пуще всего этого боялся? Опять же не догадаетесь! Паче всего боялись немедленного созыва ВС те, кто особенно истерически обвинял А.И. Лукьянова… в промедлении с созывом Верховного Совета! И — уверен! — именно они через свои каналы постарались, чтобы ВС собрался с опозданием, после ВС России, созванного ими заранее…

Да, в который раз даже отечественные разрушители не учли

традиционного для нашей страны периода раскачки. Теряя темп, совершая прокол за проколом> наступавшие постарались компенсировать свои просчеты мощно организованной истерией через захваченные ими средства массовой информации. В лучших традициях Геббельса нанизывая одну ложь на еще более кощунственную (чего стоит лишь обвинение всей КПСС в сговоре!), прибегая к дешевым мистификациям, «победители» ускоренно пытались наверстать упущенное.

Вспомним мистификацию с Вашим «освобождением», с полуночным возвращением «форосского узника», «вырванного из застенков узурпаторов». Жалкое это было и постыдное зрелище: Вы — в какой-то курточке, вроде бы растерянный и вроде бы подавленный. Подобострастные, чуть ли не коленопреклоненные изъявления любви тех, кто еще вчера требовал отставки, кто буквально оплевывал Вас и чуть ли не крыл матом.

Господи, как у Вас только повернулся язык, униженно благодаря сих «освободителей», отметить «выдающуюся роль Ельцина в спасении демократии»?! И это после упомянутой «встречи» — допроса в ВС России?! Когда он, развалившись в кресле, грубо оборвал Вашу путаную «исповедь» и перед телекамерой, на глазах просвещенного мирового сообщества, преподнес «сюрприз»: попирая все международные правовые нормы, надругавшись над элементарной этикой, подписал Указ о запрещении партии. «Ну и ну!» — многозначительно покачали головами даже закордонные антикоммунисты. «Во дает!» — с радостным испугом отреагировали отечественные радикалы. С испугом, ибо задумались: а кто следующий?..

* * *

Но я отвлекся от лейтмотива. Итак, теряя в темпе, совершая один за другим проколы в компромате, местные коллаборанты постарались компенсировать свои просчеты за счет нагнетания истерии по поводу сплошных «врагов народа», простите — «демократии», за счет с размахом организованных мистификаций.

О первой из них — ночной встрече «форосского узника»— я уже говорил. Но самой омерзительной была вторая: похороны «героически погибших» трех невинных юношей. Упаси бог, я не кощунствую, употребляя кавычки: гибель любого человека, в любом состоянии и при любых обстоятельствах — это трагедия и невосполнимая потеря не только для родных и близких — с уходом человека космос теряет целый неповторимый мир. Я просто цитирую выражение демпропагандистов, которые

силились прикрыть грязное дело белыми одеждами благородства и отвести прямую вину за нелепую смерть этих трех молодых людей.

Ныне все знают: это произошло не по вине таких же безвинных парней в солдатских гимнастерках. Тем более кощунственно, что сатанинское шоу организовали если и не прямые, то, по крайней мере, косвенные убийцы.

Тяжелая кара падет на головы «спонсоров» этого леденящего спектакля на крови, длившегося, в нарушение всех обрядов — в частности православного и иудейского — на протяжении нескольких часов! Несколько часов (!) жестоко и безжалостно истязали родных и близких, которые, выплакав все слезы, почерневшие от горя, как потерянные тени брели почти через всю Москву за гробами, уже ничего не смысля. Да еще с остановками, которые, по сценарию спонсоров, превращались в перманентные митинги над усопшими, коих, по законам предков, долженствовало предать земле!

Апогеем же этого шабаша было появление перед народом Ельцина, театрально произнесшего «отеческое покаяние»: «Простите меня, что не смог защитить, уберечь ваших сыновей». Если уж и после этого не разверзлась земля, то, видимо, только потому, что Господь решил отложить возмездие до Страшного суда! Но трижды согрешили Вы, Михаил Сергеевич, не только не остановив сей блуд, но и как президент «освятив» его своим присутствием!

…Вот в такой удушливой атмосфере, пропитанной ложью, зараженной коварством отпетых политических интриганов, парализованной нагнетаемым страхом, под истерические крики фашиствующих молодчиков «Бей коммунистов!», под крысиное шуршание доносов на «врагов демократии», в инфернальном отблеске автоматов Калашникова, — и собрался Верховный Совет, предваряющий последний Съезд народных депутатов ныне уже бывшего СССР.

Казалось, тот же состав депутатов, тот же зал, но как все качественно изменилось! Ранее собиравшиеся в курилках для откровенного обмена мнениями, ныне депутаты стали весьма осторожны в разговорах. Прежде чем произнести слово, внимательно, исподлобья присматривались друг к другу, как бы прикидывая: не донесет ли?.. А тем временем на трибуне правили пир победители. Невзирая на отдельные, еле слышимые призывы не учинять «охоту на ведьм», не обвинять списками и поименно до суда, самые ретивые, уже донося, требовали провентилировать буквально каждого депутата, с кем и где он был и чем занимался в период с 19 по 21 августа 1991 года?

Сначала, разумеется, первую скрипку играли «защитники Белого дома». Но вскоре, как я и предполагал, пошли в бой «товарищи с мест», сперва примазавшись, а потом и оттеснив «победителей». Каждый из них спешил «засвидетельствовать свою лояльность», убедить собравшихся, как он в низах без раздумий встал на защиту демократии, как рвался в Москву… И доносил, доносил, доносил…

Но, к счастью, не все пали ниц. Среди вопиющих о «России, вставшей с колен!» и в то же время по-демократически ползающих перед новыми хозяевами — островками вставали в полный рост человеческого достоинства те немногие, которые пошли против течения. Они-то и спасли честь и свою, и всего Верховного Совета: Сажи Умалатова, Александр Крайко, Николай Энгвер, Анатолий Денисов — «безумству храбрых поем мы песню!».

Но общая атмосфера была не то что тягостно тоскливая, а какая-то нечистоплотно разлагающаяся, вызывающая тошноту. Уже само присутствие в этой загрязненной ауре как бы приобщало и тебя к творящейся на глазах всего мира подлости…

* * *

Я еще 26 августа 1991 года подал в отставку по всем параметрам. И — уверен — если бы сему примеру последовали и многие другие, события могли бы пойти по другому руслу. Но — все мы люди, все мы человеки: кто-то еще надеялся на лучшее, кому-то не хотелось расставаться с депутатским значком и жильем в Москве, иные просто испугались, третьи решили сражаться до конца. Я не осуждаю никого: каждый поступает согласно своим жизненным принципам. И соваться со своим уставом в чужой монастырь, по меньшей мере, бестактно.

Если чисто по-обывательски идти по линии материальной, то мне, бесспорно, было легче, чем другим, принимать решение: на протяжении двух лет я оплачивал почти половину гостиничного пребывания впустую, поскольку в основном колесил по «горячим точкам», а если выпадали редкие свободные выходные — стремился в Киев.

Московская карьера мне, как украинскому поэту, — тоже противопоказана, посему я отказался от квартиры, которую на первых порах предлагали в Первопрестольной. Не принял я и других заманчивых ангажементов, хотя меня, между прочим, упорно «сватали» и в «Литературную газету», и даже в Союз писателей, и в журнал (бывший «Советский Союз»), и в редактора

предполагаемой газеты «Красная площадь»…

Почему же, спросите, я не последовал примеру своих земляков-депутатов, которые, учуяв неладное, быстро переориентировались на Украину? Да потому — простите за нескромность — что «воспитание не позволяет».

Я привык — плохо ли, хорошо ли — но честно выполнять порученное дело. Мои амбиции не ласкал пост вице-председателя Палаты Национальностей, на который был избран неожиданно для себя, ибо сие место готовилось другому лицу. Но коль уж так случилось, я счел своим долгом выполнять порученное мне до конца срока, не уклоняясь и от самых опасных предприятий. И — главное — я поверил Вам, Михаил Сергеевич…

Заявление об отставке, как передавали, не нашло поддержки. Да и Рафик Нишанович, которого я уважал, просил в это тяжкое время хотя бы номинально присутствовать на заседаниях ВС до съезда. Вот так я, уже внутренне свободный, и «посещал» Кремль.

На одном из заседаний появились Вы, усевшись под красным знаменем. Как обычно, к Вам, за барьер, потянулись ходоки «пошептаться». Кто-то тронул меня за плечо. Один из работников аппарата показал глазами в Вашу сторону: мол, зовет.

Я слишком длительное время не видел своего президента вблизи. Поэтому первое, что меня поразило, — это еле уловимое внешне, но внутренне явственно ощутимое изменение во всем Вашем облике. Пружинистая фактура обмякла, несмотря на явные усилия держать голову, как всегда, слегка откинутой — взглядом вдаль, — плечи заметно ссутулились.

— Присядь, — сказали Вы с рукопожатием (рука была, как всегда, горячая, но какая-то нетвердая). — Что, Борис, выживем?

Последняя фраза пробилась к сознанию не сразу, поскольку мое внимание загипнотизировали совершенно новые, чуждые черты, появившиеся в Вашем лице. Оно как-то неестественно вытянулось… изменило очертание, и я открыл в нем что-то… ассирийское, что ли?

Очнувшись от поразившего меня открытия, я ответил:

— Выживем-то выживем, Михаил Сергеевич, но надо же собрать Пленум ЦК!

Вы как-то странно заерзали, начали перебирать бумаги. А тут еще Иван Дмитриевич Лаптев, ведший заседание ВС и, как всегда, бдительно наблюдавший за Вашим местопребыванием, начал нервно делать мне знаки: мол, возвращайся к своей кнопке — идет голосование.

…Это была моя последняя встреча с президентом. На второй день он подписал свое отречение и самовольно распустил партию, то есть ликвидировал существующий строй, получив «в

награду» статус «Отступника Всех Времен и Народов».

* * *

И в заключение хотелось бы сказать еще вот о чем. В журнале «Гласность» были опубликованы раздумья «Здоровье и власть» по поводу одноименной книги академика Евгения Ивановича Чазова. Уж кого-кого, а его-то, многие годы бывшего главврачом Кремля, обвинить в обскурантизме вряд ли кому удастся!

Об этом, к слову, говорит и автор раздумий В. Асколонов: «Человек (т. е. Чазов. — б. О.), по самой натуре не терпящий мистики, по ходу повествования, тем не менее, неоднократно возвращается к теме судьбы и рока, который, казалось, поражал неумолимо одного за другим советских руководителей. Причем в наиболее ответственный период развития отношений нашей страны с США. Решались судьбы разрядки и разоружения.

Рейган на одной из пресс-конференций посмеивался: только я соберусь в Россию для бесед с их лидером, как тот умирает. И действительно, приехал он только после того, как умерли Л. Брежнев, Ю. Андропов, К. Черненко, а к власти пришел М. Горбачев».

Е. Чазов определяет эту цепь смертей как нелепые. Ю. Андропов, например, во время прогулки в Крыму присел на гранитную скамейку, почувствовал озноб, затем у него с невероятной быстротой развилась флегмона, пришлось делать срочную операцию, после чего вскоре наступил исход.

Черненко, опять же в Крыму, в конце августа 83-го съел недоброкачественную рыбу. Острейшая токсикоинфекция вызвала сердечную и легочную недостаточность. Словом, из больницы Черненко вышел полным инвалидом.

После смерти Ю. Андропова (февраль 1984 г.) на то время самым сильным лидером, могущим претендовать на правопреемство, оставался Д. Устинов. Он умер в конце того же года. Чазов пишет: «Смерть Устинова была в определенной степени нелепой и оставила… много вопросов в отношении причин и характера заболевания. Осенью 1984 года состоялись совместные учения советских и чехословацких войск… В них принимали участие Устинов и министр обороны Чехословакии генерал Дзур. После возвращения с маневров Устинов почувствовал общее недомогание, появились небольшая лихорадка и изменения в легких… Удивительное совпадение, приблизительно в то же время, с такой же клинической картиной заболевает и генерал Дзур… Устинов, к сожалению, в

дальнейшем погиб от нарастающей интоксикации».

Наверное, уж этот случай почти одновременного заболевания двух военачальников с одинаковой клинической картиной нельзя назвать «нелепой случайностью» или роком.

Скорее роком или превратностями судьбы можно было бы считать аварию, в которую попал сам Чазов. Но после всего сказанного почему-то вспоминается гибель Петра Машерова: ныне уже ясно, что это была не случайная автокатастрофа.

Упомянув о не очень мотивированных скачках в состоянии здоровья Л. Брежнева, которые отмечал Е. Чазов, когда периоды «неадекватности» астенического синдрома неоднократно перемежались у руководителя страны с периодами прояснения и проявлением незаурядной жизненной энергии, автор раздумий напоминает, что за рубежом разработана целая наука, прогнозирующая «закат и смену ответственных государственных деятелей… Насчитывает она немало лет. Не меньше лет насчитывает и наука устранения неугодных влиятельных лиц, которые способны мешать чьим-то замыслам и тем самым расчищать путь другим».

Конечно, неискушенному читателю легко вообразить лежащее на поверхности: нож, пулю, пластиковую мину и прочее в том же духе. Но американские исследователи в книге «ЦРУ и культ разведки» свидетельствуют, что, кроме убийств, спецслужбы в свою «программу» включили также воздействия, которые вызывают «лишение способностей», дегенерацию личности, ее дезинтеграцию, роботизацию, необратимые изменения психики, мышления, включая и оккультные методы влияния на мозг. Программа получила название «Сверхконтроль над разумом».

Далее автор уже без обиняков свидетельствует: «Ученым известна группа лиц в Москве, которая в последние годы напряженно трудилась над практическим применением контроля над сознанием. Продолжая исследования ЦРУ, она могла испытывать на населении воздействие мощных излучателей, угнетающих биологические возможности организма. Их существование — не секрет. Видимо, их применяют и сейчас. Эти излучатели, действующие в микродиапазоне, плюс «бесконтактное» влияние, а также психотропы помогали «расчистке», готовили переворот, который большинство народа должно было воспринять в стадном неведении».

Словом, многие из «темных» мест начинают проясняться. А с течением времени и вовсе станут ясными как божий день. В частности, и то, о чем спрашивает сам себя В. Асколонов: «Каким образом они получили возможность, особенно через телевидение,

подвергать все население страны регулярному воздействию подсознательного, не поддающегося контролю внушения… Практически в течение года, причем решающего для судеб страны, нас успокаивали, приводили в инертное состояние».

Осмелюсь утверждать, что я, по крайней мере, догадываюсь не только, кто и зачем, но и кто за кем. Дабы не забирать у читателей драгоценное время, просто оставлю им на будущее для ориентации опознавательные знаки на «кто» и «за кем».

Повторю вкратце известное высказывание А. Даллеса: «Литература, театры, кино — все будут изображать самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства…

И лишь немногие… будут догадываться или даже понимать, что происходит… но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать»…

Словом, уважаемые читатели, мы с вами в несколько раз сократили время, которое потребовалось бы для уяснения и «кто есть кто», и «кто за кем». Теперь же вам значительно легче определить — «кто за кем»: огневые точки обозначены.

С чем я вас и поздравляю.

Валентин Павлов
Путч Горбачева

Август 1991-го начался 3-го числа расширенным заседанием Кабинета Министров СССР с участием руководителей правительств союзных республик под председательством Президента СССР. Па повестке дня вопросы «О прогнозных оценках производства сельскохозяйственной продукции в 1991 году и обеспечении населения страны продовольствием», «Об обеспечении народного хозяйства топливом», «Об экономическом соглашении между Союзом ССР и суверенными республиками», «Об организации Межреспубликанского комитета по иностранным инвестициям» и «О преобразовании ВДНХ СССР в акционерное общество «Межреспубликанский деловой выставочный центр».

От ведения этого заседания с такой повесткой Горбачев долго уклонялся. Неоднократные переговоры с ним, мои лично и особенно В. Щербакова, определенного докладчиком по антикризисной программе, долго не получали положительного эффекта. Кабинет Министров СССР в разном составе неоднократно рассматривал вышеуказанные вопросы. Всем было ясно, что требуются кардинальные политические решения. Поэтому Горбачев тщательно избегал аудитории, где он не смог бы в очередной раз одному сказать, что пошел сюда, а другому — туда, а сам, в конечном итоге, ушел бы домой, чтобы, встречаясь с политиками, давать поручения подготовить предложения руководителям экономики и наоборот — обещать хозяйственникам собраться и решить политические вопросы с государственным руководством республик.

На заседании, о котором идет речь, не подвергалась сомнению необходимость закупки зерна, прежде всего фуражного, за рубежом, необходимость регулирования платежного баланса для обеспечения процесса производства и потребления в рамках международного разделения труда. Все попытки найти решение порознь, в то время как экономика каждой республики и страны в целом была экономикой единого народнохозяйственного комплекса, были нереальны с точки зрения осуществления и чреваты разрушением. Наиболее активным и последовательным тараном сепаратизма выступало Российское правительство во главе с И. Силаевым. Было даже странно порой видеть и слышать, как, вроде бы, грамотные люди несли заведомую чушь, лишь бы не дать союзному правительству реально управлять экономикой и

теми процессами, за которые оно несло ответственность перед страной.

На заседании 3 августа 1991 года согласованное решение о совместной закупке хлеба и фуража, обслуживании внешних обязательств, создании запасов топлива на зиму сорвал в очередной раз И. Силаев. Он упрямо твердил одно: мы сами; сами продадим нефть и газ, лес и алмазы и купим себе хлеб, товары для населения, сырье, оборудование и полуфабрикаты и вообще все, что нужно будет для села, промышленности и транспорта; сами заключим прямые договоры на поставку с другими республиками на взаимовыгодных условиях, сами окажем помощь, если сочтем необходимым, соседям; сами определим, сколько Россия должна дать средств Союзу и на какие цели.

Все доводы разума И. Силаев, как глухарь на току, отвергал с ходу. Он даже не понял тогда угрозы развала самой России, когда ему впрямую задавали вопросы о том, почему он так уверен, что среднеазиатские республики будут поставлять России хлопок, газ, а Казахстан — уголь, металлы и хлеб по действующим ценам за рубли, если РСФСР начнет продавать свою продукцию на экспорт за доллары; не пугает ли его инфляционное обесценение рубля в результате искусственно вводимой долларизации производства. «Нет, мы сами все сделаем и все сможем», — неизменно звучало в ответ. Итог известен — в России начался стремительный развал после августа 1991 года, а И. Силаев с товарищами срочно отбыл на западные хлеба, за счет все той же России.

Но в русле темы этой книги главным итогом заседания было два высказывания Горбачева: первое — о довольствии. «Нужны чрезвычайные меры — значит чрезвычайные. Заставляйте всех! И пусть не капризничают. Речь идет не о том, что мы отменяем реформы, не о том, что мы отменяем экономические отношения. Нет! Речь идет о том, что в чрезвычайных ситуациях все государства действовали и будут действовать, если эти обстоятельства диктуют чрезвычайные меры. У нас сегодня, я прямо скажу, чрезвычайно с продовольствием складывается» И второе — о финансах и рублях. «Поручить товарищу Павлову вместе с председателями правительств с привлечением всех необходимых экспертов, на основе сегодняшнего обсуждения, и внести предложения на рассмотрение Совета Федерации».

Это резюме обсуждения свидетельствует о том, что Горбачев прекрасно отдавал себе отчет в последствиях противостояния и единственно возможном выходе из создавшегося кризиса в стране. Важно и то, что решения, дающие возможность увидеть свет в конце тоннеля, он принимать в этих условиях не собирался. Вновь было предложено договариваться,

согласовывать, продолжать, уточнять и т. п. И это не было случайностью.

* * *

Чтобы окончательно ответить на вопрос об ответственности Горбачева по статье закона, остается определиться в том, сознательно или неумышленно действовал Президент СССР. Я уже приводил, но и в данном контексте еще раз повторю, что ответил 14 сентября 1991 года Горбачев на вопрос Генерального прокурора СССР. И. Трубин в ответ на долгий монолог архиосторожно спрашивает: «Верховный Совет оказался отстраненным и почувствовал очень большую обиду?» Горбачев отвечает: «Я не могу с этим согласиться. Как он был отстранен, если в Ново-Огареве во всех заседаниях принимали участие Лукьянов, Нишанов, Лаптев? Это во-первых…»

Я тоже не согласен, больше того, уверен, что они во всех заседаниях не участвовали хотя бы потому, что были в разъездах. Но и при этом, трое еще не делегация. Где же премьер-министр СССР, где председатели комитетов и комиссий? Ни много ни мало — девять отсутствующих против трех, указанных в качестве участников, архитрудно не заметить, даже если очень стараться.

«Во-вторых, Верховный Совет. Обсуждал проект Договора и высказывал свои соображения, которые были переданы в Ново-Огарево. Кстати, они этим не удовлетворились и еще подчеркивали какие-то моменты, то есть все было доведено».

Каково излагает! Логика, слово, мысль чего стоят!..

«Но я должен сказать — это же договор — такой компромисс и нахождение такой общей точки зрения, что во всем его объеме довольных не было. А что, я всем был доволен?»

Вот наконец-то он вымучил из себя ответ. Не выполнял он решение Верховного Совета СССР и не собирался, полностью понимая, что делает.

«Налицо все же процесс — тяжелый, трудный, но процесс консолидации, определенного взаимодействия (чего? сепаратистских сил? — В. П.). И с этой точки зрения (надо понимать развала. — В. П.) я стремился к подписанию договора в середине или в двадцатых числах августа. Возвратившись из-за границы, А. Лукьянов в связи с этим пытался выяснить, чья это инициатива. Как видно, не всех это устраивало».

Значит, не всех. И то спасибо. Все-таки оказывается, участвовавший во всех, как утверждает Горбачев, заседаниях в Ново-Огареве, Председатель Верховного Совета СССР, тем не

менее не знал, оказывается, многого, по его, Горбачева же, словам. Во всем участвовал, все знал, а тут почему-то пытается выяснить происходящее.

«С этих позиций — я бы сказал — уехал я в отпуск, рассчитывая, что с подписанием 20 августа договора (но ведь подписывать должны были на съезде, назначенном на ноябрь-декабрь! — В. П.) мы выходим на новый этап. У меня была уверенность в том, что мы (опять думаю: кто это «мы», от чьего имени вещает? — В. П.) на правильном пути. Это позволяло мне отлучиться, я такой сделал для себя вывод».

Значит, Горбачев сознательно действовал с целью развала СССР как единого федеративного социалистического государства и потому предпринял меры по засекречиванию проекта Договора, устранению союзной делегации от работы над ним и его подписания. Больше того, он прямо признается, что «в результате дискуссий (где и с кем? — В. П.) были определены шесть республик, а Украина, Азербайджан, Туркмения — на второй этап, и согласие появилось».

Иначе говоря, шесть республик Горбачев уже тогда мимоходом отделил от СССР, не спросив ни народ, ни съезд, ни даже Верховный Совет СССР, а еще три — оставил на потом, как получится. Что же удивительного в том цинизме, с которым ставится точка на союзной делегации, от которой одни помехи и возражения, да требования выполнить волю народа. И когда Генпрокурор РФ Степанков осмелился спросить: «Лукьянов оговаривал с вами дату его возвращения в Москву накануне подписания договора?», Горбачев разъяснил: «Он должен был приехать и участвовать. Это как бы была наша правительственная делегация. (Вот уж воистину, чтоб не сомневались и не вспоминали про делегацию вместе со всем Верховным Советом. — В. П.). Но дата его приезда не обуславливалась, так как это не было существенным».

Проще и яснее сказать нельзя. Приедет — не приедет, согласен — не согласен, значения для Горбачева не имеет. Я так хочу, мне лично это надо. А цель для таких людей всегда оправдывает средства.

* * *

Но в тот момент, к сожалению, я еще не знал того, что происходило за моей спиной. Лишь через полтора года мне стало известно, что 13 января 1992 года на допросе в качестве свидетеля Ельцин говорил правду: «После подписания последнего

варианта Союзного договора, разработанного в Ново-Огареве, планировалось принятие новой Конституции Советского Союза. В соответствии с новой Конституцией не предусматривалось существование съезда народных депутатов, а предлагалось существование Верховного Совета, состоявшего из двух палат. При реорганизации власти и управления имелось в виду, что в основном будут координационные органы, но будет межреспубликанский экономический комитет и в этом комитете соответствующие отделы — департаменты по различным направлениям, которые будут заниматься вопросами бывшего правительства. В дальнейшем не исключался вариант создания настоящего Кабинета Министров. Министерства предполагалось в основном упразднить».

Это свидетельство прямо уличает Горбачева в том, что он тайно действовал в нарушение Конституции СССР и присяги Президента СССР. Налицо свидетельство о наличии антиконституционного заговора во главе с Горбачевым. Небезынтересно, что Ельцин, полагаю, вообще избегал называть Горбачева в качестве подлинного автора многих своих акций, осуществленных уже в качестве Президента Российской Федерации, — уполномоченные представители, мэры, префекты, диктаторские полномочия, либерализация цен и т. п.

Если говорить о практических шагах, то в рамках подлинного заговора готовились и акции по нейтрализации тех сил и конкретных лиц, которые могли, по оценке заговорщиков, воспрепятствовать или, по крайней мере, затруднить достижение главной цели — ликвидации единого федеративного государства. Тот же Ельцин говорит прямо и откровенно: «29–30 июля 1991 года я встречался в Ново-Огареве с Президентом СССР М.С. Горбачевым и Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым. На этой встрече обсуждался вопрос о замене некоторых высших руководителей Союза. В основном речь шла о Председателе Кабинета Министров СССР В.С. Павлове. Предположительно также о Председателе КГБ СССР В. А. Крючкове, но. в отношении него утвердительного решения принято не было. Говорилось, что в дальнейшем может возникнуть эта проблема. В таком же совещательном духе речь шла и о министре обороны СССР Д.Т. Язове. Других кандидатур вместо них не обсуждалось. Вместо Павлова предлагалась кандидатура Назарбаева. В проекте договора не было предусмотрено поста вице-президента СССР, как я уже сказал, рассматривался вопрос о замене Павлова, обсуждался вопрос о слиянии Министерства иностранных дел СССР и Комитета внешнеэкономических связей СССР, упразднении по крайней мере 60–70 министерств, тогда все

министры освобождались».

Спустя восемь месяцев, 13 августа 1992 года, допрошенный в качестве свидетеля Горбачев, отвечая на вопрос А. Фролова: «Имела ли место в конце июля 1991 года ваша встреча с Б.Н. Ельциным, Н.А. Назарбаевым и какие вопросы на ней обсуждались?», полностью подтвердил вышеизложенные показания Ельцина, сказав буквально следующее: «Да, такая встреча была в рамках работы над проектом Союзного договора. Речь шла о том, что необходимо сделать в первую очередь после его подписания и, в частности, о реформировании союзных органов. Обсуждался вопрос о премьер-министре в плане предложения этого поста Назарбаеву, шла речь о возможной замене, прежде всего с учетом возраста Крючкова и Язова, а также ряда других высших руководителей».

Хотел бы обратить внимание читателей на одно обстоятельство, имеющее значение для понимания происходившего в дальнейшем и к чему мы вынуждены будем еще не раз возвращаться, объясняя внутреннюю логику событий и их суть. Речь идет не о замене того или иного должностного лица, не справляющегося со своими обязанностями или уступающего в чем-то более достойным кандидатам, путем выдвижения. Нового кандидата для обсуждения и принятия решения в установленном законом порядке. Здесь речь идет о ликвидации конституционных органов — Съезда и Верховного Совета СССР, Кабинета Министров СССР, министерств, ведомств и замены должностных лиц путем подготовки и подписания нового Договора. Причем полномочий на это не было, и сами действия являлись нарушением законов СССР и прямых решений законодательной власти страны. Речь идет о замене не премьер-министра СССР В.С. Павлова, а политического противника разрушения Союза ССР. В связи с возможным поражением в открытой политической борьбе с ним принято решение о противоправном упразднении Кабинета Министров СССР вообще, с возможным в будущем восстановлением при другом составе и порядке формирования.

* * *

Но в тот момент это все еще было впереди. А пока в воскресенье, 4 августа 1991 года, я был приглашен на проводы в Форос семьи Горбачевых. Проводы были на удивление короткими. Без обычного обсуждения разных текущих задач, поручений, сообщений. Правда, я этому не придал никакого значения. Лето, выходной. Все устали. У кого Крым и море на полтора месяца, у

кого дача и Москва-река хоть на полдня. Единственное, что сказал Горбачев и что имело какое-то значение, относилось к Г. Янаеву: «Ты остаешься на хозяйстве». В практике нашей страны при временном отсутствии первого лица в государстве или первого лица высших органов власти и управления письменных документов об исполнении заместителем обязанностей никогда, по крайней мере на моей памяти, не издавалось. Этой фразы было более чем достаточно для всех присутствующих. Тем более что, согласно Конституции СССР, ст. 127–4, «Вице-президент СССР… замещает Президента СССР в случае его отсутствия…» После взлета президентского самолета все разъехались отдыхать.

С понедельника, 5 августа 1991 года я продолжал вести работу по подготовке и проведению уборки урожая, стабилизации топливно-энергетического комплекса, валютного положения и экспортно-импортных операций, организации разработки плана и бюджета на 1992 год, занимался другими делами из повседневной экономической жизни. Параллельно началась проработка вопросов, вытекающих из прошедшего расширенного заседания Кабинета Министров СССР. Дел хватало. В свете ответственности за их решение начались проработки подготовки моего посещения Кузбасса, Караганды и Целины. Это были одни из ключевых пунктов решения задач топлива, хлеба и валюты, и я полагал необходимым побывать там лично и оперативно решить на месте или возвратившись в Москву — те вопросы, которые тормозили дело и мешали нормализации жизни людей. Мне удалось многое увидеть и понять во время визита в Карелию, Якутию, на Камчатку и Сахалин. К сожалению, много меньше удалось успеть сделать из того, что было надо по жизни. Утешение от того, что не я виной тому, слабое. И вот тут-то и появился на сцену проект Договора о Союзе суверенных государств, исполненный Горбачевым со товарищи.

Антиконституционная и антигосударственная суть проекта Договора была настолько очевидна, что уже 10 августа 1991 года за № ПВ-6098 мною был подписан документ следующего содержания: «Президенту СССР товарищу М.С. Горбачеву Постановлением Верховного Совета СССР от 12 июля с.г. «О проекте Договора о Союзе суверенных государств» утверждена Союзная делегация, полномочная для подписания Договора. Полагал бы необходимым до начала подписания Договора собрать Союзную делегацию для обсуждения проекта Договора. В предварительном порядке направляю имеющиеся у Кабинета Министров СССР предложения и замечания по проекту Договора. В. Павлов».

К письму были приложены на четырех страницах

«Предложения и замечания Кабинета Министров СССР к проекту Договора о Союзе суверенных государств».

Позволю себе напомнить читателю, что официальная публикация проекта Договора в средствах массовой информации состоялась только 16 августа 1991 года, то есть в пятницу, а 20 августа Горбачев собирался уже начать подписание. Притом и эта публикация, так сказать на выходные, состоялась вынужденно. Она вообще не планировалась по сценарию. Ей предшествовало начало публикации проекта в газете «Московские новости» 15 августа 1991 года в порядке так называемой «утечки информации». Последовал скандал «в благородном семействе». Горбачев был взбешен, но поезд уже ушел. Пришлось согласиться напечатать, в принципе, но не слишком широко и без анализа, в средствах массовой информации.

Отослав Горбачеву и Лукьянову свои замечания и предложения 10 августа 1991 года, я официально направил членам Президиума Кабинета Министров СССР и большой группе министров, возглавлявших основные, ведущие отрасли экономики и сферы деятельности, полученный от Горбачева проект Договора о Союзе Суверенных Государств и поручил им в ближайшие дни сообщить свои возможные замечания и предложения. Одновременно была создана параллельно действующая группа специалистов из аппарата Управления делами Кабинета Министров СССР, Министерства юстиции СССР и других органов для более тщательной проработки проекта Договора, сбора, изучения и обобщения возможных замечаний и предложений от членов Президиума, министерств и ведомств. Я не считал для себя возможным, в силу самого характера документа, единолично принимать по нему решения. Свое назначение членом Союзной делегации в качестве премьер-министра СССР я рассматривал как доверие возглавляемому мной органу исполнительной власти, с одной стороны, а с другой — не считал возможным одному человеку, какой бы пост он ни занимал и какими бы званиями ни обладал, принимать решения, касающиеся всей страны и каждого ее гражданина в отдельности, без совета и обсуждения, без участия коллективного разума.

В связи с этим уже 13 августа было принято решение о вынесении вопроса об отношении Кабинета Министров СССР к присланному Горбачевым проекту Договора о Союзе Суверенных Государств на рассмотрение Президиума Кабинета. Повестка с указанием темы и даты заседания была уже разослана всем участникам 16-го числа. Сам факт рассылки означает, что заседание и его тема были определены заранее, а не накануне в пожарном порядке. В этом легко убедиться, заглянув в документы

Управления делами, спросив людей. Даже без специальных вопросов В. Щербаков в своих свидетельских показаниях говорит, что он лично получил повестку за два дня до заседания, а В. Догужиев, выйдя из отпуска 16 августа 1991 года, уже имел официальное приглашение на заседание с повесткой дня «О проекте Договора».

* * *

Столь прозаические вещи приходится затрагивать в связи с тем, что следствие, фабрикуя свое обвинение, не затруднило себя даже элементарной проверкой фактов и документов, не говоря уж об их объективной оценке. Более года официальная версия гласила — заговор состоялся 17 августа 1991 года во время встречи на объекте «АБЦ» КГБ СССР. Она перекочевала и в книгу В. Степанкова и С. Лисова, их интервью и статьи. Между тем принятая позже официальная версия гласила, что так называемый заговор состоялся 5 августа 1991 года, а лично я вступил в него 16 августа 1991 года во время визита В. Крючкова с 17 до 18 часов. Эта произвольная дата требует изменить всю последующую версию событий, но нет ни фактов, ни времени. В итоге остается утверждать, что я, якобы будучи одним из организаторов заговора, уже 5 августа получил проект Договора, сознательно задержал его, никому не показывая, до 10-го числа и только тогда написал резолюцию. Прямо экстрасенс, ясновидящий, который уже 5-го знал, что, опять же по версии следствия, 16-го будет вовлечен В. Крючковым в заговор и туг же активно в него включится, дав указание своему помощнику, и тоже, кстати, заранее, с утра, подготовить проект Заявления Кабинета о невозможности подписания проекта Договора.

Как будто не было никакой подготовки и других документов. Правда, совсем непонятно, почему же проект Заявления никому не раздали и на Президиуме не обсуждали. И Павлов молчал, ни на кого не давил…

Тем не менее вывод следствия более чем оригинален — Президиум решил единодушно подписать Договор, чем сорвал злые умыслы премьер-министра. Между тем в действительности Президиум Кабинета Министров СССР 17 августа 1991 года, рассмотрев вопрос о Договоре о Союзе Суверенных Государств, принял решение из двух пунктов. Первый гласил: «…одобрить в принципе текст Договора о Союзе Суверенных Государств. Отметить, что в нынешней крайне сложной политической и социально-экономической ситуации подписание Союзного

договора и его четкое исполнение будут иметь важное значение для стабилизации обстановки в стране, формирования обновленной Федерации суверенных республик».

Отразив таким образом в первом пункте отношение к Договору, во втором Кабинет четко изложил свое отношение к содержанию конкретного проекта, подготовленного Горбачевым.

Вместе с тем, как показал состоявшийся на заседании обмен мнениями, ряд предусмотренных Договором положений требует дополнительной проработки и уточнения:

а) особую озабоченность вызывает то обстоятельство, что в нем не нашли должного решения такие жизненно важные проблемы, как продовольственное обеспечение в стране, снабжение народного хозяйства и населения топливом, тепловой и электрической энергией, функционирование единой финансово-банковской системы.

Президиум Кабинета Министров СССР считает, что исключение из сферы ведения Союза полномочий по координации и объединению усилий республик в указанных областях может привести к тому, что республики вынуждены будут в одиночку решать такие сложнейшие проблемы, хотя в нынешних условиях они практически к этому еще не готовы. Более того, такой подход противоречит сути рыночной экономики, выдвинутому самой жизнью требованию о сохранении и дальнейшем развитии единого экономического пространства;

б) не нашли надлежащего отражения в тексте Договора вопросы реализации полномочий, отнесенных к ведению Союза в сфере принятия и исполнения союзных законов, а также формирования федеральной системы правоохранительных органов. Не устранены и существующие ныне условия противопоставления законов Союза и республик;

в) крайне важным представляется создание более надежной, устойчивой финансовой базы для формирования союзного бюджета;

г) требуют уточнения положения Договора о собственности. Президиум Кабинета Министров СССР считает, что объекты, закрепляемые за Союзом образующими его государствами, должны рассматриваться как союзная собственность;

д) особого внимания требует отработка механизма реализации Договора, и прежде всего в переходный период. В этой связи необходимо предусмотреть, что республики берут на себя обязательства не принимать до подписания Договора в союзных органах односторонних решений об изменении системы управления союзным хозяйством;

е) учитывая возможность различного толкования многих

положений Договора, важно выработать четкие определения содержащихся в нем терминов и понятий.

Учитывая вышеизложенное, Президиум поручил Юридическому отделу Кабинета Министров СССР, т. Цыганенко, и Минюсту СССР, т. Вышинскому, в суточный срок подготовить конкретные предложения о внесении поправок и дополнений в текст Союзного договора, а в качестве варианта — проект соответствующего протокола, который должен стать неотъемлемой составной частью указанного Договора, обязательной для исполнения. Заместителям премьер-министра СССР, министрам и руководителям ведомств, принимавшим участие в заседании, поручалось до конца дня сформулировать свои соображения по всем указанным вопросам и представить их в Кабинет Министров СССР.

Забегая вперед, могу сказать, что указанные физические и юридические лица эти поручения выполнили точно и в заданные сроки. Тут же после окончания обсуждения и принятия решения члены Президиума договорились о том, что его, это решение, надо вынести на рассмотрение Кабинета в полном составе. Президиум, учитывая важнейшее значение принятия на съезде проекта Договора для судеб государства и населения, счел свои полномочия недостаточными и необходимым прибегнуть к совету в полном конституционном составе в качестве коллективного органа.

Как видно из самого решения, Президиум Кабинета Министров СССР ни в коей мере не решал Договор по Горбачеву. Он уже не в первый раз высказался за подписание Договора, но не такого, а принципиально другого — федеративного, того, за который народ недвусмысленно проголосовал на референдуме 17 марта 1991 года. Что касается Заявления Кабинета, то оно просто в тот момент не требовалось по логике событий. Ведь Кабинет исходил из того, что Президент СССР и руководители республик не меньше нас уважают законы, решения референдумов, съездов и Верховного Совета СССР и не могут быть инициаторами и организаторами антиконституционных действий. Именно в расчете на это мы договорились, что я найду способ довести до Горбачева подготовленные замечания, предложения и проекты документов еще до подписания Договора и буду аргументированно отстаивать наши позиции как член союзной делегации.

Горбачев, улетая, говорил на аэродроме, что он вернется 18-го вечером или 19-го утром, так как он еще не определился, а мы узнаем о его решении через В. Болдина. Это же он подтвердил при телефонном разговоре со мной, обещал встретиться и

обсудить мои замечания заранее. Так что суточный срок на доработку документов диктовался прежде всего ожидавшимся его возвращением. Необходимость же столь принципиальной позиции обуславливалась наличием огромной разрушительной силы заряда, который был горбачевским проектом здания общесоюзной и российской государственности, национального мира, спокойствия и безопасности граждан, их экономического благополучия.

Такая оценка проекта Договора по Горбачеву не есть результат моего личного мнения или мнения членов Президиума Кабинета Министров и других должностных лиц, которых в псевдодемократической прессе обычно облыжно обвиняют в необъективно по причине приверженности к благам и привилегиям, стоящим, дескать, за их должностями. Хотя в жизни все наоборот, прежде всего как раз обвинители и есть те, кто этими благами, привилегиями и т. п. услугами «со стороны» пользовался и пользуется более всего и всех. Предложенный Горбачевым проект Договора рассматривала группа из 15 экспертов и единодушно высказалась о том, что те серьезные замечания, которые он у них вызвал, ставят под сомнение правовую значимость самого Договора. Они признали документ внутренне противоречивым, нелогичным и не имеющим значения правопреемственного.

* * *

Внешне для широкого круга читателей может показаться, что речь идет о вопросах второстепенных. Однако, с точки зрения реального государственного строительства, именно они, эти вопросы, имеют решающее значение. Среди них проблема правопреемственности одна из важнейших. Но горбачевский проект не гарантировал все сразу в нескольких сферах.

Эксперты признали, что, во-первых, не обеспечивается правопреемственность финансов. Не оговорена функция Госбанка СССР как единого эмиссионного центра. Не определены права и обязанности национальных банков по отношению к Госбанку СССР, за ним не закреплена монопольная функция резервирования активов и авуаров национальных банков, право быть единственным, кто наделяет полномочиями, открывает и закрывает банки, выступает представителем в сфере мировых финансовых отношений.

Отсутствие правопреемственности в сфере финансов не может устроить мировое сообщество, а это, в свою очередь,

означает, что по отношению к каждому из создающих неправопреемный Союз государств будет реализован принцип «финансовой мышеловки». На современном этапе общественной жизни мне уже нет нужды приводить доказательство своей правоты. Читатель сам знает, как это происходило на практике после августа 1991 года, знает и результат.

Второе, на что указывала экспертиза, это необеспеченность декларативно провозглашаемых в проекте Договора прав личности. Эксперты прямо говорили, что в СССР социальные права защищаются конкретным документом — бюджетом СССР, а утверждающий его Верховный Совет СССР и есть субъект социальной защиты гражданина СССР. Для гарантий защиты социальных прав и исполнения бюджета создается и — наделяется полномочиями единая налоговая служба СССР. Что касается юридических прав, то их гарантируют в СССР единая юстиция и единая федеральная безопасность с соответствующими механизмами — Минюстом, общесоюзными органами, аналогичными ФБР, и т. д. Все это в проекте Горбачева отсутствует, а вне этого права не гарантированы. И, наконец, гражданские права гарантируются единым гражданским законодательством, единым для СССР, со своим механизмом — Гражданским кодексом и Верховным судом СССР, который должен по мировым нормам рассматривать иски типа «республика против СССР», «СССР против республик», «Петров и республика против СССР», «СССР и Петров против республик» и т. п. Этого проект также не имел.

О правоте постановки такого вопроса сегодня можно спросить у безработных, беженцев, пенсионеров, военнослужащих и многих, многих других, на деле столкнувшихся в послеавгустовские дни с проблемой защиты своих прав, — к кому, куда идти, что просить и что он может. Тысячи и тысячи людей и судеб, вопросов и просьб без ответа…

Третье. Экспертное предупреждение состояло в том, что вне признания этого Договора верховной законодательной властью СССР этот документ нелегитимен для мирового сообщества. Эта принципиально важно потому, что ходившие в прессе высказывания, инспирируемые зачастую самим Горбачевым, о возможном подписании Договора типа «9 + 0» означали не более чем фикцию. В действительности вопрос о ликвидации Союза ССР в тот период не ставило на повестку дня ни одно республиканское руководство. Народы всех республик не поддерживали такие замыслы никогда.

Четвертое замечание обращало внимание на то, что, как ни странно, на фоне шума о мировом сообществе, общечеловеческих

ценностях и т. д. в проекте Горбачева вообще отсутствовало обращение к мировым нормам, ссылка на мировые документы, понятия международного права конкретно не использованы.

Пятое. Проект оставлял никак не решенным вопрос о выходе республик из Союза. Сейчас всем ясно почему. Но эксперты уже тогда обращали внимание на то, что для мирового сообщества возникает опасная казуальность. Сегодня, скажем, вышла, не рассчитавшись по мировым обязательствам СССР, Эстония, завтра — Армения, послезавтра — Украина. А кто будет платить? В результате после распада СССР Россия, объявившая себя плательщиком по всем обязательствам за весь Союз, погрузилась в трясину долгов иностранным государствам.

И, наконец, шестое. Я позволю привести дословно: «… Признав Федерацию, договор на деле создает даже не конфедерацию, а просто клуб государств. Он прямым путем ведет к уничтожению СССР, в нем заложены все основы для завтрашних валют, армий, таможен и др. Проводя эту линию тайно, неявно, он — вдвойне опасен, поскольку размывает все понятия в такой мере, что возникает государственный монстр».

Полагаю, что хоть в какой-то мере смог раскрыть причину столь острой политической борьбы вокруг Договора. Не за Договор или против, за Горбачева или за Ельцина, «демократию» или тоталитаризм шла бескомпромиссная борьба, а за единую страну и достойную жизнь для ее собственного народа — хозяина, с одной стороны, за удельные княжества и захват принадлежащего народу национального достояния, с другой.

* * *

После завершения заседания Президиума Кабинета Министров СССР 17 августа 1991 года я пришел к себе и попросил вызвать машину, чтобы ехать на дачу. Было уже около 1 б часов, суббота. Во время моего ожидания и сборов позвонил В. Крючков. После взаимных любезностей он пригласил меня заехать ненадолго на его дачу, чтобы в узком кругу обменяться информацией и мыслями о состоянии экономики и общественно-политической ситуации, так как положение очень тяжелое и ухудшается оно слишком быстро.

Встреча на объекте «АБЦ» КГБ СССР заслуживает особого внимания. О ней, в основном со слов В. Степанкова и Е. Лисова, проправительственной прессой в целом написано, пожалуй, даже больше, чем о так называемом «штурме Белого дома». Ведь с самого первого дня и почти до сегодняшнего дня меня и моих

коллег обвиняют в том, что именно там, на этом объекте 17 августа 1991 года и был организован заговор, составлены планы, поставлены задачи, распределены роли и силы для их реализации. Но ни конкретизировать обвинение, ни представить каких-либо доказательств следствие так и не смогло. Все попытки запутать обвиняемых и большинство свидетелей, заставить их оговаривать друг друга провалились.

В предъявленном мне обвинении от 5 декабря 1991 года в заговоре с целью захвата власти Е. Лисов утверждал, что 17 августа 1991 года мною на конспиративном объекте «АБЦ» КГБ СССР в г. Москве был разработан план захвата власти в стране, в соответствии с которым было намечено: «Президента СССР, находившегося на отдыхе в Форосе (Крым), изолировать на даче и лишить связи с внешним миром, предъявив ультиматум: либо немедленно ввести в стране режим чрезвычайного положения, либо уйти в отставку. При отказе президента выполнить указанное требование — осуществить его дальнейшую изоляцию, представить больным и поэтому неспособным к руководству, обязанности Президента СССР возложить на вице-президента СССР Янаева, образовать для управления страной Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР с передачей ему полномочий высшего органа власти, ввести в стране чрезвычайное положение. Для осуществления намеченного плана было принято решение о направлении в Форос к Президенту СССР группы участников заговора в составе Бакланова, Шенина, Болдина, Варенникова, Плеханова, Генералова с задачей изолировать президента и поставить перед ним требования заговорщиков».

06 «изоляции» вы уже могли прочитать раньше. Теперь настала очередь несуществующих «планов», иных мистификаций.

В ходе предварительного следствия с самого первого дня я утверждал, что никаких планов захвата власти и изоляции Президента СССР не разрабатывал и мне об этом ничего не известно, требовал исключить эти пункты из предъявляемого мне обвинения как надуманные и абсурдные. Все мои ходатайства по этому вопросу остались не разрешенными следствием. Обычная, к сожалению, практика, ибо мотивированные постановления следствием, как правило, не выносились. Никаких доказательств в ходе следствия также предъявлено не было, следственных действий не производилось. Больше того, 10 января 1992 года письмом № 18/6214–91 следствие само подтвердило, что никаких «документов на этот счет в распоряжении следствия не имеется».

В ответ на мою жалобу от 23 декабря 1991 года о том, что предъявленное мне обвинение надуманно и носит неконкретный

характер, в связи с чем следствие нарушает уголовно-процессуальное законодательство, уклоняется от его конкретизации, нарушая мое право на защиту, перекладывает на обвиняемого задачу доказательства его невиновности, Генеральный прокурор РСФСР Степанков, наиглавнейший страж соблюдения презумпции невиновности по отношению к любому и каждому гражданину Российской Федерации, 4 февраля 1992 года письмом № 34 п-55–92/6214–91 известил меня, что с обосновывающими обвинения доказательствами я могу непосредственно познакомиться в ходе выполнения требований от 201 УПК РСФСР. Другими словами, тебе дали 125 томов «дела», читай и ищи доказательства собственной вины сам на себя. Нам, строителям правового демократического государства, тобой заниматься недосуг. Посиди пока на нарах, подумай, время есть.

Что же я нашел, когда ознакомился со всеми материалами дела, относящимися к встрече 17 августа 1991 года. Убедился лишь в том, что имеющееся в постановлении от 5 декабря 1991 года о привлечении меня в качестве обвиняемого описание сущности так называемого плана захвата власти не более чем плод фантазии. Ко мне, к моему посещению объекта «АБЦ» КГБ СССР никакого отношения не имеет.

* * *

Присутствовавшие на этой встрече свидетели показали следующее: Егоров Алексей Георгиевич: «Впервые к разработке проблемы чрезвычайного положения в стране я был привлечен в декабре 1990 года (т. 7, л. д. 7). Примерно 15–16 августа с. г… Крючков на этот раз поручил нам подготовить документ о первоочередных мерах экономического, социально-политического и правового характера, которые следует реализовать в условиях чрезвычайного положения… (т. 7, л. д. 10).

Встреча носила неофициальный характер, и разговор велся свободный. Начал его Павлов. Он сказал, что только что закончилось заседание Президиума Кабинета Министров СССР, обстановка в стране сложная, крайне тяжелое положение с уборкой урожая, топливом, стране грозят голод и холод…пора принимать решительные меры, вводить чрезвычайное положение… В целом все согласились с тем, что надо вводить чрезвычайное положение (т. 7, л. д. 11).

Крючков достал из своей папки тот проект документа, который я и Жижин готовили перед встречей, и, обращаясь к

участникам, предложил ознакомиться с мерами, которые необходимо осуществить, вводя чрезвычайное положение. Хочу отметить, что на этой встрече документ еще не обрел название: «Постановление № 1 ГКЧП». В тот момент мы его условно называли документом о неотложных мерах по стабилизации экономической и политической обстановки в стране (т. 7, л. д. 12).

…Павлов высказался, что надо применить правовые меры самого жесткого характера. Грушко возразил, что меры, предусмотренные документом, выведены на основе Конституции СССР и Закона о чрезвычайном положении и более жестких мер предусмотреть нельзя, достаточно этого (т. 7, л. д. 12).

Прямо (на этой встрече) не велось речи о создании ГКЧП и составе его участников, во всяком случае я такого не слышал» (т. 7, л. д. 13).

Вот ведь незадача. Свидетель не слышал, а следователи услышали. «На ужине в целом никаких вопросов существенных в плане введения ЧП не было, только в конце Крючков поднял проблему, что надо переговорить с Ельциным и лидерами других республик, чтобы они поддержали решение о введении ЧП» (т. 7, л. д. 14).

Это уже, конечно, по В. Степанкову, преступно — он же утверждал, что мы нарушали суверенитет республик.

«Крючков высказал предложение слетать к Президенту и убедить его временно передать свои полномочия Комитету по чрезвычайному положению, а самому отдохнуть в отпуске… Однако у остальных было отрицательное мнение по этому предложению (т. 7, л. д. 11–12).

Я не слышал, чтобы на совещании шла речь об изоляции Президента в случае, если он не одобрит намерение собравшихся лиц (т. 7, л. д. 78).

По смыслу беседы я понял, что задачей лиц, которые должны лететь к Президенту, было, во-первых, сообщить ему о необходимости ввести в стране чрезвычайное положение, убедить его подписать Указ о введении ЧП, а, во-вторых, если это не найдет у него поддержки, то согласиться временно передать полномочия Янаеву или группе лиц. Крючков предложил срок на один месяц, а другие, по-моему, Павлов и другие возражали и говорили, что это не пойдет. Как их нужно понимать — я не знаю… на этой встрече не было определенного четкого плана-инструкции посланникам к Горбачеву, шел разговор, обменивались мнениями и конкретно план не был принят» (т. 7, л. д. 79).

Следователь: «Установлено, что лицам, назначенным лететь

к Президенту, были даны четкие инструкции: предложить Президенту уйти в отставку, а в случае его отказа объявить его больным, изолировать его в Форосе, путем замены и усиления охраны, отключения связи. Вы подтверждаете это?»

Ответ Егорова А.Г.: «Нет, такой постановки не было, во всяком случае, я не слышал. Как я уже сказал, не было выработано четкого плана, шло обсуждение: реплики, предложения, возражения, как я понял, лица, назначенные лететь к Президенту, должны были, прежде всего, убедить Президента в необходимости самому ввести чрезвычайное положение, ну то есть как я ответил на предыдущей встрече».

Следователь: «Следствие располагает данными о том, что все же на этой встрече план был решен конкретный: в случае отказа Президента изолировать его, уйти в отставку или заявить о своей болезни. Вы должны были об этом знать, то есть Вами оглашался на этой встрече проект заявления Президента об уходе в отставку и, как альтернативный вариант, уход по его болезни. Вы подтверждаете это?»

Ответ Егорова А.Г.: «Нет, такого не было. Я категорически совершенно искренне говорю, что я не зачитывал какой-либо проект заявления Президента об уходе в отставку или по болезни. Речи «об изоляции Президента» при мне не было. Я не могу объяснить, откуда появились данные о том, что я зачитывал подобные документы. Я читал часть проекта, который лег в основу постановления № 1 ГКЧП, и ничего больше» (т. 7, л. д. 79,80).

Следователь: «Из материалов дела видно, что Вами и Грачевым был изготовлен Указ от имени Президента СССР с заявлением об уходе его в отставку. Этот документ оглашался на встрече 17 августа на объекте «АБЦ». С этим документом летала делегация 18 августа в Крым к Горбачеву. Подтверждаете ли Вы это?»

Ответ Егорова А.Г.: «Нет, мы такого документа не готовили и я не слышал, чтобы он оглашался на встрече на объекте «АБЦ». Ничего об этом документе я не слышал».

Объективным может быть только один вывод: несмотря на грубые попытки следствия навязать свидетелю Егорову А.Г. ответ, который бы подтвердил выдумку обвинения, что прямо говорит об обвинительном уклоне следствия, свидетель на допросах б сентября, 17 октября и 16 декабря 1991 года последовательно, без колебаний заявляет, что ни об изоляции, ни об уходе в отставку Президента СССР на встрече 17 августа 1991 года даже речи не было, не то что разработок каких-либо планов захвата власти. Обещанные на допросах следователями материалы свидетелю не

предъявлялись и в деле также отсутствуют. Обсуждение же необходимости введения чрезвычайного положения, мероприятий, которые нужно было бы осуществить при его введении, предложения поехать с личным докладом по этому вопросу к Президенту СССР не являются уголовным преступлением, а составляют часть моих служебных обязанностей. Наконец, даже название ГКЧП тогда не существовало.

* * *

Свидетель Ачалов Владислав Алексеевич: «17 августа в конце рабочего дня, примерно в 17 часов… Павлов стал рассказывать о состоявшемся заседании Кабинета Министров СССР. Он обрисовал обстановку в стране крайне сложную, я бы сказал сложнейшую, особенно региона Урала, Якутии, Челябинска, и выделил две проблемы — энергетическую и продовольственную. Здесь же Павлов стал перечислять, кто и как выступил, особенно в защиту союзного договора, и в конце подытожил, что всего было два выступления на этом совещании в защиту союзного договора. В конце Павлов подвел резюме, что надо лететь и договариваться с Горбачевым, но о чем договариваться, он не говорил» (т. 94, л. д. 3,4).

Следователь: «Расскажите подробнее о совещании 17.08 на даче КГБ».

Ответ Ачалова В.А.: «Разговор шел в беседке. Павлов рассказал о тяжелом экономическом положении в отдельных районах страны, и затем речь зашла о необходимости введения чрезвычайного положения, говорили о необходимости решить это с М.С. Горбачевым, для чего поехать к нему и уговорить ввести чрезвычайное положение. От МОЯзов предложил лететь Варенникову, тот согласился. После этого мы уехали. Разговора о том, что делать в случае отказа М. С. Горбачева от введения чрезвычайного положения, — не было.

…Ни об изоляции Президента, ни об отстранении его от власти никакого разговора не было. О вводе войск также речь не шла, ни о каком совещании у меня и согласования действий с офицерами КГБ разговора не было».

Вывод также однозначен — показания 24 августа и 11 октября 1991 года подтверждают одно: ни слова об отстранении, изоляции или отставке 17 августа 1991 года на объекте «АБЦ» КГБ СССР не говорилось.

* * *

Присутствовавшие обвиняемые по делу по поводу встречи 17 августа 1991 года показали следующее:

Грушко Виктор Федорович.

Следователь: «Поясните подробно, как проходила встреча известных лиц на объекте «АБЦ» 17 августа с. г. Какова была тема встречи, кто, в какой последовательности и о чем на ней говорил, какие были приняты решения?»

Ответ Грушко В.Ф.: «Разговор за столом был неофициальны, то есть не было порядка выступлений, какой-то последовательности, были реплики, возражения, отвлечения на посторонние темы, не было обозначено конкретной темы, говорили сбивчиво, перебивая друг друга. Как я понял, основной вопрос, который и занял большую часть времени, — это вопрос, что надо лететь к Президенту СССР в Крым, довести до него трагичность обстановки в стране и побудить принять решительные меры, то есть предложить ввести в стране чрезвычайное положение, и если эта идея не найдет у него поддержки, то побудить, временно передать свои полномочия Янаеву по болезни, а потом, когда будет введено чрезвычайное положение, вернуться к своим обязанностям. Никакого злобного умысла в отношении Президента не вынашивалось, поэтому решили, что ехать к Президенту должны наиболее близкие к нему люди, которые могли убедить его. Как таковой вопрос о введении чрезвычайного положения не ставился… Не говорилось на этой встрече о создании ГКЧП, по-моему такого наименования еще придумано не было, и тем более, не было речи о насильственном отстранении от власти Президента. Это ни у кого из присутствующих и в мыслях не было, ведь собрались верные и близкие Президенту люди, которые хотели помочь ему справиться с ситуацией (т. 4, л. д. 91).

…Крючков сказал, что он знает охрану и он примет меры… В чем эти меры заключались. Крючков не сказал (т. 4, л. д. 92).

…Павлов четко сформулировал мысль о том, что надо лететь к Президенту, иначе наступит крах. Он также говорил о катастрофическом положении в экономике: гибнет урожай, нарушены хозяйственные связи и т. п., говорил, что каждая республика «тянет на себя одеяло» и что при таком положении может наступить хаос. (т. 4, л. д. 92).

Тема о том, что надо поставить в известность о принятых решениях Лукьянова, Бессмертных и Янаева, на встрече не обсуждалась. Также не было разговора о том, что надо решить вопрос о применении войск и распределении сил ведомств» (т. 4,

л. д. 93).

Следователь: «Была ли речь о том, что подписание Союзного договора приведет к развалу Союза, кем и на какой стадии она велась?»

Ответ Грушко В.Ф.: «Это говорил Павлов, в том плане, что надо лететь к Президенту до подписания Союзного договора, так как после его подписания это теряет смысл, будет поздно. О том, что нельзя допустить подписания договора, не говорилось».

Следователь: «Из материалов дела видно, что на этой встрече Вами и Егоровым оглашались перед участниками проекты Обращения к советскому народу, заявление Советского руководства, постановление № 1, а Егоровым, кроме того, проект Заявления Президента об уходе в отставку и, как альтернативный вариант, проект его заявления о передаче полномочий Янаеву по болезни. Что Вы можете пояснить?»

Ответ Грушко В.Ф.: «Нет, не оглашались ни один из документов, как я уже сказал. Такие документы, как проекты заявлений Президента об уходе в отставку или о передаче полномочий Янаеву, нами не готовились» (т. 4, л. д. 93).

…Нет, на встрече не велось каких-либо разговоров о применении войск и я не слышал… чтобы Крючков и Язов говорили об этом» (т. 4, л. д. 94).

…Вопрос о введении чрезвычайного положения на встрече на объекте «АБЦ» не в том плане, что он был решен еще ранее, а что он обсуждался еще ранее. Когда Крючков на встрече говорил, что Плеханов по прибытии в Форос «примет меры», я понял, что Плехановым будет обеспечен проход на дачу прилетевшим и организована встреча с Горбачевым. Ни об изоляции, ни об отключении связи Крючков не говорил» (т. 4, л. д. 95).

Вывод также не вызывает сомнений — следствие говорит о несуществующих материалах, провоцируя допрашиваемого на желаемый ответ, но ответы определенно свидетельствуют, что никто никаких планов 17 августа на объекте «АБЦ» не разрабатывал и об отставке, изоляции президента разговор не вел.

* * *

Болдин Валерий Иванович: «17 августа мне в больницу позвонил Крючков и пригласил. Когда я туда приехал, речь зашла о положении с подписанием Союзного договора, состоянии экономических связей, и в этой связи было предложено доложить обстановку Президенту и выехать для этого на юг, в Крым, где в

это время на даче в Форосе находился Президент СССР Горбачев М. С.» (т. 76, л. д. 213).

…Здесь обсуждался вопрос о развале государства, о необходимости принятия мер кардинальных — о сохранении Союза» (т. 76, л. д. 223).

Следователь: «Валерий Иванович, скажите, 17.08.91 на базе КГБ, где Вы тоже были, был ли разговор о том, чтобы сменить охрану на даче Президента, если он откажется с предложениями приехавшие к нему лиц?»

Ответ Болдина В.И.: «При мне такого разговора не было» (т. 76, л. д. 231).

Следователь: «Валерий Иванович, скажите, на этой встрече не обсуждался вопрос об отставке Президента, если он не согласится с принятием тех соображений, которые Вы назвали?»

Ответ Болдина В.И.: «Вопрос об отставке Президента вообще не обсуждался».

Следователь: «Скажите, не обсуждались ли вопросы на этой встрече об изоляции Президента?»

Ответ Болдина В.И.: «В моем присутствии таких вопросов не обсуждалось» (т. 76, л. д. 238).

Добавить к ответам В. Болдина 23 августа, 2 сентября, 2 и 10 октября 1991 года нечего, и никаких комментариев не требуется.

* * *

Варенников Валентин Иванович.

Из собственного заявления следствию: «Анализируя встречу 17 августа, чистосердечно заявляю, что я не мог себя считать вступившим в заговор: на встрече никакого разговора о захвате власти не было, наоборот, говорилось об укреплении существующей власти и стабилизации обстановки; находясь среди руководителей, которые уже обладают огромной властью (плюс говорили о Янаеве и Лукьянове), я не видел во всем этом заговор. Это были озабоченные обстановкой руководители нашего государства.

Не говорилось и об отстранении Президента, а рассматривался вопрос о временной передаче его полномочий вице-президенту (в связи с состоянием его здоровья и тяжелой ситуацией, в какой оказался М.С. Горбачев, — имелась в виду обстановка в стране).

Хочу особо подчеркнуть, что речь шла именно о временной передаче функции, а не об отстранении…

Почему возникла эта идея о временной передаче функций. В

свое время ВС СССР предвидел возможную тяжелую ситуацию в государстве, дал все необходимые полномочия. Президенту, чтобы он мог оперативно пресекать тяжелые тенденции (в т. ч. вводить президентское правление и т. д.). Но М.С. Горбачев своевременно этим не воспользовался, а сейчас ему выступать с чрезвычайными шагами поздно. Поэтому было решено ему помочь. А дальше он должен был продолжать свою деятельность, но уже в новых стабилизационных условиях.

…17 августа вообще ничего не говорилось о захвате власти, о перевороте и т. п. Никто в моем присутствии не говорил и о замене законно избранных руководящих деятелей государства» (т. 103, л. д. 174,175,176).

Следователь: «Не связано ли включение Плеханова, командующего охраной Президента, с его последующей изоляцией?»

Ответ Варенникова В.И.: «Возможно, вопросы изоляции Президента участниками совещания ранее прорабатывались и в связи с этим какая-то задача Плеханову ставилась, но мне об этом ничего не известно» (т. 93, л. д. 249).

Следователь: «Когда Вам стало известно, что будет отключена связь на даче Президента СССР Горбачева?»

Ответ Варенникова В.И.: «Если на совещании 17.08.91 на объекте КГБ обсуждался вопрос об отключении связи у Горбачева, то я этого не уяснил для себя… О том, что планируется изоляция Президента, я не понял, это не вытекало из разговора» (т. 102, л. д. 116).

Следователь: «Скажите, Валентин Иванович, об изоляции Президента в Форосе что-либо говорилось?»

Ответ Варенникова В.И.: «Я лично этого не слышал, так как в ходе беседы мы отдельные моменты разбирали по группам. К примеру, я иногда беседовал с Павловым, который сидел справа через кого-то, о проблеме уборки урожая, так как округа подчинялись мне и военнослужащие помогали решать эту проблему» (т. 102, л. д. 135).

…Содержание разговора на объекте «АБЦ» КГБ не может быть для меня свидетельством того, что якобы это был заговор (т. 102, л. д. 215).

…Никаких документов не видел, в руках не держал, и никто их не зачитывал. Исключением было «Обращение к народу» — отдельные фрагменты работник КГБ зачитывал. Но они были патриотической направленности (т. 102, л. д. 216).

…Ни одно из перечисленных («намеченных») мероприятий, а также ни одно из перечисленных требований в моем присутствии нигде не обсуждалось (т. 102, л. д. 217).

…ГКЧП был создан до моего участия в беседе 17 августа (т. 102, л. д. 219).

…Никаких, тем более заранее выработанных, ультимативных требований ни я, ни кто-либо из других присутствующих лиц в Крыму Президенту не предъявлял» (т. 102, л. д. 220).

Все приведенные показания 23, 24, 29 августа, 26 октября, 5 и 29 ноября 1991 года, как и другие показания Варенникова В. И., четко подтверждают как раз обратное утверждению обвинения — никаких планов захвата власти, заговора, отставки и изоляции Президента СССР 17 августа

1991 года на объекте «АБЦ» КГБ СССР — не обсуждалось.

* * *

Бакланов Олег Дмитриевич.

Следователь: «16 августа Вы у Крючкова в здании КГБ были?»

Ответ Бакланова О.Д.: «Видимо, был такой факт, этого я отрицать не могу».

Следователь: «Что это была за встреча, по каким вопросам?»

Ответ Бакланова О.Д.: «Возможно, это и был разговор о том, что надо было ехать и договариваться с Горбачевым по поводу сложившейся ситуации. Видимо, это происходило 16-го числа, а не 17-го, как я говорил раньше» (т. 21, л. д. 69).

Следователь: «Когда обсуждался вопрос о том, что Президента нужно изолировать?»

Ответ Бакланова О.Д.: «Этого я не знаю» (т. 21, л. д. 71).

Следователь: «А каково Ваше отношение к тем конкретным действиям, которые изложены в обвинении?»

Ответ Бакланова О.Д.: «Я могу сказать следующее: 17 августа 1991 года план захвата власти я не разрабатывал».

Следователь: «А в этот день кто-то из других такой план разрабатывал?»

Ответ Бакланова ОД.: «Это мне не известно» (т. 22, л. д. 1).

Следователь: «В каком виде оговаривалась на этом совещании 17 августа Ваша предстоящая поездка в Форос к Горбачеву?»

Ответ Бакланова О.Д.: «По этому вопросу во время этой встречи никакого разговора не было».

Следователь: «Как долго Вы находились в этот день на объекте «АБЦ»?

Ответ Бакланова О.Д.: «Не более часа-полутора».

Следователь: «Что происходило на этом объекте во время

встречи?»

Ответ Бакланова О.Д.: «Я уже давал показания об этом. Шел разговор о тяжелом положении в стране, что необходимо принимать какие-то меры. По этому вопросу Президент занимает позицию очень пассивную, и надо было какие-то конкретные предложения выработать вместе с Президентом, чтобы выйти из этой ситуации. Был просто обмен мнениями».

Следователь: «А шла ли речь на этом совещании о замене Президента, о предложении ему уйти в отставку?»

Ответ Бакланова О.Д.: «Нет, не шла. И в Форосе Горбачеву никто из нас никаких требований не предъявлял и ни к чему не склонял».

Следователь: «А о введении в стране режима чрезвычайного положения, или в отдельных ее местностях, об этом речь шла?»

Ответ Бакланова О.Д.: «Нет, не шла».

Следователь: «А о возможности изоляции Президента?»

Ответ Бакланова О.Д.: «Нет, не было».

Следователь: «Документы какие-то везли с собой?»

Ответ Бакланова О.Д.: «У меня никаких документов не было. И ни у кого из товарищей я каких-либо документов не видел».

Следователь: «ГКЧП имел какое-то отношение к вводу войск в Москву?» (т. 22, л. д. 97).

Ответ Бакланова О.Д.: «Этот вопрос на ГКЧП не обсуждался».

Следователь: «Такого разговора не было где?»

Ответ Бакланова О.Д.: «Нигде. Ни на ГКЧП, ни в индивидуальных разговорах» (т. 22, л. д. 110,111).

* * *

Крючков Владимир Александрович: «Поехали Бакланов, Болдин, Варенников В.И., начальник сухопутных войск, Шенин О.С. с целью переговорить о трудностях в стране с Горбачевым, показать, что кризис усиливается и что осень и зиму мы нормально не переживем» (т. 2, л. д. 3).

Цель: доложить обстановку в стране, показать, что становится все хуже, и, учитывая, что М.С. Горбачев не идет на меры чрезвычайного характера, попросить его сделать это и. о. Президента Янаеву Г.И. Сам Президент должен был бы остаться в стороне, хотя бы несколько дней» (т. 2, л. д. 39).

Следователь: «А в случае его несогласия?»

Ответ Крючкова В.А.: «В случае его несогласия мы должны

были обсудить вопрос по возвращении наших товарищей (т. 3, л. д. 6).

…Это очень важно: что никогда, ни в ходе ни одного разговора никто не поднимал вопроса о том, чтобы лишить власти» (т. 2, л. д. 14).

Следователь: «Когда и от кого исходило высказывание о необходимости заменить Президента СССР?»

Ответ Крючкова В.А.: «Вопрос о необходимости замены Президента СССР М.С. Горбачева не стоял и его никто не ставил» (т. 2, л. д. 161).

…Хотел бы еще раз подчеркнуть, что вопрос о замене Президента СССР не стоял…» (т. 2, л. д. 163).

* * *

Язов Дмитрий Тимофеевич.

Следователь: «Поясните, все-таки заговор как таковой был? Был ли сговор?»

Ответ Язова Д.Т.: «…Что касается меня, то я считаю, что заговора не было» (т. 99. л. д. 118).

Следователь: «А по-русски можете сказать, а? Если не согласится, то какие действия должны быть у группы? Как Вы обговаривали?»

Ответ Язова Д.Т.: «Не обговаривали вопрос. Какие действия группы должны быть, не обговаривалось. Я же Вам говорил» (т. 99, л. д. 121).

Следователь: «Нет, 17-го встречались на объекте. Ачалов был?»

Ответ Язова Д.Т.: «Да».

Следователь: «Там решался вопрос?»

Ответ Язова Д.Т.: «Да. Никто же не знал, что он будет изолирован».

Следователь: «Только имелось в виду, что если нет, то…»

Ответ Язова Д. Т.: «Даже это не говорилось. Об этом даже там конкретного разговора не было» (т. 99, л. д. 174).

Следователь: «Дмитрий Тимофеевич, Вы говорили о том, что 16-го числа по линии КГБ к технической работе был привлечен Грушко, а от Вашего ведомства Ачалов?»

Ответ Язова Д.Т.: «Ачалов, дня за два».

Следователь: «От Вас какая конкретная была поставлена задача?»

Ответ Язова Д.Т.: «Речь шла о юридическом, так сказать, решении, о законности решения такого вопроса.

…На встрече 17.08.91 на объекте «АБЦ» не обсуждался вопрос, как поступать членам группы, которая должна поехать к Президенту, в случае его отказа ввести в стране чрезвычайное положение. Насколько я помню, в тот вечер разговоров по поводу объявления Горбачева больным, в случае его отказа от введения чрезвычайного положения, не было».

…Хочу отметить и то, что 17.08.91 на встрече также не обговаривались вопросы об образовании для управления страной государственного комитета по чрезвычайному положению (т. 99, л. д. 240).

…Заговора с целью захвата власти не было. При мне также вопросы не обсуждались… В моем присутствии вопрос о замене Президента на вице-президента Янаева не обсуждался… (т. 99, л. д. 242).

…Должен отметить, что все указанные документы я впервые увидел на встрече в кабинете Павлова 18.08.91. Тогда же только узнал об образовании ГКЧП и о его составе, а тем более что я являюсь его членом».

Очевидно, что ответы Д.Т. Язова не вызывают никаких сомнений в неправомерности утверждения следствия о том, что якобы 17 августа 1991 года на объекте «АБЦ» разработан план захвата власти, приняты решения об отстранении и замене Президента СССР, лишении его связи, изоляции и т. д.

* * *

Шенин Олег Семенович: «Вскоре подъехал Павлов В.С. Он сделал информацию о рассмотрении Союзного договора на Кабинете Министров СССР… Настаиваю на том, что вопросы, как вводить ЧП, кто будет этим заниматься на отдельных направлениях, какие силы будут включены, не обсуждались (т. 70, л. д. 39).

…Мне неизвестен никакой план по захвату власти в СССР. При мне никогда, нигде не обсуждался вопрос о замене законно избранных высших государственных деятелей другими лицами (т. 70, л. д. 40).

…Я настаиваю и утверждаю, что 17.08.91 никаких преступных планов по захвату власти, как об этом домыслили и сочинили органы следствия на листе № 2, с моим участием не разрабатывалось. Никаких планов на встрече при мне не составлялось, никаких документов не готовилось и не рассматривалось (т. 70, л. д. 152).

…Присутствовавшие на встрече 17.08.91 пришли к выводу о

необходимости поездки в Форос к Президенту СССР, доложить ему крайне критическое положение. Речь на встрече шла именно о введении ЧП в стране» (т. 70, л. д. 153).

* * *

Я понимаю, что утомил читателя. Но для меня было главным убедить не речами и домыслами, а фактами, что заговор, если был таковой, то не со стороны ГКЧП. Видимо, эти документально зафиксированные на допросах показания повлияли на решение В. Степанкова отменить 12 августа 1992 года постановление своего заместителя Е. Лисова от 23 декабря 1991 года, в котором тот, будучи руководителем следственной бригады, признал, что предварительное следствие не нашло фактов, которые объективно составляют по своему содержанию преступление, квалифицируемое ст. 64 УК РСФСР «Измена Родине», и за отсутствием состава преступления уголовное преследование в этой части прекратил.

Вместо него было предъявлено обвинение в заговоре с целью захвата власти, как самостоятельного преступления, в соответствии с Законом СССР о государственных преступлениях. Но все, что Вы, уважаемый читатель, прочли выше, не требует объяснений по части заговора. Можно добавить лишь то, что комментарии к Уголовному кодексу РСФСР гласят: «характерным для заговора является наличие у его участников цели изменить существующий советский государственный и общественный строй.

Однако как заговор с целью захвата власти следует квалифицировать и действия тех лиц, которые из карьеристских побуждений сорганизуются для замены неконституционным путем законно избранных или назначенных руководящих деятелей государства».

Говорить об изменении советского строя и связывать это со мной, когда на весь мир от имени ГКЧП объявлялось, что на всей территории страны верховенство имеют Конституция СССР и Законы СССР, не серьезно.

О карьеристских соображениях говорить смешно, ибо власть, и достаточно большая, у меня была. Видимо, это тоже учли наши бойкие писатели — прокуроры, и тогда… Е. Лисов заболел, дело принял А. Фролов, его надежный заместитель. Шустрый заместитель, не имея ни одного нового факта, не проведя с моим участием ни одного следственного действия, согласно указанию Генпрокурора РФ В. Степанкова от 12 августа 1992 года,

прерывает ознакомление с делом, возобновляет следствие и 25 августа предъявляет уже однажды отмененное обвинение в измене Родине, а 7 сентября, так ничего и не добыв и не сделав, закрывает следствие с этим обвинением. Заодно организацию заговора почему-то переносят на 5 августа 1991 года. Почему не на 1990 год?..

Даже жалобы и ходатайства обвиняемых не рассмотрели к тому времени. Опять куда-то торопились. Им некогда, следовательно, сойдет и так. Например, сами признают, что 5 августа меня нигде на встречах ни с кем не было, но я, тем не менее, остаюсь организатором.

Но самое «пикантное» заключается в том, что как только А. Фролов сделал безусловно грязное дело, Е. Лисов выздоровел. Вся его дальнейшая деятельность выразилась в подписании обвинительного заключения по обвинению, которое он сам же и признал безосновательным. Ведь вновь приняв дело к производству, он даже следственной бригады не создал и сам не появлялся ни разу. О морали говорить здесь не приходится, а с юридической точки зрения правомерность такого поведения я оценивать не компетентен. Заявленные мной отводы ему и В. Степанкову они же сами рассмотрели и признали необоснованными. Единственное, что мне оставалось в той ситуации, — отказаться вообще знакомиться с их стряпней до суда, что я и сделал, как и многие мои коллеги.

* * *

О событиях 18 августа 1991 года и последующих дней много сказано и написано. Это, с одной стороны, облегчает мою задачу, а с другой — осложняет опасностью повторения широко известных фактов. Поэтому постараюсь касаться лишь фрагментов, не известных широкому читателю, либо тех, что, с моей точки зрения, освещены необъективно или ошибочно.

Сам день я провел на даче с семьей. Сын с семьей закончил отпуск и собирался улетать. Собирали вещи, организовали прощальный обед (оказался символичным). Но внутреннее беспокойство меня не покидало. Я так и не могу точно по сей день объяснить причину его появления. Но оно возникло и усиливалось. Мое знание прошлого и анализ поведения Горбачева в разных ситуациях к спокойствию не располагали. Тогда я решил позвонить А. Лукьянову и Г. Янаеву и уточнить, будут ли они вечером на встрече с уехавшими в Форос. При этом А. Лукьянову я прямо говорил, что, не исключено, Горбачев вернется в Москву

вместе с поехавшими, так как в разговоре со мной он говорил о вечере 18 или утре 19 августа как дате встречи для предварительного обсуждения проекта договора по моим и Президиума Кабинета замечаниям и предложениям.

Янаев и Лукьянов подтвердили, что будут. Это немного успокоило, но не до конца. Примерно в 18 часов позвонил В. Крючков и сказал, что полетевшие возвращаются, надо бы собраться. С учетом времени полета после 20 часов я прибыл в Кремль. Из доклада приехавших товарищей однозначно следовало, что Горбачев выбрал свой обычный метод поведения — вы делайте, а я подожду в сторонке: получится — я с вами, нет — я ваш противник и не в курсе дела. Об этом свидетельствовали и ссылка на его самочувствие, и пожелания успеха накануне, и «делайте, как хотите сами», под предлогом завершения врачебных процедур целый час заставил приехавших к нему ожидать приема и картинные печаль и тревога мадам…

Все это, вместе взятое, переданное нам прибывшими, свидетельствовало о том, что Горбачев решил повторить сценарий чрезвычайного положения в Москве весной 1991 года. Разница была лишь в том, что я не мог вторично, что называется, «играть втемную», не собирался. На этот раз первыми Горбачев подставлял А. Лукьянова или Г. Янаева. Не потому, что так складывались его личные симпатии. Ему если не антипатичны, то уж глубоко безразличны всегда были все. Он рассматривал нас лишь по одному критерию — выгодно лично ему или нет и где больше навар можно иметь. Поэтому обсуждение началось с вопроса, кто берет на себя подписание документов о введении ЧП. Лишь после жаркой дискуссии по этому вопросу, когда Г. Янаев подписал Указ о временном исполнении обязанностей Президента СССР, двинулась работа по другим документам. Важно отметить, что само название ГКЧП появилось именно в тот временной отрезок. По сути, его привезли из Фороса, так как Горбачев, обращаясь к прибывшим, спрашивал о комитете — что за комитет, кто его создал и т. п. — и тут же сам написал практически персональный состав. Даже А. Лукьянова предусмотрительно вписал, под знаком вопроса.

Что касается введения чрезвычайного положения, то, как признало само следствие, ГКЧП его не вводил, ибо «по совету Лукьянова эта формулировка была изменена на «в отдельных местностях СССР», что соответствовало закону.

Встреча началась после 20 часов 18 августа 1991 года и закончилась около 3 часов 19-го. Документы были закончены разработкой примерно в 24 часа, и только после этого к чаю и кофе принесли бутылку виски. Это документированный факт.

Привожу его лишь потому, что не перевелись еще лица, надеющиеся выдать действия членов ГКЧП как какое-то сборище подвыпивших мужичков — не очень умные, не очень трезвые, не слишком храбрые. Свидетель И.В. Довиденко на допросе показал следующее: «… Приблизительно в 21.00 была первая подача на совещание. Подавали мы вдвоем… Во время подачи чая в зале… обстановка была обычной. На столе находились документы, пепельницы. Вторая подача состоялась приблизительно в 24.00… Когда мы зашли, на столе появилась бутылка виски. Третья подача была приблизительно в 3.00. Были ли среди них лица в нетрезвом состоянии или они были уставшими, я точно сказать не могу, потому я этого не понял» (т. 54, л. д. 271).

Человек, обслуживающий стол, профессионал, будучи там, на месте «действий», не понял, а прокуроры и следователи спустя месяц поняли. Вопрос только один — сами или кто подсказал? Зачем?..

Закончу же это показаниями А. Бессмертных и словами О. Бакланова 21 ноября 1991 года. А. Бессмертных на допросе сказал: «В.С. Павлов вел в основном разговор об экономическом положении страны, говорил о развале, хаосе… Когда я в конце уже решился уйти, то Павлов сказал мне: «Пойми, все, что мы делаем, это не ради себя» (т. 124, л. д. 195).

Отношение же к Горбачеву в этой ситуации лучше всех выразил Бакланов словами, обращенными к Г. Янаеву, смысл которых состоял в том, что вопрос о том, болен Президент, не болен, чем болен, не главный, выздоровеет и приедет, а страну спасать надо независимо от чьего-то желания участвовать или отсидеться…

* * *

Считаю, что нужно разъяснить вопрос о появлении бронетехники на улицах Москвы. Следствие упорно твердило о том, что этот вопрос был обсужден и решен 18 августа в соответствии с предварительно достигнутым 17 августа соглашением на объекте «АБЦ». Что касается 17-го числа, не обоснованность этого достаточно освещена в ранее приведенных мной показаниях всех, кто присутствовал тогда там. Я свидетельствую, что когда О. Бакланов, О. Шеин и другие говорили на допросах о том, что 18 августа будущий ГКЧП ввод войск в Москву не обсудил и решений на этот счет не принимал, то они говорили чистую правду.

Вынужден потревожить память глубокоуважаемого В.Г. Пуго.

Дело в том, что он, говоря о криминогенной ситуации в Москве, подчеркивая явную недостаточность своих сил и технических возможностей для гарантий спокойствия и безопасности граждан, объектов хранения ценностей, производства и торговли. И в этой связи говорил о том, что в случае необходимости оказания помощи при возникновении экстремальных ситуаций в городе он просил бы армию оказать помощь в той мере и в том порядке, как это уже неоднократно делалось в разное время в Москве и других городах. Вот почему указания маршала Д. Язова, имеющиеся в распоряжении следствия, гласят о выдвижении воинских частей к Москве, а не в Москву. Тот, кто знает город, легко поймет значение таких мест, как аэродром Тушино, Теплый Стан, Ходынка, — это так называемая парадная площадка. Это именно те места, где воинские части, прибывающие для участия в парадах, находятся на временной дислокации. Командующий Московским военным округом генерал-полковник Н. Калинин в собственноручно написанном заявлении следователю В. Гусеву 30 сентября 1991 года сообщал: «Мне была поставлена задача в готовности ввести в Москву 2 м. с. д. и 4 т. д. и совместно с УВД города обеспечить поддержание общественного порядка в городе и охрану в нем важных объектов… Выход частей предусматривалось осуществить первоначально в районы парадной площадки и Теплого Стана…» (т. 107, л. д. 28). Было ли в этом что-то новое, необычное, связанное именно с созданием ГКЧП?

Тот же Н. Калинин еще 18 сентября 1991 года свидетельствовал на допросе у следователя В. Фокина: «Командующим Московским военным округом я назначен в феврале 1989 года, за это время… войска в Москву вводились раз 5 по различным причинам» (т. 107, л. д. 25). Это же подтверждают и многие другие допрошенные военнослужащие. Начальник штаба Московского военного округа генерал-лейтенант Л. Золотов вспоминал 24 сентября 1991: «9.IX.1990 года… В этот день все практически начиналось точно так, как и ввод войск в гор. Москву 19 августа 1991 года» (т. 107, л. д. 99).

Тогда возникает логичный вопрос: где Тушино и где Садовое кольцо, «Белый дом» и т. п.? Зачем были нужны войска именно в тех районах Москвы, где они фактически находились? Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, содержится главным образом в показаниях П. Грачева, Ю. Скокова, Е. Подколзина. Так, Ю. Скоков 26 октября 1991 года рассказывал о том, что «…мы договорились прежде всего об одном: чтобы мы начали контактировать с армией, решая проблемы социальной устроенности армии, чтобы иметь какие-то четкие

взаимоотношения с военными, первоначально хотя бы на личном уровне. А дальше — в зависимости от развития событий… Мы с Грачевым договорились, что мы с Ельциным заедем в Тульскую дивизию, где у них специальный полигон… Во время визита… там были и генералы Лебедь и Грачев. С этого времени (июнь 1991 г.) Ельцин был с нами обоими знаком» (т. 93, л. д. 136).

По словам Т. Митковой, «Грачев лично организовал тогда воздушный праздник для Ельцина… Грачев говорил, что там он познакомился с Ельциным и у них установились очень хорошие, теплые отношения» (т. 93, л. д. 258).

Ну а теперь слово самому П. Грачеву: «В 19 часов 18 августа Язов вызвал меня к себе и сообщил, что делегация находится в Форосе, ведутся переговоры с Президентом СССР/ видимо, они будут успешными и Горбачев даст «добро»… В 4 часа ночи 19 августа Язов вызвал меня на связь и объявил, что все вопросы в Форосе решены и вводится чрезвычайное положение. В 6 часов утра следует ждать об этом сообщения…»

Итак, «добро» из Фороса получено. А что же в Москве? «После 6 часов утра 19 августа (с дачи из «Архангельского») мне позвонил по телефону в кабинет Б.Н. Ельцин и спросил меня (почему, скажем, не Язова? — В.П.), что происходит. Я ему объяснил, что введено чрезвычайное положение, войска идут из Тулы к Москве в Тушино (заметь читатель — не в Москву, а к Москве, в Тушино. — В.П.), а дальше будут действовать по указанию Министра обороны СССР. На это Б. Н. Ельцин мне ответил, что это авантюра, настоящая провокация. (Позволю себе напомнить о вышеприведенных откровениях Г. Попова по изучавшимся им сценариям «путча». — В.П.) Он ответил, чтобы я выделил личный состав ВДВ для охраны «Белого дома». Я пообещал ему выдвинуть подразделения ВДВ к «Белому дому» для его охраны. В 8 часов утра ко мне приехал помощник советника Б.Н. Ельцина Портнов (и остался до 22.У111.91 г.), и мы договорились с ним о взаимодействии. Около 8 часов этого же дня мне позвонил Ачалов и передал указание взять под охрану Госбанк, Госхранилище, радио и телевидение. При этом я сказал Ачалову, что беру под охрану «Белый дом» и Моссовет. Он с этим согласился и сказал, чтобы я так и действовал, но при этом двигались войска осторожно и не подавили людей. О просьбе Ельцина взять под охрану «Белый дом» Ачалов знал. После этого я поставил задачу Лебедю выделить для охраны указанных объектов по батальону ВДВ, а батальон для охраны «Белого дома» приказал вывести лично, о чем доложить Президенту России» (т. 109, л. д. 38,39).

От себя могу добавить лишь то, что указание было выполнено

с перевыполнением. Встретив на марше войска Тульской дивизии, командование ВДВ вывело в Москву к «Белому дому» батальон и роту разведки, плюс часть войск к Моссовету. Вот почему для многих членов ГКЧП появление войсковой бронетехники в городе 19 августа 1991 года было неприятной неожиданностью. Я лично, прибыв в 14 часов с дачи в здание Кабинета Министров СССР на Пушкинской улице, вовсе не пришел в восторг, когда обнаружил бронетехнику.

* * *

Вскоре после приезда я по соглашению с Г. Янаевым выехал в Кремль. Там у вице-президента обсуждался вопрос о проведении пресс-конференции. Она, естественно, была теперь, после появления бронетехники в городе, вдвойне необходима. Но я отказался в ней принять участие по двум причинам: первая — мне нужно было проводить в 15 часов Валютный комитет (пришлось перепоручить это дело В. Щербакову, хотя он к этому был вовсе не готов. Я вынужден был по телефону разъяснять ему нашу позицию и решения, которые требуется провести на заседании), а затем заседание Кабинета Министров. Это заседание в той ситуации ни перенести, ни передоверить кому-либо его ведение я не мог. Беда стояла у порога, и мне она была более объемно и четко видна, чем любому другому члену Кабинета. На повестку дня заседания Кабинета Министров СССР было вынесено обсуждение решения Президиума Кабинета об отношении к горбачевскому проекту Договора о Союзе суверенных государств.

Чувствовал я себя очень плохо. Бессонная ночь и нервные перегрузки последнего времени, особенно субботы и воскресенья, не могли пройти бесследно. Пришлось прибегнуть утром к помощи врача. Небезынтересен будет тот факт, что проводимая В. Степанковым и Е. Лисовым выдержка из допроса моего лечащего врача Д.С. Сахарова изложена ими так, как ее записал следователь: «Где-то около семи утра мне позвонил охранник премьер-министра и попросил срочно приехать. Павлову, сказал он, плохо. Я приехал. Павлов был пьян. Но это было не обычное простое опьянение. Он был страшно взвинчен до истерики. Я стал оказывать ему помощь…» (стр. 109. В. Степанков, Е. Лисов. Кремлевский заговор. Изд-во «Огонек», 1992).

На этом показания обрываются. И не случайно. Во-первых, показания гласят: «Но это было уже не простое опьянение». Кто из «писателей», любому понятно зачем, вписывает от себя

«обычное»? Дальше идет: «Он был страшно взвинчен». Кто и зачем приписывает Сахарову слова о моей якобы истерике? Следующих дальше слов «Я стал…» вообще нет в протоколе. А есть — «19-го я подлечил его, к обеду он был готов ехать и мы уехали на Пушкинскую» (т. 59, л. д. 16).

Кроме того, писатели от прокуратуры молчат, что, прочитав запись следователя, врач Д. Сахаров, не один день проведший в госпиталях действующей 40-й армии в Афганистане, собственноручно дописал: «Хочу дополнить, что пациент 19.08.91 днем принимал рудотель и транксен. Прием алкоголя мог усугубить состояние». Вот так с действительностью у наших писателей от прокуратуры. И приведенный выше пассаж — это не единственный пример. Далее (стр. 132) они заявляют о том, что после вечернего разговора с Д.Т. Язовым по телефону «дальнейшему участию премьер-министра в заговоре помешал тяжелый запой». Между тем в деле лежит официальная справка Кунцевской больницы о моем состоянии здоровья, где при детальнейшем изложении заболеваний об алкоголизме нет даже намека. Кстати, в упоминаемых показаниях Д. Сахарова на вопрос следователя врач также прямо отвечает, что алкоголиком В.С. Павлов не был. Зачем же тогда и кому понадобилось столь беспардонно пытаться замарать мое имя, прибегая к явной подтасовке фактов и их искажению?

От В. Степанкова и Е. Лисова ответа по существу мне добиться почти ни разу не удалось, а уж там, где явная ложь, да еще публичная, чего же ожидать. Пришлось мне по этим вопросам отдельно, не ожидая окончания суда по всему делу, обратиться в гражданский суд с иском об оскорблении чести и достоинства. Суд — не арестованный В.С. Павлов, бывший премьер-министр СССР, которого В. Степанков и Е. Лисов уже, видно, списали, ему, мол, никогда «не подняться», и потому, очевидно в погоне за гонорарами, как писатели, позволяют себе вещать «о тяжелом запое», а в обвинительном заключении на стр. 124, т. 4, один подписывает, другой утверждает написанное: «после чего, в силу развития гипертонического кризиса, вплоть до провала заговора находился на постельном режиме». Куда дальше, господа законники…

* * *

Так чем же закончилось заседание 19 августа? По версии следствия — ничем, призывы и требования премьера не получили завершения и оформления. И вновь неправда. В деле лежат

документы и показания свидетелей, подтверждающие факт принятия решения и доведения его до исполнителей на местах. Правда, раз факт противоречит написанному в прокуратуре обвинению, то он вроде бы и есть, но для прокуратуры его как бы и нет. А ведь речь идет о том, что хотя Кабинет формально не собирался больше и его решения не оформлялись, но Премьер-министр СССР свое решение принял: продиктовал по телефону заведующему Секретариатом В. Бацанову телеграмму министерствам и ведомствам и приказал довести ее немедленно до министров, а им собственно до предприятий для исполнения. Вот она: «В.С. Павлов поручает Вам связаться с руководителями подведомственных Вам предприятий и информировать их о том, что Правительство, как исполнительная власть, и другие союзные органы управления продолжают работать и выполнять возложенные на них функции.

ГКЧП в СССР намерен, как известно, обратиться за подтверждением полномочий к ВС СССР, который соберется 26.VIII с. г. и будет решать возникающие вопросы. Наша главная задача — обеспечивать нормальный ход производственного процесса и выполнения имеющихся заданий» (т. 57, л. д. 185).

В деле есть не только телеграмма, передававшаяся из Кабинета Министров СССР, но и экземпляры, изъятые в министерствах и на предприятиях, то есть полученные и принятые ими. Так что не только знали о существовании этого решения в прокуратуре, но и проверяли его подлинность и факт поступления даже по предприятиям. Но эта «деталька» не потребовалась — не та была задача, не тот заказ у следствия…

После окончания заседания Кабинета Министров СССР я прошел к себе в кабинет вместе с В. Щербаковым, где мы примерно час обсуждали сложившуюся ситуацию. К тому времени у меня уже были не подозрения, а твердая уверенность, что нас расчетливо предали, и притом заранее. Главное в тот момент было постараться найти пути сберечь структуры и кадры, преданные единству страны, ее федеративному устройству и национальным интересам. Не случайно первый удар М. Горбачева был направлен именно против меня, как Премьер-министра СССР. Его указ от 22 августа 1991 года об освобождении меня от должности незаконен как по юридической процедуре, поскольку Верховный Совет дал свое согласие на такое действо лишь 25 августа 1991 года, — так и «в связи с возбуждением Прокуратурой СССР уголовного дела за участие в антиконституционном заговоре». В действительности же не было вплоть до 28 августа против меня лично такого дела, а Прокуратура СССР вообще его никогда так и не возбуждала.

Тем самым М. Горбачев своим указом дал прямую директиву прокуратуре, какое дело и против кого возбуждать. Факт, прямо скажем, беспрецедентный для так называемых строителей правового общества и гуманистов, приверженных общечеловеческим ценностям. Вот потому-то следствие, понимая всю абсурдность обвинения в измене Родине в отношении всех нас вместе и каждого в отдельности, так и не могло отойти от заданной линии вплоть до отставки М. Горбачева с поста президента и развала СССР при его участии и благословении.

Позже Горбачев критиковал Ельцина, Кравчука, Шушкевича за Беловежскую Пущу, пытался возложить на ГКЧП ответственность за развал страны. 13 августа 1992 года на допросе он вещал: «Срыв его подписания (Договора, о сути которого смотри ранее) в результате заговора прямо обусловил те процессы дезинтеграции, которые в конечном счете привели к распаду Союза ССР. Это одно из самых тяжелых последствий августовских событий. Я высказываю свое субъективное мнение, оно изложено в «Заявлении Президента СССР и высших руководителей союзных республик», подписанном наряду со мной руководителями десяти республик» (т. 130, л. д. 146).

И вновь ложь. Притом настолько грубая, легко изобличаемая, что закрадывается невольное подозрение… Ну не считает нужным человек, считающий себя недосягаемым для других людей интеллектуалом, заглядывать в документы, прежде чем на них ссылаться. Но ведь были помощники. Целый Фонд сидел, да и «демократические» собратья были недалече. Ведь так называемый допрос не только шел в помещении Фонда, но и печатался там. Следовательно, было время спросить, проверить, прежде чем подписывать, даже если в тот же день.

Ведь в Заявлении, на которое ссылается Горбачев, дословно написано следующее: «Мы констатируем, что срыв заговора, победа демократических сил нанесли серьезный удар по реакционным силам и всему тому, что сдерживало процесс демократических преобразований. Тем самым создан исторический шанс для ускорения коренных преобразований, обновления страны». Вот ведь незадача — оказывается, констатировали, что «процесс пошел», именно тот, которому мешали, который сдерживали члены ГКЧП и их единомышленники. И если потом М. Горбачев «прозрел», что это были «процессы дезинтеграции», так кто же тогда, как не он, их создатель и вдохновитель.

А что касается срыва подписания Договора, то далее в Заявлении говорится: «В этих условиях (когда, наконец, создан «исторический шанс». — В.П.) законно избранные высшие

руководители страны в лице Президента СССР, президентов и председателей Верховных Советов республик в целях недопущения дальнейшего распада структур власти и до создания новой политической, государственной системы отношений… согласились с необходимостью: 1) подготовить и подписать всеми желающими республиками Договор о Союзе суверенных государств, в котором каждая из них сможет самостоятельно определить форму своего участия в Союзе» (т. 130, л. д. 148).

* * *

Вот так Горбачев писал тогда. Кто же тогда, кроме Горбачева, виновен в том, что он не захотел (или ему не позволили) опереться на те руки, которые могли не допустить «распада структур власти». Чего же удивляться, что желающих сберечь такого политика, даже как свадебного генерала ССГ и СНГ, не нашлось. Единожды предавший, кто же тебе поверит…

А ведь Горбачев предавал не раз и не одного. То, что известно мне и написано в этой книге, лишь малая часть истории подлинной жизни и деятельности М. Горбачева. Ведь молчат пока такие люди, которым есть что сказать о Горбачеве в значительно большем объеме и в более неприглядном, конечно с точки зрения порядочного человека, свете. Но они же не будут молчать всегда. А Горбачев своим бесконечным, неудержимым потоком лжи сам дергает за усы спящего тигра. Но пусть не забывает — спящий еще не значит убитый.

По ст. 64 «а» УК РСФСР «Измена Родине» Горбачева уже осудил народный трибунал. А ведь недалеко уже и до народного суда…

Николай Рыжков
Кто стоял за спиной Горбачева

2 ноября 1987 года состоялось торжественное собрание, посвященное 70-летию Октября. С докладом выступил ДО. Горбачев. Он заявил: «КПСС не сомневается в будущем коммунистического движения — носителя альтернативы капитализму… Мы идем к новому миру — миру коммунизма. С этого пути мы не свернем никогда!»

Через четыре года после этих произнесенных под бурные овации слов не стало ни Советского Союза, ни социализма и тем более — коммунизма, к чему призывал Генсек. Диву даешься его цинизму: через несколько лет он заявит, что всю свою сознательную жизнь мечтал коммунизм похоронить…

Увы, в своей беспринципности и продажности он не одинок. Вот лишь один эпизод чуть более позднего времени — встреча в апреле 1993 г. Ельцина с «лучшими представителями творческой интеллигенции» в Бетховенском зале Большого театра. Чего только не насмотрелись и не наслушались телезрители! Выкрики: «Крепче!», «Круче с ними!», «Канделябрами их!» были самыми безобидными в устах впавших в экстаз «ведущих мастеров культуры». Их бешеная злоба, с одной стороны, и неприкрытое холуйство — с другой, вызвали чувство омерзения (и я знаю это из многих встреч с самыми разными людьми) у миллионов телезрителей. А ведь это был момент, когда можно и надо было стать самим собой. И они стали! Такого неприкрытого «холуяжа», как сказал патриарх-драматург, ныне покойный Виктор Сергеевич Розов, наше поколение уже и не помнит. Они духовно ограбили всех, кто им верил. Но еще раньше ограбили самих себя. Не буду перечислять когда-то уважаемые и любимые имена, а скажу лишь, что своим убогим политическим и нравственным обликом, так неожиданно проявившимся не только в тот день, но и вообще в новых условиях, многие из них зачеркнули в душах людей и свои прошлые творческие достижения.

Конечно, дело каждого выбирать свой путь, но если ты — «соль общества», то не имеешь права быть глухим к боли народа, к тяжкому недугу своей Отчизны. Увы, в теперешнем голосе политически активной части творческой интеллигенции эта тема не звучит. Но подлинная интеллигенция не приемлет ни лжи, ни тем более лизоблюдства. Она призвана говорить правду своему народу, в том числе правду о нем самом, думать о его духовном благополучии. А ведь Иисус Христос, на авторитет которого

теперь ссылаются и правые, и левые, говорил: «…бойтесь убивающих душу».

Пусть правильно поймут меня читатели: не все в те дни занимали такую позицию, и не все так мыслят сейчас. Но, к сожалению, их трезвые голоса тонут в хоре верноподданнических. Кстати, многие из нынешних носят звания «народных… СССР». Вот такой парадокс: все старое топчется, Советского Союза нет, интересы народа преданы — а от таких почетных званий никто не отказался.

К счастью, и среди «творческой интеллигенции» были, есть и будут люди с высокоразвитым чувством гражданского достоинства, независимости от политической конъюнктуры, стойкости убеждений. Одним из них был безвременно ушедший из жизни выдающийся деятель искусства, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, профессор Игорь Олегович Горбачев. С этим умнейшим человеком, патриотом до мозга костей у меня были продолжительные беседы. Он остро переживал возникший в стране нравственный раскол. По его, да и по мнению многих, многих других людей, сейчас у нас противостоят друг другу два способа существования: индивидуалистический, наиболее полно выразивший себя в капитализме, и выстраданный веками наш соборный, коллективистский подход к жизни, стремление народа к социальной справедливости. Именно к этим принципам тяготели формы взаимоотношений людей, созданные в результате Великой Октябрьской социалистической революции, которая изменила экономические, политические, социальные и нравственные основы общества. На этой базе выросла новая общность людей — советский народ.

Подчеркну, что, на мой взгляд, именно идея социальной справедливости была и остается наиглавнейшей русской духовной традицией. Сегодня она, как и многие другие лучшие качества советского человека, не в чести у тех, кто формирует нравственный климат в обществе.

Я согласен с Игорем Олеговичем и в том, что нельзя терять веру в наше будущее: все наносное, чуждое национальному стереотипу, не будет долговечным, а все то, что имеет глубокие исторические корни, в итоге обязательно победит. Если народам навязываются схемы, противоречащие национальному естеству, возможна только катастрофа.

* * *

Два с половиной десятилетия мы живем в вихре социальных потрясений. За эти годы не стало нашего единого государства, изменился общественный строй. Страна потеряла статус великой державы, занимавшей особое положение в мире. Заметно оскудела духовная жизнь народа, люди все больше и больше отходят от вековых традиций и отечественной корневой культуры, мы теряем присущее нам своеобразие в укладе жизни, во многом бездумно идя на поводу у современной идеологии и практики так называемой глобализации.

Решающее значение в проникновении в культуру России западных начал (языковых, жизненных стандартов, бытовых навыков и т. д.) в наше время имеют средства массовой информации. Возможно, мы еще недооцениваем их роль в условиях XXI века. Американцы же, стремясь к уничтожению самобытной русской, а точнее — российской цивилизации, не скрывают своих целей и методов их достижения. В одном из американских журналов в 90-х годах было прямо сказано: «Центральной задачей внешней политики США в век информации должна стать победа в борьбе за мировые потоки информации. Мы должны доминировать в них, как Великобритания некогда правила морями». И далее: «Лучшая культура — американская, потому что она представляет собой модель здорового отсутствия культурного багажа». Вот к чему нас ведут, пока мы, в отличие, скажем, от Франции и ряда других европейских стран, извините за грубоватость, хлопаем ушами и не контролируем, не противостоим должным образом американской агрессии в языке, в искусстве, во всех сферах национальной культуры…

Объявив переход к гласности, свободе слова, всесторонней демократизации, политически беспомощный Горбачев (или это было просто предательством с его стороны?) и ЦК партии практически ничего не противопоставили зачастую клеветнической кампании, широко развернутой «демократами» против КПСС, стоявшей во главе страны семь (и каких!) десятилетий. Идеологическая «машина» партии оказалась абсолютно неработоспособной в условиях реального наступления противников СССР и социализма.

Призывы к честной, открытой политике сопровождались всяческими виляниями и откровенной ложью Горбачева (например, по поводу секретных протоколов к пакту «Риббентроп — Молотов» или «Катынского дела»), многочисленные лозунги и программы оказывались пустышками, не подкрепленными ресурсами и должной организационной работой. Горбачев был не способен понять, что в политике невыполненное обещание представляет собой только разрушительную силу.

Все это, вместе взятое, предопределило массовое разочарование в перестройке, партии, Горбачеве и, соответственно, усиление позиций их противников.

Последние связывали себя в идеологическом плане с диссидентами. Диссидентское движение, возникшее в начале 60-х годов, в основном занималось правозащитной деятельностью, не шло на сотрудничество с властями и отказывалось от применения силы. Оно было малочисленным, раздробленным и слабо организованным, но привлекало внимание Запада и пользовалось поддержкой небольшой части отечественной интеллигенции. Для них важен был сам факт, что в Советском Союзе существуют оппозиционные круги, которые могут при определенных условиях приобрести какой-то политический вес.

Старшее поколение помнит судебные процессы над диссидентами. Сведения о таких процессах доходили до части населения (в основном — интеллигенции, особенно так называемой творческой) главным образом из радиопередач всевозможных зарубежных «голосов» с характерной для них смесью правды и небылиц.

Но вот в декабре 1986 года было принято политическое решение отказаться от уголовного преследования оппозиции. Из лагерей и тюрем начали выходить бывшие диссиденты. Однако их движение практически не восстановилось. Многие устали от «борьбы за права человека», а другие, получив известность на Западе, предпочли спокойную жизнь за рубежом. Парадоксально, но факт, что точку в истории диссидентского движения поставило именно тогда, в 1986 году, прекращение их преследования.

В это время в стране начали быстро возникать многочисленные общественные структуры, членов которых стали называть неформалами. Общих принципов у этих организаций практически не было. В их среде оказались демократы и патриоты, анархисты и монархисты, коммунисты, социал-демократы, либерал-консерваторы и т. п. Многие группы формировались не по идеологическим принципам, а по направлениям деятельности — экология, защита памятников и т. д. В отличие от диссидентов, неформалы спокойно относились к взаимодействию с властями, вхождению в государственные и другие официальные структуры (профсоюз, комсомол и т. д.). Но вскоре деятельность многих неформалов стала приобретать все более политизированный, а затем и просто политический характер. Участники неформальных объединений своеобразно «играли в большую политику», набирались опыта и вскоре научились выводить на улицу многочисленные толпы народа.

Внутренние дискуссии оттачивали мастерство

оппозиционных деятелей и воспитали будущих политиков, журналистов, общественных активистов. В 90-е годы некоторые из них стали руководителями общественных организаций, свежеиспеченных политических институтов, средств массовой информации. Этих людей и сегодня можно видеть на экранах телевизоров, на различных политических «тусовках». Они и сейчас учат народ, как ему жить в условиях демократических перемен, за которые они, во многом наивно, ратовали двадцать лет назад. В те далекие годы они называли себя основой будущего гражданского общества, а сейчас со скорбными лицами заявляют, что мы от него стали еще дальше, чем в дни их юности.

* * *

Чтобы показать картину происходившего в этой сфере общественной жизни, приведу два-три примера.

В феврале 1987 года на базе Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ) был создан клуб «Перестройка». В его работе приняли участие сотрудники ЦЭМИ, в том числе экономист (тогда еще коммунист) Е. Гайдар и др. Сначала дискуссии в «Перестройке» были публичным продолжением академических споров. Но, как и следовало ожидать, в этих рамках они не удержались. Не случайно, что ЦЭМИ с его клубом в дальнейшем стал одним из инициаторов радикальных экономических реформ, а активный его член — Е. Гайдар принимал участие в разрушении страны вместе с Ельциным в Беловежской Пуще и впоследствии исполнял обязанности главы Правительства России. С января 1992 года он, с благословения того же Ельцина, начал радикальные экономические реформы, которые на много лет отбросили страну назад, а большую часть населения — в бедность и просто в нищету.

В августе 1987 года возникла группа «Мемориал». Основной ее целью было увековечение памяти жертв сталинских репрессий. Одна часть группы считала необходимым выходить на улицы со своими лозунгами, вторая же предпочитала сбор подписей на мероприятиях определенной части интеллигенции. Подписантами обращений стали известные деятели — Б. Окуджава, Е. Евтушенко, А. Приставкин и др. На деятельность «Мемориала» обратили благосклонное внимание «архитекторы» и идеологи перестройки — А. Яковлев и др.

«Мемориал» принимал активное участие в выборах 1989 года, в организации митингов и других мероприятий демократического

движения. Многие вышеупомянутые лица пришли затем в демократические движения различного толка.

В 1983 году было организовано историко-литературное патриотическое объединение «Память». Эта организация вызывала отторжение со стороны других неформалов своими ксенофобскими лозунгами — борьба с «сио-но-массонским заговором» в КПСС и во всем мире. После прихода в конце 1985 года к руководству объединения Д. Васильева эта организация стала сильно радикализироваться. Опираясь на пресловутые «Протоколы сионских мудрецов», Васильев рисовал картину мировой борьбы между сионизмом и патриотическими силами. Перестройку он трактовал как очищение партии и государства от «сионистской агентуры», поддерживал борьбу с «алкоголизацией» страны.

В мае 1987 года «Память» провела в Москве первую несанкционированную демонстрацию, приобретя при этом всесоюзную известность. Поводом для ее проведения стало разрушение одного из символов Москвы — Поклонной горы, где в то время развернулись работы по созданию памятника Победы. Колонны демонстрантов в несколько сотен человек с Манежной площади двинулись по улице Горького к Моссовету. Во главе колонны развевался красный флаг. В демонстрации принял участие Первый секретарь компартии в Москве Б. Ельцин. Он заверял собравшихся, что скоро положение изменится и больше не будет разрушения памятников истории и культуры.

Полагаю, что организация Д. Васильева принесла не меньше вреда нашей стране, чем другие политические и общественные неформалы того времени. Если те подтачивали основы общественного строя и государства, то «Память», делая заявления, будто поддерживает перестройку, своими лозунгами и действиями фактически отталкивала от нее часть народа.

Как уже говорилось, неформалы не были идеологически едиными. В их среде были сильны, в частности, социалистические тенденции. Но победили и возглавили третью волну общественного движения те, кто присвоил себе наименование «демократы». Эти быстро избавились от некоторых «предрассудков» неформалов, особенно от ненасильственного характера деятельности, использовали любые, вплоть до самых грязных, средства в политической борьбе с целью разрушения СССР и его общественного строя и закончили тем, что значительной своей частью поддержали расстрел Верховного Совета Российской Федерации в 1993 году. Впрочем, к тому времени, уже после уничтожения СССР, «демократы» перекрасились в «либералов» и навязали обществу ту программу

его развития, а точнее — всесторонней деградации, которую в народе справедливо связывают с именами Ельцина, Гайдара и К0.

* * *

«Архитекторы», «прорабы» и прочие идеологи и организаторы перестройки прекрасно понимали, что коренные экономические и политические преобразования в стране возможны лишь при их поддержке большей или хотя бы значительной частью общества. Однако к восьмидесятым годам, уже в далеком героическом и славном прошлом осталось то время, когда партия напрямую действительно опиралась на рабочий класс и крестьянство и вместе с ними составляла, можно сказать, грозную силу. Постепенно эта связь становилась все более формальной и односторонней — сверху, от партии к массам и намного, намного слабее — снизу, от масс к партии. К тому же мощное воздействие на формирование духовной жизни общества стали оказывать бурно развивавшиеся средства массовой информации, в первую очередь телевидение и радио, а также ежедневные газеты и еженедельники, «тонкие» и «толстые» журналы. Ну а кто там работал и определял их позиции? Естественно, люди интеллектуального труда. Так интеллигенция оказалась на авансцене политической жизни, и от нее в огромной, а вскоре и в решающей мере стал зависеть климат в духовной жизни народа, общественное сознание и гражданское, политическое поведение широких кругов населения.

Получить поддержку перестройки со стороны интеллигенции можно было, только обеспечив в стране реальную свободу слова.

Руководство страны, в том числе и пишущий эти строки, были за такой поворот в жизни общества — в сторону его открытости как внутри государства, так и внешнему миру. Для многих из нас было очевидно, что с учетом нашей сложнейшей истории делать это нужно весьма осторожно и взвешенно, дабы не раскачать государственный корабль. Каким бы он ни был, но это был наш корабль, на котором мы все плыли со своими радостями и невзгодами, и подвергать опасности его даже во имя прекрасного будущего, отправив на дно вместе с пассажирами, было недопустимо.

Провозглашенная гласность, ослабление, а затем и полная отмена цензуры, «плюрализм мнений» немедленно сказались на всплеске прежде всего политико-идеологических публикаций. Резко выросли тиражи «толстых» журналов. К примеру, «Новый мир» достиг полуторамил-лионного тиража. К сведению, в

нынешнее «демократическое» время, свободное от официальной цензуры, тираж этого журнала в 2005 году был всего 8 тыс. экземпляров.

Помню, как в те годы Правительство страны лихорадочно искало возможность увеличить объем бумаги для журналов и газет. Пришлось резко повысить поставки бумаги из Финляндии и других стран. Считая линию на свободу выражения мнений правильной, мы делали все, чтобы печатным органам было на чем публиковать свои, в том числе и антиправительственные, статьи. Сейчас, насколько я информирован, такой проблемы нет. Есть деньги — покупай бумагу и печатай, нет — закрывайся, но к правительству не смей даже обращаться: отношения-то рыночные…

В 1986 году произошла смена руководства ряда центральных изданий. Во главе их были поставлены либерально-коммунистические «шестидесятники». Особенно отличались в критике прошлого и «застойных чиновников» настоящего газета «Московские новости» во главе с Е. Яковлевым и журнал «Огонек» во главе с В. Коротичем.

Мне вспоминается история его назначения на пост главного редактора «Огонька». До того он работал и жил на Украине. Во время обсуждения этой кандидатуры некоторые товарищи, хорошо знавшие Коротича, возражали против его перевода в Москву. Но все решил Е. Лигачев, который со свойственным ему напором добился назначения своего протеже, считая, что тот будет хорошим «перестройщиком». Егора Кузьмича можно было понять. У меня в домашней библиотеке хранится книга «Лицо ненависти» будущего главного редактора журнала. Посвященная его поездке по США, она бичевала американский расизм.

Впоследствии, в постсоветское время, он в течение многих лет там работал и жил (а по существу скрывался), но знали ли студенты и преподаватели учебного заведения, где он преподавал, что писал этот профессор об их стране раньше? Вряд ли! А вот Лигачев и другие его соратники читали этот опус, и, безусловно, он повлиял на назначение Коротича главным редактором журнала. Ну это так, к слову, просто один из примеров гибкости ума и совести многих из наших «интеллигентов».

Думаю, что это было время расцвета гласности. Появилось много новых «смелых» фильмов, пьес, книг и т. д. Но постепенное расширение сфер, доступных для публичного обсуждения, продвижение к свободе слова, получившее наименование «гласность» (это слово вошло во все словари мира без перевода), очень скоро превратились в шквал информации, в том числе

недостоверной и просто высосанной из пальца, все более откровенно направленной против существовавшего общественного и государственного строя.

За несколько лет свобода слова, вместо того чтобы находить конструктивные подходы к лечению болезней общества, была использована для того, чтобы его уничтожить.

Сегодня многие, особенно так называемые демократы, напрочь «забыли», что впервые о насущной необходимости политических реформ заявила именно КПСС на 19-й партийной конференции.

Первый вопрос на конференции, как всегда, был чисто экономическим: об итогах первой половины двенадцатой пятилетки, о дальнейших задачах партийных организаций в связи с этим. Второй же вопрос был посвящен дальнейшей демократизации жизни партии и общества. Докладывал по обоим вопросам Горбачев. И произнес он верные слова: «Сегодня надо иметь мужество признать: если политическая система останется неподвижной, без изменений, то мы не справимся с задачами перестройки».

Далее он перечислил семь принципов политической реформы, как некогда тоже семь постулатов самой перестройки, которые он огласил на Пленуме ЦК в январе 1987 года. Однако на партконференции при этом не ставилась одна из коренных для любой демократии задач — уравновесить, наконец, в стране три ветви власти: законодательную, исполнительную и судебную. Крен откровенно делался в сторону первой из них.

Прежде чем Генеральному выступить на конференции, его доклад традиционно обсуждался на Политбюро. Я опять не смолчал, сказал примерно так:

— В том, что я прочитал, вижу явную тенденцию к ослаблению исполнительной власти. Это недопустимо! Давайте четко разделим функции между тремя классическими ветвями власти. Давайте четко определим границы сфер деятельности каждой из них. И даже если отдать всю — подчеркиваю: именно всю! — власть Советам, что является, на мой взгляд, неправильным, справятся ли они с нею? Сомневаюсь. А не справятся — государство может потерять управляемость…

Как вы думаете, что мне поставили в упрек? Как всегда: я защищаю Совет Министров и не понимаю требований времени. Тогда я высказал моим оппонентам все, что думаю про эти пресловутые «требования», которые вновь и вновь входят в противоречие с основным классическим разделением ветвей власти и элементарным здравым смыслом. Разговор получился резкий, и я остался, как часто случалось в Политбюро, увы, в

меньшинстве. Генеральный понимал, что по-настоящему идея работающих Советов обретет в народе невероятную популярность, а мелкие, на его взгляд, подробности можно продумать по ходу дела.

Рассказывая здесь о своей позиции в отношении намеченного полновластия Советов, должен подчеркнуть: я ни в коей мере не возражал против наделения их реальной властью, но считал и считаю, что это надо делать в четко определенных законом рамках. Еще будучи генеральным директором Уралмаша, я был избран в Верховный Совет СССР. За годы своего депутатства достаточно отчетливо понял, что истинная роль парламента куда скромнее той, что провозглашалась в советской Конституции. В подобном положении находились и нижестоящие Советы.

Эту ситуацию действительно надо было менять коренным образом, но не шарахаясь, как у нас часто бывало, из одной крайности в другую. Я не мог смириться с тем, что Горбачев, освобождая партию от не свойственных ее природе как общественной организации функций, явно думал не столько о нормализации соотношения между ветвями власти и, следовательно, об эффективности управления государством, сколько о том, чтобы просто перенести свое кресло со Старой площади в Кремль, сохраняя за собой фактически все прежние полномочия и меняя лишь вывески, но не суть дела. Вот это и было главной целью реанимации (при коренном изменении его исторического смысла, конечно) ленинского лозунга 70-летней давности — «Вся власть Советам!».

Отдавая полноту власти Советам, говоря о том, что партия должна уйти от управленческих функций, остаться только политической силой, Генеральный в своем докладе вовсе не умалял ее авангардной роли. Напротив, подчеркивал, что «без направляющей деятельности партии… задач перестройки не решить». Более того, высказывал убеждение, что необходимо рекомендовать на посты председателей Советов первых секретарей соответствующих партийных комитетов.

Кстати, именно эта позиция и вызвала на конференции немало возражений. Люди понимали, что в такой форме уход партии от практического, повседневного руководства всеми сторонами жизни, в том числе и хозяйственной, станет, по сути, формальным. Иными словами, Советы будут исподволь, не явно, но по-прежнему жестко и уверенно управляться партийными органами. Мне трудно утверждать точно, была ли эта позиция придумана специально для Горбачева, чтобы он мог возглавить будущий Верховный Совет и при этом остаться Генеральным секретарем ЦК КПСС. Не знаю, никто никогда по этому вопросу со

мной не советовался. Думаю, что в основе этого предложения формально лежал тезис о необходимости сохранения партийного влияния на экономику, а на самом деле главной целью было совмещение должностей Генсека и Председателя нового Верховного Совета, которому и отводилась, как уже сказано, «вся власть».

«Теория» вопроса была продумана. Практически вся структура будущего Съезда народных депутатов, Верховного Совета СССР и система выборов депутатов были представлены конференции и обсуждены на ней. Конференцию торопили события: весной 89-го, меньше чем через год, заканчивались полномочия Верховного Совета СССР.

К проблеме передачи всей власти Советам мы еще вернемся, подойдем к ней, так сказать, с другой стороны, а пока я не могу не отметить и еще одну сторону работы конференции: в череде громких выступлений, поддерживавших перестройку и лично Горбачева, прозвучали тревожные, критические нотки. Наиболее ярким и выражавшим большую обеспокоенность происходившим было выступление выдающегося писателя-фронтовика Юрия Бондарева. Я полагаю, что пройдет время и историки периода перестройки полностью опубликуют эту речь. А сейчас мне хотелось бы тезисно и с некоторыми выдержками передать суть его выступления. Оно было по-писательски образно. К примеру, говоря о разрушительных процессах, рожденных перестройкой, он сравнивает их с разрушенной библейской Вавилонской башней как символом несостоявшегося братства не понявших друг друга людей: «Нам не нужно, чтобы мы, разрушая свое прошлое, тем самым добивали бы свое будущее. Мы против того, чтобы наш разум стал подвалом сознания, а сомнения — страстью».

Недвусмысленно было сказано и о расплывчатых целях перестройки: «Если апрель — месяц весны и ожидания — принес осознание необходимости действия, то сейчас настала пора осмысления каждым исторической логики непреложных законов развития.

Можно ли сравнить нашу перестройку с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка? При всей дискуссионности, спорах о демократии, о расширении гласности, разгребании мусорных ям мы непобедимы только в единственном варианте, когда есть согласие в нравственной цели перестройки, то есть перестройка ради материального блага и духовного объединения всех. Только согласие построит посадочную площадку в пункте назначения. Только согласие».

С особым беспокойством и болью он говорил о

нравственности, об ответственности писателей, журналистов, средств массовой информации за духовную жизнь общества:

> «Безнравственность печати не может учить нравственности. Аморализм в идеологии несет разврат духа. Пожалуй, не все в кабинетах главных редакторов газет и журналов полностью осознают или не хотят осознавать, что гласность и демократия — это высокая моральная и гражданская дисциплина, а не произвол, по философии Ивана Карамазова (аплодисменты), что революционные чувства перестройки — происхождения из нравственных убеждений, а не из яда, выдаваемого за оздоровляющие средства…
>
> Та наша печать, что разрушает, унижает, сваливает в отхожие ямы прожитое и прошлое, наши национальные святыни, жертвы народов в Отечественную войну, традиции культуры, то есть стирает из сознания людей память, веру и надежду, — эта печать воздвигает уродливый памятник нашему недомыслию, Герострата мысли, чистого чувства, совести, о чем история идеологии будет вспоминать со стыдом и проклятиями…»

К сожалению, полные тревоги мысли Юрия Васильевича Бондарева были подтверждены ходом событий, кончиной перестройки в 1990–1991 годах, и реалиями жизни «суверенной» России. Художник-мыслитель значительно раньше политиков понял происходящие в то время процессы в обществе и смог заглянуть далеко вперед. Пожалуй, его выступление и стало самым тревожным колоколом, прозвучавшим через три года после рождения перестройки, на ее переломе, когда разрушительные тенденции и формирующие их силы стали все больше преобладать над созидательными.

По окончании конференции в аппаратах ЦК и Верховного Совета развернулась спешная работа по подготовке Закона о выборах и внесению изменений в Конституцию СССР. Первые изменения в Закон были внесены именно в связи с системой Советов. К сожалению, дело на этом не остановилось. Стоило только начать перекраивать Конституцию, как этот «творческий процесс» стал неуправляемым. С ней поступали как с черновой тетрадкой. Ее черкали как ни попадя, а в итоге похоронили.

Разумеется, я вовсе не против конкретных изменений, которые продиктованы жизнью, ее развитием, да еще когда они, эти изменения, пойдут на благо страны. Я лишь против спринтерской поспешности, с которой тогда взялись за дело,

против неуважения к Основному Закону, которое, естественно, порождает такое же отношение и ко всем другим законам.

Возьмите Конституцию США. Она была принята, как известно, в 1787 году. За двести лет в нее было внесено только 26 поправок! Что касается царской России, то она Конституции не имела. Были так называемые Основные государственные законы, в которые революция 1905 года внесла лишь некоторые статьи буржуазно-демократического порядка.

За 70 лет Советской власти были приняты четыре Конституции — в 1918, 1924, 1936 и 1977 годах, они имели и соответствующие названия — ленинская, сталинская (это название широко использовалось в официальной пропаганде) и брежневская. В 1988 году началась обвальная и бесцеремонная перекройка последней из них. Изменения коснулись половины статей. Но с этими поправками страна прожила всего год. В 1990 году Конституция менялась уже дважды. Вначале — для введения президентства и новых государственных органов: Президентского совета и Совета Федерации. В конце — для ликвидации Совета Министров СССР как главной исполнительной и распорядительной государственной власти и устранения Президентского совета, введения должности вице-президента и т. д. Подобная же участь постигла Конституцию в 1991 году, в декабре которого она и вовсе ушла в Историю. Такое легкое отношение к Основному закону государства хорошо выразил один небезызвестный народный депутат, сказав, что мы относимся к Конституции как к уличной девке.

Еще более бесцеремонно и цинично поступили с российской Конституцией. Сначала ею всячески манипулировали, а вскоре просто растоптали. Впрочем, ступив на путь кощунства, как и предательства, остановиться уже невозможно. Такой образ мыслей и действий становится нормой. Б. Ельцин 10 июля 1991 года, вступая в должность Президента РСФСР, поклялся, держа руку на Конституции, соблюдать ее и другие законы России, а затем на глазах страны и всего мира вытер о них ноги и, расстреляв в 1993 году парламент, навязал обществу свою, под него писанную Конституцию. Быстро состряпанный ее проект был поставлен на референдум. Но до сих пор идут споры, сколько процентов населения проголосовало за нее и принята ли она, строго говоря, вообще?..

Даже во времена Сталина обсуждение проекта Конституции проводилось почти полгода, в результате, чего поступило около двух миллионов различных дополнений и поправок. Активно обсуждало население страны и Конституцию 1977 года. Ну а тогда, в 1988 году, как проходила законотворческая работа? Мы

получали документы чаще всего вечером, накануне утренних заседаний Политбюро. Иной раз не только посоветоваться — прочесть их внимательно времени не хватало. Помню, возникали сомнения, а иногда и мучительные вопросы.

Во-первых, я не очень понимал, зачем нужен Съезд народных депутатов. В своем докладе на конференции генсек туманно объяснил его необходимость тем, что в этом новообразовании «будет сильно и прямо выражено общественное начало». Очень хочется скаламбурить и добавить — «общественный конец». Но дело здесь не в проблемах трибунного словотворчества, а в сути. Горбачев попросту перефразировал ленинскую идею Съезда как «широкого народного собрания», иными словами — некоего народного схода, на котором можно вольготно наговориться. А все конкретные дела все равно станут решаться на заседаниях Верховного Совета. Так и вышло.

Малопонятным было и то, почему депутатов именно 2250 человек? Откуда такая странная «некруглая» цифра? Если уж «широкое народное собрание», то логичнее — 5000, хотя бы потому, что в Кремлевском Дворце съездов, где намечалось проводить Съезд, именно столько мест…

* * *

Первый Съезд первых демократически избранных народных депутатов, как известно, открылся в Кремлевском Дворце съездов 25 мая 1989 года в 10 часов утра-Сегодня нет Советского Союза, нет Съезда и Верховного Совета СССР. Избранники народа спрятали в ящики свои депутатские значки — внучатам на память. Но всем полезно бы помнить, что роспуск Съезда и Верховного Совета СССР был первым звонком в череде «демократических» извращений власти в России после августа 91-го года. И сделал это Верховный Совет РСФСР — тот самый, который всего через два года будет расстрелян из танковых пушек…

Два не очень веселых воспоминания о Съезде. Первое — нежелание поддержать вполне разумное, в духе общего демократического настроя предложение академика Сахарова выслушать платформы кандидатов на пост Председателя Верховного Совета СССР. Настрой остался настроем, но предложение не прошло. Поскольку, как вскоре выяснилось, кандидат был всего один, и он предпочел сначала быть избранным, а уж потом выступить с докладом. И хотя еще до выборов с трибуны Дворца съездов прозвучали сомнения в

целесообразности совмещения двух постов, депутаты эти выступления не поддержали. Их можно было понять: в те дни альтернативы Горбачеву не видели. Известный писатель, авторитетный депутат Чингиз Айтматов и внес его кандидатуру на пост Председателя Верховного Совета СССР.

Выборы его на пост Председателя обещали быть чисто формальным актом, вот почему общий смех вызвало самовыдвижение на тот же пост депутата А. Оболенского. Никому не известный житель города Апатиты, сотрудник лаборатории полярного геофизического института, хочет помериться силами с самим автором Перестройки… Но в том-то и дело, что этот человек своим истинно гражданским поступком хотел всего лишь укрепить едва рожденную демократию. Напомню его слова: «Ведь я прекрасно понимаю, что шансов в борьбе с Михаилом Сергеевичем Горбачевым у меня никаких. Я хочу, чтобы в нашей истории, в нашей с вами практике возник прецедент проведения выборов. Путь это и не совсем альтернативная основа, но это — выборы».

Он даже не попал в бюллетень для голосования. Мы, депутаты, не захотели или, точнее, еще не сумели понять, что однажды рожденная и объявившая об этом событии демократия требует ежечасного, ежеминутного, ежесекундного подтверждения собственного существования. Даже в мелочах. Тем более в мелочах! И коли говорить о неприятно резанувшем, так это то, что Горбачев счел за лучшее промолчать. Не пытаюсь угадывать мотивы его молчания, но думаю, он тоже не смог правильно оценить смысл поступка Оболенского.

И второе — попытка народного депутата из Свердловска Г. Бурбулиса угодить своему земляку-соратнику Б. Ельцину, внеся его кандидатуру на пост Председателя Верховного Совета СССР. Примечателен невнятный ответ Ельцина на это предложение:

«В связи с тем, что я со вчерашнего дня безработный, я мог бы, работая серьезно и признавая перестройку, согласиться на какое-то предложение. А сейчас я беру самоотвод».

Когда Ельцин пришел к власти, он не забыл услуг этого «без лести преданного» человека: назначил его государственным секретарем — на доныне непонятную и ненужную должность. Поистине, долг платежом красен.

Вот, пожалуй, и все о неприятном, так, булавочные уколы совести на фоне действительно памятных дней. Для меня тем более памятных: на заседании нового Верховного Совета СССР утром 7 июня, а потом и на заседании Съезда вечером того же дня меня назначили и утвердили в должности Председателя Совета Министров страны. Это было не формальное назначение. Долго я

стоял на трибуне в тот день, докладывал о программе предстоящей деятельности Правительства и отвечал на многочисленные вопросы.

Я стал первым и последним Председателем Правительства СССР, утвержденным именно Съездом. Не стоит думать, что это — пустяк, рутинный процесс. Все на том Съезде было первым. И первые ошибки, и первые радости. К слову, позднее, во время назначения Верховным Советом предложенных мной членов Правительства, депутаты в полную силу показали свой норов — строптивый и не слишком логичный.

* * *

По ходу работы Съезда все яснее становилось, что на нем происходит организационное оформление оппозиции, стали очевидными ее «кадровый состав», политическая направленность и методы борьбы за захват власти в стране и также изменение общественного строя. Расскажу об этом поконкретнее, потому что многое уже в памяти общества подернулось дымкой времени, а молодым людям не известно вообще.

Итак, одной из важнейших задач Съезда было формирование Съездом Верховного Совета СССР. По Конституции он состоял, как и прежде, из двух палат — Совета Союза и Совета Национальностей. Обсуждение этого вопроса было длительным и нудным — десятки выступающих по процедуре составления списков, квот от республик, порядка выдвижения, голосования и т. д. В конце концов все вопросы утрясли и поставили представленные списки на тайное голосование. В бюллетень по выборам в Совет Национальностей от РСФСР было внесено 12 кандидатур, включая Ельцина. За него проголосовало 1185 человек, против— 964. Все остальные кандидаты получили значительно меньше голосов «против». Особенность же голосования по РСФСР была в том, что при квоте для каждой республики в 11 человек у нее в списках кандидатов было 12. Таким образом, Ельцин в состав Верховного Совета не вошел.

Памятны события, происходившие при формировании Совета Союза. За таких народных депутатов, которые вели себя нахраписто, нарушая регламент, не покидали трибуну и не отходили от микрофонов в зале, критиковавших все и вся, голосование было еще более выразительным. Например, за академика Татьяну Ивановну Заславскую, автора «теории» неперспективных деревень, проголосовали «за» 591 человек, «против»— 1558. Илью Заславского поддержали 829 человек,

«против»— 1320. Позднее он «прославился» неблаговидными коммерческими махинациями в Москве на Калужской заставе, а затем сгинул с политического горизонта. Таким же образом «пролетели» на выборах в Верховный Совет Г. Попов, С. Станкевич — будущие неудачливые градоначальник и его заместитель по столице, Ю. Черниченко — известный публицист-аграрий, который критиковал наших селян и в то же время держал в кармане печать им созданной — правда, почти без ее членов — аграрной партии.

В общем, по итогам выборов в Верховный Совет можно сделать вывод, что большинство народных депутатов не поддерживали зарождавшуюся оппозицию, подспудно понимая или чувствуя, какую опасность она представляет для страны.

Через несколько дней народный депутат, уже избранный в Совет Национальностей, доцент кафедры трудового, экологического и сельскохозяйственного права Омского государственного университета А. Казанник обратился к Съезду с предложением вместо себя «включить без голосования в состав Совета Национальностей Бориса Николаевича Ельцина… Я опасаюсь, товарищи, что если назначат повторное голосование, то Бориса Николаевича опять «завалят», а это совершенно недопустимо».

Предложение было принято, и Ельцин таким странным образом стал членом Верховного Совета СССР и председателем комитета в нем. В благодарность за этот поступок, будучи Президентом России, он назначил А. Казанника генеральным прокурором страны. Но этот наивный и, по-видимому, порядочный человек все-таки разобрался, в какую компанию попал, и быстро вернулся в свой родной Омск.

На третий день работы Съезда, после поражения на выборах в Верховный Совет СССР активных ниспровергателей всего существующего в стране, слово взяли Ю. Афанасьев — ректор Московского государственного историко-архивного института и Г. Попов — главный редактор журнала «Вопросы экономики». В своих выступлениях они вошли в открытую конфронтацию с властью и большинством. Маски были сброшены!

В своей речи Афанасьев заявил, что Съезд сформировал сталинско-брежневский Верховный Совет, избрав в него депутатов низкой квалификации. Им было брошено в зал обвинение «агрессивно-послушному большинству», которое блокирует прогрессивные начинания на Съезде. Кстати, эта формулировка вошла в оборот у «демократов» в ходе работы всех Съездов народных депутатов СССР.

Другой будущий лидер оппозиции, Г. Попов, выразил свое

разочарование началом работы Съезда, обвинив в этом неразумное большинство депутатов, не признающих плюрализм мыслей и действующих под диктовку аппарата. Правда, было непонятно, о каком аппарате идет речь — государственном, партийном или парламентском. Поступало же так «неразумное большинство» Съезда, по мнению Гавриила Харитоновича, только для того, чтобы сформировать послушный воле аппарата Верховный Совет и продолжать оказывать давление на «прогрессивное крыло» руководства страны уже от имени Верховного Совета.

Поэтому, по его словам, остается подумать об изменении позиций. Во-первых, группа региональных московских депутатов от научных организаций, от творческих союзов считает необходимым выйти из общемосковской делегации. Он предлагал подумать о сформировании межрегиональной независимой депутатской группы и приглашал всех товарищей депутатов, чтобы они к этой группе присоединились.

* * *

Действительно, в конце июля 1989 года в Москве в Доме кино состоялось первое собрание Межрегиональной депутатской группы (МДГ). Были избраны сопредседатели группы — Афанасьев, Ельцин, Пальм, Попов, Сахаров. Собрание межрегиональщиков широко освещалось средствами массовой информации, особенно телевидением. Был создан Координационный совет, в который вошли такие депутаты, как Собчак, Травкин, Станкевич, Полторанин, Бурбулис и др. Депутаты от прибалтийских республик выразили желание, чтобы их членство в группе формально не фиксировалось.

Так оформилась легальная оппозиционная структура в нашей стране. Она объединила многих из оппозиционно настроенных депутатов, стала основной силой, организатором разрушительных процессов в конце 80-х годов, закончившихся распадом государства. Лидеры группы и Координационного совета года через два вошли во власть, возглавили Россию, Москву и Ленинград.

Вначале из тактических соображений, по-видимому, руководство группы продекларировало умеренные цели — оказывать воздействие на республиканские и местные органы власти. В их документах говорилось, что группа будет готовить поправки к документам Верховного Совета СССР и Съезда,

выдвигать новые проблемы, «не противопоставлять себя Верховному Совету, а, напротив, радикализовать сам Верховный Совет, чтобы он скорее начал в полной мере выражать то, что требует народ».

Прошло немного времени, и стало ясно, что МДГ как депутатская фракция не намерена была ограничивать себя рамками только парламентской деятельности. Она все больше и больше претендовала на особую роль в политической жизни страны. С первых же собраний группы было ясно, что она вступила в конфронтацию со Съездом народных депутатов, с Верховным Советом СССР, с местными органами власти и депутатами, которые не вошли в ее состав. Явно прослеживалось, что группа, объединяющая меньшинство депутатов, претендует на то, чтобы отражать мнение большинства народа и стать реальной силой, противостоящей «партократическим замашкам». На Втором съезде межрегиональщики заявили о принципиальном расхождении между ними и большинством депутатского корпуса. По поручению МДГ Афанасьев с трибуны Съезда сделал официальное заявление и назвал те разногласия, которые побудили группу перейти в оппозицию.

Практически сразу МДГ встала на антисоветские и антисоюзные (называя СССР «империей») позиции и начала поддерживать лидеров национальных сепаратистов.

Можно вычленить из всей шелухи их притязаний два главных требования, которые затем сыграли роковую роль в разрушении великой Державы. Это — отмена 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС и легализация забастовок. Группа выдвинула лозунг «Вся власть Советам!» с тем, чтобы подорвать гегемонию КПСС, а впоследствии объявила Советы прибежищем партократов и в октябре 1993 года ликвидировала их вообще.

Вскоре между руководителями Межрегиональной группы началась борьба за лидерство. Попытка Афанасьева встать «над группой» закончилась неудачей. Немаловажной причиной тому была его поездка в Японию, где он «подарил» ей наши острова, так называемые «северные территории». По этому поводу и сейчас ведутся сложные переговоры, в ходе которых нынешнее руководство России категорически не дает согласия на передачу островов Японии. А в то время позиция Афанасьева вызвала восторг правых сил и негодование практически всего народа.

Пик известности Ю. Афанасьева пришелся на момент его выступления на Первом съезде. В дальнейшем, хоть он и оставался сопредседателем МДГ, его общественная деятельность померкла, он увлекся заграничными поездками, интервью, представительством на различных политических тусовках. Да и

свои депутатские обязанности, насколько мне известно, стал выполнять спустя рукава. В общем, вместо работы он купался в лучах свалившейся на него славы.

До всех этих событий Афанасьев в течение многих лет руководил пионерской организацией страны, воспитывал детей в духе социализма, любви к нашей партии и государству. Вот такие люди с двойной моралью и положили начало предательствам в годы гласности и плюрализма.

В стенах руководимого Афанасьевым института учились дети известных партийных и государственных деятелей. Эти потомки затем с огромным удовольствием топтали то, что завоевали их родители. Кончилось все тем, что институт, с согласия его руководства и Министерства образования, за 100 миллионов долларов купил олигарх Невзлин, став во главе этого учебного учреждения, к которому не имел никакого отношения. Правда, его «руководство» длилось недолго…

Понимал ли Афанасьев, что именно так будут развиваться события в его институте, да и во всей стране? Судя по последним интервью, его постигло горькое разочарование.

Руководителям МДГ для расширения поставленных перед собой задач необходимо было создать работоспособную структуру. Не получив поддержки своей идеи создать собственную газету, они организовали на базе многотиражной газеты «Советский физик», издаваемой в Институте атомной энергии им. И.В. Курчатова, выпуск специальных номеров под названием «Народный депутат». При газете была создана редколлегия и образован фонд депутатских инициатив. Многочисленные группы экспертов и помощников стали, по существу, аппаратом МДГ.

Активность МДГ снизилась из-за внутренних противоречий, она не внесла конструктивного вклада в работу Первого Съезда, да и ко Второму (в декабре 1989 года) не сумела разработать реальную программу действий. Но она стала ядром, вокруг которого объединились всяческие оппозиционные силы, в январе 1990 года официально образовавшие радикальное движение «Демократическая Россия». В основу своей идеологии и деятельности оно открыто положило махровый антикоммунизм.

Интересные выводы о создании и деятельности МДГ делали в то время зарубежные средства массовой информации.

Канадская «Торонто стар» писала: «Создание группы свидетельствует о том, насколько глубок кризис внутри самой компартии и в процессе перестройки».

«Тайме оф Индиа» утверждала, что МДГ представляет собой «смесь анархистов, коммунистов, либералов, националистов и

социал-демократов… и все, что они говорили, имеет мало общего с каким-либо прагматическим подходом, пожалуй, эта группа слишком мало связана, чтобы быть достаточно эффективной».

Британская «Дейли телеграф» отметила, что требования группы «идут гораздо дальше реформ, которые продвигает Президент Горбачев. Уверенность новой группы в своих возможностях была укреплена успехом забастовки шахтеров, которая поставила на колени партию и правительство. Эта акция ясно показала радикалам, что их цели совпадают с целями рабочих. Создание группы подтверждает углубляющуюся поляризацию в партии».

* * *

Однако мне пора выполнить данное выше обещание вернуться к проблеме передачи власти Советам, подойдя к вопросу, так сказать, с другой стороны, со стороны «демократов», заранее извинившись перед читателями за повторение, ради целостного впечатления некоторых мыслей. Итак, межрегиональная депутатская группа на первом этапе ее существования, что уже было сказано, взяла на вооружение лозунг «Вся власть Советам!». Думаю, это не было случайностью: ведь в сознании многих и многих людей само слово «Советы» до сих пор воспринимается как власть народа. Именно поэтому бывшие коммунисты, в одночасье ставшие антикоммунистами, уже два десятка лет всячески поносят Советскую власть в печати, по телевидению и радио.

К сожалению, ход событий привел к тому, что с годами властные функции Советов становились все более формальными, поскольку они, эти функции, постепенно сосредоточивались в органах партийного руководства. И поэтому вполне естественно, что когда в связи с перестройкой встала задача фактически вернуть нашему обществу подлинно социалистический характер, то одним из важнейших направлений ее решения явилась всесторонняя демократизация страны, и в первую очередь — возвращение реальной власти Советам народных депутатов. Так в 1988 году в политической жизни страны вновь зазвучал лозунг «Вся власть Советам!». Его выдвинул Горбачев на XIX партконференции, и в то время этот призыв означал, в отличие от предреволюционной ситуации начала XX века, передачу власти из рук ЦК КПСС в руки Советов народных депутатов.

Конечно, само требование, выраженное словом «вся», в обстановке 80-х годов было абсолютно неприемлемым и, по

большому счету, ошибочным. Лозунг этот отражал главное: у Советов постепенно открывалось второе дыхание. Начиная с 1989-го года, они постепенно освобождались от исторически возникших слабостей и недостатков и, переживая трудности возрождения и развития, становились все более реальной, все более эффективной властью.

Напомню, что Советы родились в нашей стране и стали характерным признаком ее политической организации. Они самым естественным образом выросли из многовековых соборных, коллективистских традиций народа. В нашем менталитете «мы» доминирует над «я», и именно советский строй существенно укрепил эту особенность психологии граждан СССР и большинства государств, появившихся на его территории.

Насаждаемый в нашей стране после распада СССР капиталистический строй, вопреки нашим традициям, с неизбежностью выдвигал на первое место в сознании каждого человека «я», к тому же чудовищно гипертрофированное и противопоставляемое отброшенному на задворки «мы». И, можно сказать, с этой точки зрения вполне естественно, что именно Советы стали ближайшей жертвой оголтелых отечественных идолопоклонников дикого капитализма.

Что касается Ельцина, то я напомню лишь несколько фактов из его так называемой эпохи: у большинства людей еще свежи в памяти его клоунские замашки на посту Президента страны, чудовищное воровство тех, кого называли «семьей» главы государства, и что еще важнее — разгром народного хозяйства, ограбление, обнищание и вымирание населения, деградация всех сфер духовной жизни, расцвет преступности, вплоть до массового террора, и т. д. и т. п. Потребовались годы, чтобы народ отделил «зерна от плевел». И слишком дорого он за это заплатил…

В 1989 году Ельцин совершил поездку в США. Поскольку на горьком опыте миллионы людей убедились, что вся его «демократическая» деятельность представляет собой грубое варево из глупейших, зачастую пьяных ужимок самовлюбленного провинциального актера-самоучки, сплошной демагогии и наглого вранья по любому поводу, я не стану приводить здесь его собственные рассказы об этой поездке, а приведу небольшие отрывки из статьи итальянского журналиста В. Дзукконы, менее известные у нас в стране.

«Американская ночь «перестройки» пахнет виски, долларами и освещается светом прожекторов. Борис Ельцин, народный герой Москвы, Кассандра Горбачева, обличитель гласности, проносится над Америкой как вихрь; его слова вылетают и возвращаются обратно. Он оставляет за собой след в виде предсказаний

катастроф, сумасшедших трат, интервью и особенно запаха знаменитого кентуккского виски «Джек Дэниэлс» с черной этикеткой. Пол-литровые бутылки он выпивает в одиночестве за одну ночь в своем гостиничном номере в Балтиморе, куда он приехал по приглашению факультета политических наук Университета Джона Гопкинса. Ошалевшего профессора, который рано утром приехал за ним, чтобы отвезти в конференц-зал университета, Ельцин одарил слюнявым пьяным поцелуем и наполовину опорожненной бутылкой виски. «Выпьем за свободу», — предложил ему Ельцин в половине седьмого утра, размахивая наполненным стаканом, одним из тех, в которых обычно хранятся зубные щетки и паста в ванной комнате. Но выпил он в одиночестве…»

И еще один факт, далеко не всем известный, это уже из меморандума Д. Гаррисона, координировавшего поездку Ельцина по США: «Когда самолет приземлился, Ельцин спустился с трапа, но вместо того, чтобы приветствовать ожидавшую его делегацию, он прошел на взлетно-посадочной полосе к хвосту самолета и, повернувшись спиной к нам, стал мочиться на задние колеса самолета. Потрясенные, мы стояли в неловком положении, не зная, что и думать. Ельцин вернулся, не сказав ни слова, пожал руки должностным лицам, получил букет цветов от молодой женщины и сел в ожидавший его лимузин».

Скажу откровенно, мне не доставляет удовольствия цитировать эти отрывки из прессы. Противно читать это о распоясавшемся за океаном нашем соотечественнике: этот движимый животными инстинктами человек через два года станет «всенародно избранным» Президентом Российской Федерации!

Читая иностранные публикации тех дней, обращаем внимание, как наш будущий Президент государства развязно и недопустимо говорил о своей стране. Хочу напомнить, что существует неписаное правило для политиков: о своих, отечественных проблемах следует говорить у себя в стране.

Вспоминается, что канцлеру ФРГ Г. Шмидту во время его визита в Москву был задан вопрос о его политическом сопернике Г. Коле. Он ответил лаконично и однозначно: «Я приехал в Москву не затем, чтобы высказываться о господине Коле. Это я сделаю в Бонне».

В своей книге «Президент, или Уотергейт по-русски» В. Губарев, бывший в то время заместителем главного редактора газеты «Правда», довольно ярко описывает реакцию читателей и общественности: «такого не может быть, это клевета на хорошего человека» и т. д. Показали по телевидению запись пребывания

Ельцина в США — поднимется крик о том, что это грубая фальсификация, специальная подделка, смонтировали растяжение слов и т. п. А то, что трибуна, с которой он должен был выступать в университете в Балтиморе, стоит нормально, а человек возле нее, мягко говоря, держится неустойчиво, — это технический монтаж. И вот создается специальная комиссия Верховного Совета СССР, проходят митинги с ярыми нападками на руководство страны, и все это направлено на поддержку дорогого защитника народа — Бориса Николаевича.

Да, тогда трудно было переубедить людей, они ждали такого борца за справедливость, как Ельцин, — и моментально, не задумываясь, сотворили себе кумира. Любой негатив о Ельцине отвергали с порога. Состоялось «купание в мешке», не поверили — навет; проспал в самолете встречу с Президентом Ирландии в Шенноне — враки; работа на даче «над документами» — человек думает о них, о государстве. Но когда он в непотребном виде дирижировал оркестром в Германии и все это было показано по телевидению, иллюзии у многих, наконец, улетучились.

* * *

Однако это было потом, а осенью 1990 года по стране прокатились массовые митинги. Они были организованы лидерами «Демократической России», которая, мгновенно забыв о депутатском характере своей деятельности, сделала вывод, что парламентская борьба за власть весьма длительна и непредсказуема в своих результатах. На вооружение был взят более радикальный вариант завоевания власти в стране, где в качестве эффективного инструмента использовались митинги, забастовки, разрушение систем жизнеобеспечения людей и т. д.

Я с содроганием вспоминаю ту осень. Полки в магазинах опустошаются, в морских портах и на железнодорожных станциях стоят вагоны с продовольствием и товарами народного потребления, а желающим принять участие в их разгрузке вручают деньги и отправляют восвояси. На железных дорогах создаются пробки, практически перекрывающие жизненные артерии страны. На полях гибнет хлеб, овощи, в садах гниют фрукты. На страну выплеснулось сразу все: различный дефицит, преступность, обострение межнациональных отношений, забастовки. Фактически в государстве наступила полная дестабилизация экономической и политической жизни. В итоге власть была парализована.

Кому это было выгодно? Тем, кто ни с чем не считался в

своих действиях по дискредитации государственной власти и кто рвался к ней сам. С тех пор на протяжении более полутора десятков лет, чтобы задним числом оправдать приход к власти «демократов», по телевидению показывают одни и те же кадры: пустые продуктовые полки. Но нынешние властители «независимых» СМИ стыдливо умалчивают о том, почему магазины пустовали.

У меня часто возникает вопрос: а что если бы это случилось «при Ельцине» или даже при нынешней власти? Сколько лет эти люди провели бы в местах, не столь отдаленных, чтобы остудить свои головы? Отвечаю: много! И это правильно — не играйте судьбой народа и своего государства.

Митинги проводились везде, практически без всяких разрешений. В стране брала власть охлократия. Но кто накалял и без того сложную, тяжелую обстановку до крайнего предела, кто организовывал массовые демонстрации, превращая их в средство разрушения структур управления, а с ними и самого нашего государства? Пожалуйста, вот список основных «игроков» судьбами своего народа, опубликованный, например, в листовке, объявляющей о митинге на Манежной площади 16 сентября 1990 года: «Участвуют: Ю. Афанасьев, И. Заславский, Т. Гдлян, А. Мурашев, Г. Попов, А. Собчак, С. Станкевич, Г. Якунин. Приглашен Б. Ельцин». Правда, после прихода этой публики к власти Манежную площадь очень быстро перерыли и изуродовали, мягко говоря, безвкусно оформленным торговым центром, дабы никто не мог проводить там митинги уже в «демократическое» время.

Некоторые из этих имен (и иже с ними) уже забываются, а ведь напрасно: они и составляли первый эшелон тех, кто сделал то, чего не сумел добиться Гитлер, — привел страну к величайшему в ее истории краху. Скажу несколько слов лишь о некоторых из них.

Гавриил Харитонович Попов заявил однажды, что именно он уничтожил Коммунистическую партию Советского Союза. Как всегда, он явно завысил свою самооценку, но отрицать его активный вклад в этот губительный для страны процесс не приходится. В дальнейшем он разочаровался в своем ставленнике Ельцине, но до этого побывал в кресле градоначальника столицы и максимально использовал этот пост в своих личных целях: реквизировал «хороший кусок» партийной и государственной собственности, на базе которой создал большое частное, во главе с собой, учебное заведение — международный университет. Я часто читаю его статьи в центральных газетах и не узнаю прежнего Попова: теперь он стал государственником, поборником

и защитником русского народа. Натура, однако, рано или поздно в человеке проявляется: недавно он выпустил книжонку, в которой собрал из разных источников все самое дурное о Красной Армии в период Великой Отечественной войны, о поведении некоторых солдат и офицеров в Германии, ни словом при этом не обмолвившись о том чудовищном, что творили гитлеровские изверги в нашей стране.

На заседаниях Верховного Совета СССР часто вступал в дискуссию молодой, аккуратненький и благообразный народный депутат Станкевич. Он, как и его коллега Собчак, по собственной инициативе объявил себя «романтиком» новой демократии. Станкевич использовал этот «благородный имидж» и свое служебное положение московского вице-мэра для личного обогащения. Трогательные отношения с криминальными структурами, взятки, присвоение квартиры бывшего советского министра Н. Патоличева и прочие «художества» характеризуют этого «романтика-демократа». Немудрено, что уже в период депутатства Станкевича в первой Госдуме к нему правоохранительными органами были предъявлены обвинения в получении взятки. Депутаты тогда не дали согласия на лишение его иммунитета. Но, как известно, чует кошка, чье мясо съела, и в оставшееся до истечения депутатских полномочий время сей «романтик» потихоньку, с дипломатическим паспортом выехал за пределы страны. Потолкался в США, Германии и, наконец, подался в Польшу, где Интерпол и напал на его след. И снова «либеральные» СМИ подняли лай по поводу того, что «темные силы» якобы чинят расправу над романтиком-демократом первой волны.

Примерно то же самое можно было бы сказать практически обо всех «демократах» и «либералах», оказавшихся у власти. Мало, позорно мало оказалось тех, кто выдержал искушение ею. Да и сами «демократические» убеждения их оказались политической шелухой. Вот лишь один пример: те же митинги в «тоталитарных» условиях проводились по любому случаю, в любое время и в любом месте, включая Лужники. При «демократической» власти появились различного рода жесткие ограничения, административные запреты, применение насилия, спровоцированные столкновения работников правоохранительных органов с демонстрантами. Недавно прошел судебный процесс над 39 молодыми людьми, которых приводили в суд скованными наручниками. Их обвиняют в том, что они организовали массовые беспорядки в общественной приемной Администрации Президента РФ. 8 человек были приговорены к лишению свободы на срок от 1,5 до 3,5 лет. Сравните масштабы действий

«демократов» в те годы и комнату в приемной!..

16 мая 1990 года в Большом Кремлевском дворце открылся Первый Съезд народных депутатов РСФСР. В соответствии с Конституцией открыл его Председатель Центральной избирательной комиссии по выборам народных депутатов РСФСР В.И. Казаков. На день открытия Съезда было избрано 1059 депутатов, свободными оставались 9 мандатов. В. Казаков сообщил, что на Съезде присутствуют М. Горбачев, Н. Рыжков и А. Лукьянов, члены Президентского совета, члены и кандидаты в члены Политбюро, секретари ЦК КПСС.

Разгорелась острая борьба вокруг повестки Съезда, избрания Председателя Верховного Совета РСФСР. Депутаты разделились на два открыто и резко враждебных лагеря: ориентирующихся на КПСС и приверженных блоку сил образованного движения «Демократическая Россия». Памятен этот Съезд также марафоном по избранию Председателя Верховного Совета РСФСР. Только 29 мая им был избран Ельцин, набравший 535 голосов при необходимом минимуме 531 голос. Четыре голоса, это примерно полпроцента депутатов Съезда, в конечном счете определили его дальнейшую политическую судьбу, а вместе с тем и судьбу России!

Вопрос о руководстве Верховного Совета РСФСР еще на стадии подготовки к Съезду неоднократно обсуждался на Политбюро. На мой взгляд, оно, и особенно секретари ЦК под руководством Горбачева, допустили огромные ошибки в этом важнейшем кадровом вопросе. Они рекомендовали явно не проходные в сложившейся обстановке кандидатуры — А. Власова, И. Полозкова. На одном из заседаний Политбюро я твердо сказал: это неплохие товарищи, но их не поддержат на Съезде. Мы будем вынуждены отдать этот пост Ельцину, не скрывавшему своего стремления стать во главе высшего в то время органа власти республики, которая практически определяла жизнь всего государства. В своем выступлении я сказал, что мы должны рекомендовать любого общесоюзного руководителя на этот высший пост России — Рыжкова, Лигачева или кого-то из других членов Политбюро и секретарей ЦК. Однако конкретного решения по этому поводу так и не было принято.

С самого начала работы Съезда встал вопрос о суверенитете РСФСР. Дискуссия была жаркая и продолжалась три дня— 22, 23 и 24 мая 1990 года. Просматривая сейчас стенограмму обсуждения, хочу отметить: депутаты занимались в основном частными вопросами и формулировками статей. По-настоящему ни один из депутатов ни разу не возразил в принципе против такого шага, который стал роковым в истории Советского Союза,

поскольку практически создал почву для его распада. В дискуссии приняли участие 40 депутатов, затем около двух с половиной недель работала редакционная комиссия.

Различные варианты Декларации о государственном суверенитете РСФСР с многочисленными поправками, в том числе о верховенстве законов республики над союзными, обсуждались и голосовались два дня— 11 и 12 июня. Итоговое голосование состоялось 12 июня. За принятие Декларации проголосовали 907 депутатов, против — 13, воздержались — 9. Политическая слепота, неспособность просчитать последствия такого шага охватила даже коммунистов. Итог подвел тогда уже председательствовавший на Съезде Ельцин:

— Решение принято. (Бурные, продолжительные аплодисменты. Возгласы: «Ура! Ура!»)

— Поздравляю всех народных депутатов и все народы Российской Федерации. (Аплодисменты.)

Так Первый Съезд народных депутатов России стал главным разрушителем великой Державы, а 12 июня 1990 года, объявленное «демократами» великим праздником, стало днем вселенского позора.

Однако из чего же исходили, принимая такое решение, депутаты российского Съезда? Ведь суверенитет — и они не могли этого не знать — означает полную независимость государства от других государств. Следовательно, Россия объявила о своей независимости от всех остальных союзных республик, то есть отказалась от своей го-сударствообразующей роли — и уже одним этим обрекала СССР на распад. Правда, по советской Конституции и она, и каждая республика и без того были суверенными государствами, на практике передавшими часть функций центральной, их объединявшей власти. Формальным же прикрытием истинных целей авторов идеи Декларации служили вполне «благородные» мотивы — обеспечить «достойную жизнь, свободное развитие и пользование родным языком» гражданам России — как будто эти принципы не были заложены в общесоюзной Конституции и государство не стремилось к их, наравне с другими положениями, реализации.

За общими словами, как обычно в политике, стояли реальные интересы. Они были различными, но их носителей объединяла, на мой взгляд, общая задача — любой ценой освободиться от «опеки» центральной власти — и партийной, и государственной. У вдохновителей и дирижеров была задача противопоставить Россию общесоюзному Центру и, разрушив его, развалить советскую «империю». Коммунисты, только что создавшие «новую» партию — КП РСФСР, боялись противостоять идее

суверенитета, чтобы не потерять голоса наэлектризованных и дезориентированных избирателей, которые могли бы не понять и не принять отрицательную позицию в отношении самостоятельности России. К тому же руководство этой партии тоже было не прочь стать фактически «суверенной» структурой хотя бы для того, чтобы не быть обвиненными в автоматическом исполнении решений и указаний ЦК КПСС.

Передо мной лежат стенограмма этих заседаний и список итогового поименного голосования. Много знакомых фамилий людей, которые голосовали «за». Позднее, через несколько лет, я задавал некоторым из них вопрос: почему тогда они поддержали Декларацию о суверенитете России? Единственный ответ гласил: мы даже не предполагали, что она приведет к разрушению СССР.

Но для того, чтобы российский суверенитет сыграл отведенную ему роль в уничтожении СССР и существовавшего в нем строя, нужно было придать этой идее практически работающий механизм. И он был создан в виде идиотского, с точки зрения нормальной логики, положения о верховенстве российского законодательства над общесоюзным. Другими словами, «часть» была объявлена стоящей выше «целого». Это означало, что организационные, а с ними и материальные, финансовые и прочие ресурсы выходили из-под управления общегосударственным Центром, а это фактически делало бессмысленным само его существование. Вот этого уже нельзя было, извините, не понимать до, во время и после голосования.

Тринадцатого июня 90-го года, рано утром, я провожал премьер-министра Великобритании М. Тэтчер в аэропорт. Она находилась с визитом в Москве и вылетала на открытие школы, построенной ее страной в разрушенном Ленинакане (в Армении).

Не успели сесть в машину, как она начала разговор:

— Господин Рыжков, я вчера вечером узнала по вашему телевидению, что российский парламент принял закон о суверенитете и, самое главное, — о верховенстве российских законов над федеральными. Вы в курсе дела? Как вы к этому относитесь?

— Да, конечно, в курсе, — ответил я. — Можно было бы согласиться с самим понятием «суверенитета», так как Россия практически имела меньше прав, нежели другие республики Союза. Но никак нельзя оправдать его наполнение — и особенно верховенство республиканских законов над союзными. Это — начало разрушения единого государства. Оно не сможет в этих условиях функционировать, тем более что вслед за Россией немедленно сделают то же самое остальные республики.

Вот такой разговор произошел через несколько часов после

принятия закона. Даже ей, со стороны, было ясно: произошло нечто недопустимое для единого государства, и она примеряла эти события на свою страну. И высказала, на мой взгляд, правильные мысли. К слову, маленький штрих, смахивающий, скорее, на политический анекдот: через три года Тэтчер, к тому времени уже не возглавляла правительство, находясь в России, предложила для ускорения реформ ни мало ни много — распустить наш парламент. Попробовал бы я, например, поехать в Англию, а статус у нас сейчас один: мы — экс-премьеры, — и предложить там немедленно распустить их парламент. Интересно, что произошло бы?

Так была поставлена точка в вопросе практического расчленения единого государства. Первый Съезд народных депутатов Советской России, скажу еще раз, стал главным разрушителем великой Державы, а новое руководство России выступило здесь в роли троянского коня. Воистину, великие государства создают великие люди, а разрушают ничтожества.

* * *

…Одна пожилая женщина, узнав меня на улице, невольно выразила, по-видимому, мысль многих: «Николай Иванович, почему Вы нас тогда не убедили?!».

Потребовалось несколько тяжелых и горьких лет, чтобы пелена у людей — с глаз, душ, разума — сошла и они задним числом услышали и осознали то, что предлагалось их вниманию, о чем их предупреждали, к чему призывали, казалось бы, в недалеком и, вместе с тем, уже ставшим таким далеким прошлом.

В тех областях — в народном хозяйстве, в экономике, которыми мне довелось заниматься в первую очередь, в разные годы было много положительного, но, к сожалению, имелось и немало просчетов. Мне не раз приходилось говорить, что экономика слишком во многом и с каждым годом все более становится заложницей политики. Сначала, в первые два-три года перестройки, когда экономика функционировала по прежней, планово-распорядительной модели, темпы ее роста были достаточно высоки и стабильны. Но экономическую жизнь страны лихорадило от все новых и новых замыслов Горбачева. Ездил он по стране много, обещал еще больше. Сегодня — ускорение, завтра — научно-технический прогресс, затем — село, металлургия, электроника и т. д. и т. д.

Мы пытались остепенить его, подсказать, что сваливание всех проблем и задач в одну кучу наносит вред экономике, но не тут-

то было: «Вы не понимаете, что люди ждут этого!». Народ действительно ждал и жаждал серьезных, коренных перемен в стране — одних, других, третьих… Экономика, однако, сама по себе весьма инерционна. Для необходимого маневра требуется время, а постоянно дергать ее — только мешать ее развитию. Через 3–4 года народ разочаровался в перестройке, и власть перестала пользоваться уважением. Заболтали дело.

Я прекрасно понимал, что существовавшая экономическая модель, решившая в свое время многие глобальные государственные и социально-экономические проблемы, практически исчерпала себя. Но говорить и делать — не одно и то же, проблемы поджимали, а для их решения требовалось время. В результате Правительство в сознании значительной части общества постепенно «смещалось» из категории прогрессивных сил в категорию консерваторов.

Нужна была новая модель, которая бы стимулировала развитие народного хозяйства без радикальных потрясений. После многомесячных исследований и тщательных проработок наше правительство в мае 1990 года внесло в Верховный Совет программу перехода экономики на социально ориентированные рыночные отношения с необходимым механизмом государственного регулирования. Мы представили три возможных варианта новой экономической модели.

Два из них были подготовлены в качестве информации о том, что они имеют право на существование, но их мы не рекомендовали как слишком резкие, чреватые большими издержками для населения. Кстати, один из них, наиболее острый в этом отношении, через полтора года и взяли на вооружение Ельцин с Гайдаром, начав с января 1992 года осуществлять радикальные экономические реформы. То, что из этого получилось, народ испытывает на себе до сих пор.

Мы предложили парламенту страны вариант постепенного, эволюционного, рассчитанного на б—8 лет перехода на рыночные отношения. Кроме того, нас основательно настораживала начавшаяся политическая нестабильность в государстве: решения Съездов народных депутатов СССР, Верховного Совета СССР, вступающего в свои права Съезда народных депутатов РСФСР — все это расшатывало управление государством. При слабой политической власти проводить радикальные реформы — дело, на мой взгляд, совершенно неперспективное и весьма опасное. Верховный Совет СССР в основном одобрил нашу программу и поручил правительству представить конкретные предложения к началу осенней сессии.

* * *

В дни Первого Съезда народных депутатов РСФСР, как уже было сказано, шла чрезвычайно активная борьба за кресла Председателя Верховного Совета России и Председателя правительства республики. На должность Председателя Совета Министров республики было несколько кандидатур, причем две — из нашей «команды». Я имею в виду моих заместителей Л. Воронина и И. Силаева. По-прежнему котировался бывший Предсовмина России А. Власов. Резко выдвинулся вперед директор подмосковного Бутовского кирпичного завода М. Бочаров, очень много сделавший для поддержки Ельцина на выборах в депутатский корпус. Но, похоже, тот понимал, что уровень республиканского премьера должен быть, мягко говоря, несколько выше уровня директора небольшого кирпичного производства, и не торопился платить ему той же монетой. И Бочаров приготовил себе весомый козырь — заявил, что у него есть своя программа перехода к рынку за 500 дней.

Эти сверхреволюционные экономические откровения, вынесенные на депутатский суд Бочаровым, я читал раньше. Еще в начале весны 90-го года группа Л. Абалкина готовила к сессии Верховного Совета СССР правительственную концепцию по переходу на социально ориентированные рыночные отношения и в связи с этим знакомилась с огромнейшим числом проектов, инициативно сочиненных как целыми организациями, так и отдельными учеными. Два молодых экономиста — Задорнов и Михайлов — подготовили к обсуждению программу под названием «400 дней». Ее целью было предложить план радикальных действий для избираемого в марте этого же года Президента страны.

Однажды после ежедневного вечернего обсуждения принципиальных вопросов экономической реформы мне сообщили о существовании такого документа. Я не воспринял его всерьез и посоветовал не отвлекаться на второстепенные дела. Однако эта программа каким-то образом попала в руки Бочарову. Тот внес в нее свой «творческий вклад»: заменил цифру «400» на «500», добавил по нескольку дней на каждый этап и, не изменив ни слова, выдал за свой собственный оригинальный проект. Более того, в каком-то сибирском издательстве он выпустил ее в свет под своим именем. И чуть ли не одновременно эта программа, только с цифрой «400», вышла в Москве под фамилиями упомянутых двух экономистов и Г. Явлинского, который в то время работал в Комиссии Совета Министров СССР под руководством моего заместителя академика Л. Абалкина.

В общем, плагиат был налицо. Г. Явлинский был вынужден даже заявить в «Московских новостях»: «Программа «500 дней», с которой Бочаров выступил перед Верховным Советом России, с самого начала задумывалась как союзная…»

Впрочем, литературно-политическое воровство и мелкотравчатая суета вокруг него Бочарову не помогли: в премьеры он не прошел. А Явлинский, напротив, сумел потом при поддержке академика Шаталина, Горбачева и Ельцина сделать себе громкое имя на нереалистичной, экономически иллюзорной теории своих молодых коллег. В том же интервью он противопоставил себя опытным ученым: «Ну а то, что у сторонников программы «500 дней» будут оппоненты в лице таких видных экономистов, как Абалкин, Шаталин, Ясин, думаю, пойдет на пользу делу». В двух последних Явлинский ошибся — они предпочли перейти на сторону экстремистских «500 дней», а Шаталин еще и авторство с ним поделил: программа стала называться — «Шаталина — Явлинского», а сам Григорий Алексеевич пересел в кресло заместителя Председателя Совета Министров РСФСР.

В1991 году уже прославившийся своими (или все же не своими?) «500 днями» Явлинский побывал в США. Оттуда он привез анализ экономической ситуации в СССР: там черным по белому было написано, что на тяжелейший рыночный рывок потребуется никак не менее б—8 лет, и был назван нами же намеченный срок — 1997 год.

А пресса, между тем, словно (впрочем, почему «словно?») по заказу, трубила славу программе «500 дней», напрочь забыв о том, что Верховный Совет СССР принял концепцию Правительства и поручил ему лишь дополнить и поправить ее. Хорошо зная отечественную «четвертую власть», я ничуть не сомневался, что когда-нибудь ей понадобится «стрелочник» или, грубее, «козел отпущения», на которого можно свалить все ошибки экономической политики. Вернее, не прессе этот стрелочник нужен, думал я, а Горбачеву, который, конечно же, не мог признать за собой какие-либо грехи.

К несчастью для отечественных наук вообще и для экономической в частности, в них подвизалось много людей, которые хорошо умели пользоваться давно открытым и пройденным и даже приобретали себе на этом степени и звания. Умение интриговать всегда ценилось не менее, если не более, чем умение открывать новое. Многие годы моей жизни связаны с производством и экономикой. Я знаю и ценю сотни ученых — подвижников в своем деле. И не их вина, что их мысли во многом остались невостребованными. Это неотъемлемая часть трагедии

нашей страны…

* * *

Противостояние Горбачева и Ельцина буквально раздирало государство на враждующие лагеря, лишая смысла и нашу работу, ибо начавшаяся после Первого Съезда народных депутатов РСФСР война союзных и республиканских законов прежде всего била по делу, по экономике, по людям.

В конце июля 1990 года перед уходом в отпуск Горбачев четко определил свою позицию в отношении программы Правительства по переводу экономики на рыночные принципы, «благословение» которой дал в мае на Президентском совете. Однако в начале августа открылось, что между лидерами СССР и России возник сговор за моей спиной. Какой? На этот вопрос отвечает телевизионное интервью Ельцина, прошедшее в эфир 3 августа. Выдержки из этого выступления приводят к неоспоримому выводу о том, что Президент страны уже тогда встал на путь недопустимых компромиссов, которые в дальнейшем привели к разрушению государства.

Я привожу эту часть интервью дословно, не внося никаких корректив:

«— Вы как-то в своем, в нашем интервью уже упоминали о том, что вы собираетесь предложить программу России Центру. И также упомянули, что независимо оттого, будет ли Центр, примет ли Центр эту программу или нет, вы будете настаивать на том, что у России должна быть своя экономическая программа. Скажите, пожалуйста, если Центр все-таки не примет, так сказать, вашу программу, каковы могут быть ваши действия в этой ситуации?

— Я уже сегодня могу сказать, что Центр примет, потому что сегодня в «Известиях» опубликовано, что Горбачев и Ельцин подписали вдвоем вот специальное, ну, как бы сказать, договоренность, что ли, что, основываясь на концепции российской программы, создать такую группу, которая бы сделала на ее основе союзную программу.

То есть не ту программу Правительства союзную, которую сейчас критикуют и которая, конечно, не будет, я думаю, принята, вот. И это приведет к отставке союзного Правительства, а программу, именно основанную на российской основе, концепции российской. И мы с Гррбачевым такой документ подписали именно в тот период, когда я находился здесь (Ельцин тоже был в отпуске. — НЯ). Мы разговаривали по телефону несколько раз, а

потом подписали такой документ. Я обратился к нему с таким предложением письменно, что выход только такой, что мы предлагаем российскую программу, чтобы нам не иметь свою денежную единицу, потому что если Союз не принимает, тогда мы должны внутри России, реализовы-вая эту программу, иметь свою денежную единицу. Мы бы пошли на это».

Многие средства массовой информации, особенно газета «Известия», немедленно сделали далеко идущие выводы, что возник союз авторитетов — Горбачева и Ельцина, что «имперский диктат Центра» будет исключен, что создаваемая программа станет основой экономической части Союзного договора, что эта договоренность будет способствовать реальному объединению суверенных республик и т. д. Между строк читалось: долой Правительство Рыжкова, оно мешает радикальным переменам в политической и экономической жизни страны. Мне и моим соратникам было совершенно очевидно, что политический и экономический экстремизм приведет к разрушению государства, изменению общественного строя. С этим мы не могли согласиться, понимая, что, по существу, речь идет о национальной катастрофе, а не о реформировании политической и экономической системы во имя людей, общества и государства.

Итак, образовались, по сути, два центра по разработке программ перехода к рынку. Мы готовили свою к 1 сентября — к сроку, отпущенному нам Верховным Советом СССР. Как и прежде, работали в «Соснах». А в другом подмосковном пансионате, «Сосенки», находились «шаталинцы». К слову сказать, не было, по-моему, журналиста, который не побалагурил бы в связи со столь забавным совпадением: «Сосны» и «Сосенки».

По предложению Л. Абалкина 21 августа мы с ним приехали в «Сосенки» с надеждой найти компромисс и консолидировать силы для решения общей задачи. Приехал туда и новый премьер-министр России И. Силаев. Сели друг против друга, я рассказал о работе над правительственной программой, попытался обозначить общие точки двух программ, вновь призвал к объединению усилий. Где там! Мы попали в стан откровенных врагов, для которых само наше появление было чрезвычайно неприятным происшествием. И разговаривали-то с нами, как мэтры с приготовишками, чуть ли не сквозь зубы — куда исчезла хваленая интеллигентность научной элиты! Три часа прошли бессмысленно. Убеждать, по моему разумению, можно тех, кто умеет и хочет слушать и слышать. Мои собеседники этого не умели и не хотели.

Ничего положительного встреча не дала. Наоборот, она показала, что пропасть между нами становится непреодолимой. И

было полное ощущение, что тактические их действия до деталей направлялись с юга находившимся там Горбачевым и его советниками.

Сейчас никто уже не вспоминает, что у истоков нынешних «радикальных» рыночных реформ стояли мои тогдашние собеседники. Сегодня, когда и Державы нет, а Россия и другие бывшие союзные республики переживают многолетний социально-экономический кризис, фамилии Шаталина, Явлинского, Ясина и иже с ними забываются, а двое последних еще и пытаются откреститься от содеянного. Может быть, им удобно в нынешней разрухе все «забыть». Но хочу напомнить: начинали — они. Потом уж их идеи подхватили новые радикалы-рыночники — Гайдар, Чубайс, Б.Федоров и др.

* * *

Горбачев по-прежнему отдыхал на Черном море, мне практически не звонил, не интересовался ходом работы, в которой, казалось бы, должен был быть кровно заинтересован. Все это еще раз подтверждало, что у него имелись иные соображения и другие люди, на которых он ориентировался. В 20-х числах августа 1990 года Президент вдруг прервал отпуск, вернулся в Москву и встретился с разработчиками «500 дней». Никого из команды союзного правительства на эту встречу не позвали. Да мы и понимали уже, что ни о каких скоординированных экономических предложениях к Союзному договору речи не идет, что на сессию Верховного Совета СССР будут представлены две кардинально разнящиеся программы.

Проблемами стремительно надвигающегося 91-го года вообще никто озабочен не был. Между тем Совет Министров бомбардировали телеграммами, телефонными звонками руководители союзных республик, регионов, предприятий, пребывавшие в растерянности: как им работать? По каким законам и правилам жить, если борьба, даже война этих законов и правил уже вовсю разворачивалась на территории Союза, переплетаясь с борьбой за суверенность республик?

Многим руководителям предприятий Ельцин предлагал выйти из союзного подчинения и перейти под юрисдикцию России, уменьшая им за это налоги. Экономика будущего года грозила развалиться до того, как начнет действовать та или иная программа. К тому же то, что предлагалось в программе «500 дней», шло вразрез с принятыми Верховным Советом СССР законами.

На второй день после досрочного приезда Президента страны из отпуска я, по предложению моих заместителей, потребовал у Горбачева встречи в ближайшие дни с членами Президиума Совета Министров СССР. 23 августа такая встреча состоялась. Она длилась 6 часов. Первым выступил я, а затем высказались все члены Президиума. У меня сохранился конспект моего выступления, который, возможно, передаст остроту поднимаемых нами проблем и общего состояния в стране:

«Наша просьба об этой встрече вызвана тем, что назрела крайняя необходимость откровенного разговора Правительства и Президента страны по ряду жгучих, неотложных проблем.

Первая из них связана с тем, что социально-политическая обстановка в государстве в целом и в большинстве союзных республик чрезвычайно обостряется. В стране складывается тяжелейшая ситуация, ведущая к непредсказуемым процессам в политической и экономической жизни. Страна втягивается в сложнейший политический и экономический кризис.

Вторая проблема, по которой хотелось бы определить наши позиции, заключается в том, как мы будем жить в экономике в 1991 году.

Третья. Судьба Союза в целом.

Нерешенность этих проблем будет иметь тяжелые последствия: хаос в экономике и тяжелый политический кризис.

В то время как вся ответственность за состояние дел в стране фактически возлагается на ее Правительство, все делается для устранения его из системы управления государством. Правительство сегодня является последней реальной силой, которая противодействует нарастанию деструктивных, дестабилизирующих факторов. Возможный уход Правительства изменит баланс и расстановку политических сил в стране.

Не менее острая проблема — потеря управляемости. Это чрезвычайно опасно. Она выражается прежде всего в том, что не выполняются решения Правительства, игнорируются указы Президента, объявляется верховенство республиканских законов над союзными, принимаются декларации о полном государственном суверенитете и т. д. Если раньше в этом вопросе лидировали республики Прибалтики, то сейчас это приобрело более серьезный размах — во главе этих действий встали Россия и Украина. В то же время ответственность за все, вплоть до табака, ложится на центральное руководство.

При кажущейся на первый взгляд стихийности этих процессов начинают все более четко обозначаться формы разрушения существующих государственно-политических структур. Фактически под вопрос поставлено существование самого Союза

как единого государства. Вокруг этого развернута острейшая политическая борьба. Вопрос стоит ребром — будет ли СССР существовать как единое государство, будет ли оно юридическим лицом в мировом сообществе или его не будет, а Россия станет правопреемником СССР. (Это говорилось за год до сговора в Беловежской Пуще. — Н.Р.).

Делаются попытки внести коренные изменения не столько в экономические отношения между республиками и Союзом ССР в целом, сколько в характер самого строя, пересмотреть основополагающие политико-экономические принципы, отвергнуть существующий политический строй.

Под воздействием всего этого экономика все больше и больше теряет жизнестойкость. Начался нарастающий процесс не только спада объемов производства, но и разрушения единого народнохозяйственного комплекса. Этот процесс, если не принять экстренных мер, может завершиться катастрофой. Широко распространившаяся во многих республиках практика ограничений прав предприятий и, как следствие, массовый разрыв прямых связей между ними, отказ от заключения договоров и поставок продукции, а также игнорирование действующего законодательства, налогообложения и формирование местного, республиканского и союзного бюджетов могут уже в ближайшее время парализовать функционирование народного хозяйства. Образовался замкнутый круг: политическая дестабилизация прямо сказывается на экономике, экономическая — на политическом положении.

Правительство на протяжении последних месяцев, невзирая на все усиливающуюся критику, работает интенсивно в двух направлениях. Завершается подготовка программы перехода к регулируемой рыночной экономике, и ведется разработка основных параметров экономического и социального развития страны на 1991 год. Однако результативность этой работы сегодня крайне низка из-за прямого неприятия правительственных решений и усиления центробежных сил.

Сегодня практически все предприятия не имеют планов своего развития на будущий год. Нет ясности в организации их материально-технического снабжения, валютного обеспечения, в вопросах цен, налогообложения. По тем же причинам во многих республиках парализован процесс формирования местных бюджетов. Принятые Верховным Советом СССР по этим вопросам законы многими республиками не признаются. Конституция игнорируется.

Идет процесс массового, внутренне рассогласованного принятия всевозможных решений и постановления отдельными

союзными республиками, которые по существу ведут к разрушению всей сложившейся системы в стране. Такова реальная ситуация. И независимо от того, какова мера вины Правительства в этом вопросе, главное сегодня заключается в том, чтобы объединить все усилия для предотвращения хаоса в функционировании народного хозяйства.

Анализ подходов союзных республик к выработке взаимоприемлемых решений по вопросам развития экономики, консультации, проводимые в Верховном Совете СССР, непосредственная работа с представителями республик над программой перехода к рынку, расширенные заседания Совета Министров СССР с участием руководства всех республиканских правительств показали, что любая программа перехода к рынку иллюзорна и нереальна, когда отсутствует Союзный договор и нет четкого определения, в условиях какой государственности мы будем жить в перспективе. Между тем, трудно ожидать, что в ближайшее время Союзный договор может быть заключен. Этот процесс чрезвычайно сложный и может оказаться длительным.

Но мы не можем остановить жизнь страны, работу над планом ее развития на 1991 год, реализацию уже принятых крупных социальных программ, затормозить практическую хозяйственную деятельность предприятий, отказаться от первых реальных шагов функционирования экономики в новых условиях. Президиум Совета Министров СССР детально и всесторонне проанализировал ситуацию и пришел к выводу, что единственно реальным путем выхода из создавшегося положения является заключение, до принятия нового Союзного договора, Экономического соглашения между республиками и Союзом в целом, на основе которого можно было бы организовать всю работу по разработке плана на 1991 год. Эта Программа должна включать в себя взаимосогласованные принципы организации планирования на предприятиях, применение системы налогообложения, новую ценовую политику, которая приемлема для всех республик, систему материально-технического обеспечения, формирование валютных фондов предприятий, республик и Союза, а также решение других принципиальных вопросов, без которых не сможет прожить ни одно хозяйственное звено и ни одна республика в будущем году. Это один из главных вопросов, который Президиум Правительства хотел бы обсудить на этой встрече…».

Выступления членов Президиума Совмина затрагивали примерно эти же вопросы, с большей детализацией и конкретикой.

Таково было наше видение истинного положения дел в

стране в то сложнейшее время, понимание смертельной опасности, все больше нависавшей над ней. Думаю, читатели оценят весь драматизм такой ситуации, когда видишь, что страну ведут к гибели, предлагаешь реальные пути ее спасения и при этом наталкиваешься на непреодолимую преграду — тупое безразличие к судьбе Родины или ее прямое предательство.

* * *

30 августа в Кремле по итогам нашей встречи у Горбачева, в зале заседаний Верховного Совета СССР, собрались представители республик, министры, народные депутаты и многочисленные приглашенные. Совершенно неожиданно накануне поздно вечером из канцелярии Президента был разослан материал на 18 страницах для рассмотрения его на этом заседании. Подготовлен он был группой Шаталина и представлял некую выжимку из проекта «500 дней». Ни о каких предложениях о том, по каким правилам жить в будущем году, там и речи не было. Были лишь самые общие рассуждения о переходе на рыночные отношения, роли и месте союзных республик.

Стало совершенно ясно, что предпринята попытка увести совещание от решения конкретных вопросов, независимо от того, что произойдет со страной через несколько месяцев, привлечь на свою сторону союзные республики и при их поддержке перейти на «общесоюзное поле». Я часто задаю себе вопрос: ведал ли ныне покойный Станислав Сергеевич Шаталин о последствиях своих шагов? Думаю, он просто был использован более опытными политиканами для достижения их целей. И какие бы хорошие у нас ни были отношения, я должен сказать прямо: в разрушении государства он, сам того, уверен, не желая, сыграл не последнюю роль.

Заседание проходило два дня. Один за другим на трибуну выходили ораторы и, как по мановению дирижерской палочки, говорили не о хлебе насущном, а противопоставляли 18 страниц предложениям Правительства. Одним из первых выступил Ельцин:

— Правительство Рыжкова должно немедленно уйти в отставку!

Не скрывал свою неприязнь к союзному Правительству и первый заместитель Председателя Совмина Украины В. Фокин. Более желчного и наглого выступления от имени этой республики я не слышал до сих пор. Человек рвался к власти. За будущую похлебку он готов был на все. Руководство Украины уже не устраивал опытный премьер Виталий Андреевич Масол.

Даже официальные профсоюзы в лице их лидера Щербакова в стороне не остались: он тоже вылил достаточно грязи на Правительство. Любопытно, где этот профсоюзный лидер сейчас, когда цены мчатся вверх со скоростью ракеты, а народ, то есть члены профсоюза, нищает? Почему он молчит?

На второй день выступления стали еще жестче. Ночь помогла сгруппировать антиправительственные силы. Экономическое соглашение осталось в тени. Мало кто вспоминал о нем. Под конец заседания меня опять выбросило на трибуну. На этот раз у меня не было заготовленных тезисов. Шла жестокая битва, и обращаться к разуму этих людей было равносильно гласу вопиющего в пустыне. Нервы были возбуждены до предела. Я бушевал на трибуне, гневно бросал обвинения политиканам, тащившим страну в пропасть.

— И если бы мы не несли ответственность перед народом, — в заключение сказал я, — мы бы ни одного дня не работали в такой обстановке. Только это останавливает нас.

С трибуны я сошел как в тумане. Вместе с заместителями вышли с заседания. Все были подавлены, я — тем более: переживал и за то, что не мог сдержаться. И все же у нас хватило сил и разума, чтобы сделать коллективный вывод: уходить сейчас нельзя. Это будет не только наше поражение. Надо бороться.

* * *

После окончания депутатских каникул в сентябре 90-го года возобновилась работа Верховных Советов СССР и РСФСР. В союзном парламенте проходили бурные дебаты по переходу экономики на рыночные отношения: несмотря ни на что, к 1 сентября, как было решено в мае, мы представили необходимые материалы. Программа «500 дней» была также в центре дискуссий. На одном из заседаний Верховного Совета СССР Горбачев в своем выступлении по итогам предварительного обсуждения четко сказал, что ему больше импонирует именно эта программа. Впервые он заявил об этом во всеуслышание. Честно говоря, именно в тот момент я подумал о ставшей практически необходимой отставке, о чем и сказал на пресс-конференции в тот же день:

«Если будет принято решение, которое не совпадает с позицией Правительства, то Правительство не сможет его выполнять… Я могу выполнять свои функции только тогда, когда я в это верю. Если же я не верю или вижу, что будет нанесен большой вред, то к этому делу я свою руку прикладывать не стану».

Но пока никакого решения Верховного Совета и Президента не было. После перерыва депутат Бурбулис, как читатель помнит, на Первом съезде выдвигавший Ельцина на пост Председателя Верховного Совета СССР, примчался из Белого дома с горящими

глазами и с восторгом сообщил, что Верховный Совет РСФСР в 14.00 принял программу «500 дней». «Российская Федерация определилась», — гордо сообщил он, давая понять: Верховный Совет Союза может обсуждать что угодно — все равно Россия поступит по-своему. Опять пошумели, покричали, подрались за места у микрофонов в зале. А в итоге утвердили аморфное постановление, где «приняли к сведению» сообщение Совета Министров СССР, «сочли целесообразным» рассмотреть все материалы по этому вопросу и «отметили» все же, что Президиум Верховного Совета «недостаточно подготовил» данный вопрос, — шпилька А. Лукьянову…

Да, в те дни в Кремле шли непрерывные дискуссии, споры, схватки. Много раз нам снова и снова приходилось высказывать позицию Правительства и на пресс-конференциях. Приведу выдержку из стенограммы одной такой встречи с журналистами.

«Николай Рыжков:

— Страна во многом не подготовлена к форсированному переходу к рынку, не готово и общественное сознание. Поэтому мы за взвешенный вариант. Твердость, с которой Правительство отстаивает свою позицию, имеет объяснение. К подготовке новых предложений привлекались серьезные научные силы, в них учли предложения парламента, а также альтернативные проекты реформы. Затем было проведено моделирование предстоящих нововведений, математический анализ всех плюсов и минусов. При этом расчет шел по двум вариантам перехода к рынку — радикальному, который проповедуют некоторые известные советские экономисты, и умеренному, который предлагает Правительство.

Модель первого варианта (почти немедленный перевод, цен на свободные, практически полное исключение госзаказа и т. д.) показала резкий спад в первые годы объемов производства, занятости, жизненного уровня…

Анализ второго варианта также показывает спад, но более пологий, медленный. Снижение уровня жизни населения в целом по стране произойдет, но меньше, чем по первой модели. Соответственно, и оздоровление экономики будет идти дольше».

* * *

Наступала бурная осень 90-го. Изнуряющие дебаты в Верховном Совете СССР, митинги с требованием отставки «правительства нищеты», решение парламента России об отставке Совета Министров СССР (против 1 и воздержалось 16), шквал

критики в средствах массовой информации.

Входе генерального наступления на Правительство страны отношения республик с Центром становились все более сложными. Конфронтация, и в первую очередь России с центральной властью, приобретала все нарастающую остроту. Союзная власть быстро становилась аморфной и неустойчивой.

Нараставший политический разброд губительно сказывался на экономике, а ее ухудшение, в свою очередь, усиливало деструктивные процессы в стране. Мы оказались в замкнутом, можно сказать — порочном круге. Но все наши попытки прорвать его встречали яростное сопротивление.

А до моего ухода со сцены оставалось чуть больше месяца…

Почему я дотянул до инфаркта? Почему не ушел в отставку тогда, когда сказал об этом Горбачеву, или позже — на пресс-конференции после тяжелого для меня заседания сессии? Почему терпел, когда все вокруг, включая Горбачева, с кем вместе начинали долгий путь, наотмашь били по мне и Правительству? Неужели самолюбия не хватило? Или кресло премьера было так дорого?

Нет, отвечу, не потому. Держало обыкновенное чувство долга. Окончательное решение уйти в отставку было принято мной после ноябрьской сессии Верховного Совета. Объявил же я ему об уходе в начале декабря, еще до Четвертого съезда. Так что болезнь лишь ускорила все это на одну-две недели.

Как-то я разыскал страничку моего интервью, данного уж и не помню кому. Наверное, какой-то иностранной газете. Там был такой вопрос: «В последнее время правительство постоянно подвергается критике, вплоть до требований об отставке. Вы не похожи на тех, кто держится за кресло, подчиняя свои действия карьерным устремлениям. Что ж тогда заставляет Вас так настойчиво проводить в жизнь свою линию?»

Ответил так: «Дело в том, что кое-кого не устраивает политическая линия Правительства, его твердая позиция в том, что касается сохранения нашего государства, недопущения хаоса в народном хозяйстве, обеспечения социальных гарантий тем, кто живет на зарплату, пенсии и стипендии, кто может не выдержать ударов рыночной стихии, если будут сняты все или почти все регуляторы. Спекулируя на этом, кто-то утверждает, будто Правительство не может избавиться от консервативного мышления. Неправда! Правительство открыто для всего, что может помочь выходу из кризиса. Но, будучи ответственным перед народом, Правительство не имеет права идти за теми, кто предлагает ломать до основания все и вся, а там будь что будет. У Правительства нет более важной задачи, чем обеспечить переход

к рынку с наименьшими издержками для народа. Тот, кто обвиняет Правительство в забвении этого, либо некомпетентен, либо, мягко говоря, не очень порядочен… Но если народ, его представители в Верховном Совете сочтут, что Правительство действует в ущерб интересам общества, то пусть они решают вопрос о нашей судьбе».

Все, что было сказано тогда, я готов повторить и сейчас. Видимо, мое поколение было так воспитано: довести дело до конца, не сдаваться, не ломаться перед трудностями, исчерпать все возможности — и лишь потом уходить. Кстати, в дни, когда я заявил журналистам о своей возможной отставке, в Совет Министров пришло множество телеграмм с требованиями — не сдаваться. И требовали этого не только мои ровесники, но, что особенно радовало и вселяло надежды на лучшее будущее страны, и совсем молодые: подождите, не уходите, не бросайте начатое…

Все равно пришлось уйти. Все-таки вынудили.

В первых числах декабря по моей просьбе состоялась встреча один на один с Горбачевым, на которой я сообщил, что принял окончательное решение об уходе с поста главы Правительства страны. Он воспринял это довольно спокойно и даже с облегчением. Он был, как и я, готов к этому нелегкому разговору. Попросил меня высказать мнение о будущем преемнике. Я высказал свои соображения.

В заключение встречи я сказал Горбачеву:

— Помяните мои слова. Сейчас Вас заставляют убрать Правительство. Это лишь первая жертва среди многих. Потом придет черед Верховного Совета СССР, а потом — и Ваш. Подумайте о судьбе страны, пока еще есть какое-то время…

Как всегда, он не захотел услышать то, что ему было не по душе. Такой специфический род глухоты…

Сегодня, оглядываясь назад, анализируя произошедшее, я прихожу к однозначному выводу: мы были правы. Нас объявили консерваторами, а мы были нормальными, здравомыслящими людьми, болеющими за дело, за народ и страну.

Мое Правительство уходило из этой битвы достойно, не сломленным, с верой в свои идеалы. Жизнь подтвердила нашу правоту.

На 12 июня 1991 года (день провозглашения суверенитета России в 90-м году) были объявлены выборы Президента РСФСР. И уже в апреле ко мне посыпались звонки из областей, республик, от трудовых коллективов и многих общественных и политических деятелей с просьбой дать согласие баллотироваться в Президенты России. Многочисленные встречи с их представителями

заканчивались тем же. У меня было полное моральное право отказаться, сослаться на не так давно перенесенную болезнь. Но тогда бы я до конца своих дней корил себя за то, что даже не попытался вступить в борьбу.

Следя за бурными событиями того страшного для страны года, я понимал, что наступает пик противостояния всех ветвей власти России и СССР. И если победит на выборах Ельцин, то тогда судьба страны будет предрешена. Если же победит другой, в том числе и Рыжков, то еще можно предотвратить катастрофу и с помощью взвешенных реформ, нормальных взаимоотношений Центра и республик не допустить разрушения государства и стабилизировать положение. Вместе с тем я понимал и то, что в обстановке неприятия народом Горбачева и его политики, полного разброда в стране, вызванного оппозицией Ельцина, победить будет трудно. Народ был одурачен. Многие пребывали в ожидании рая небесного на 501-й день и видели в Ельцине спасителя Отечества. Главная же моя надежда была на то, что, может быть, мой голос предостережения будет услышан.

Не буду останавливаться на всех перипетиях избирательной кампании. Там было все: и клевета, и грязь, и помои. Все было пущено в оборот. Да и фамилия моя часто ассоциировалась с Горбачевым. Все мои попытки объяснить людям, что это далеко от действительности, что пути наши давно разошлись, что он предал идеалы перестройки и тех людей, с которыми ее начинал, доходили не до всех. Люди голосовали не только за Ельцина, но и против Горбачева. И мои противники немало потрудились, «связывая» меня с ним.

Чтобы иметь представление о том времени и сложившейся ситуации, приведу выдержки из интервью с журналистом газеты «Советская Россия» за две недели до голосования. На страницах этого авторитетного издания я отвечал корреспонденту газеты Н. Белану на наиболее острые вопросы, заданные мне во время поездок по стране. Название интервью — «Я предлагаю другой путь…» — говорит само за себя.

«Как он смел выставить себя на пост Президента России? Всем же ясно, что народ выберет Ельцина». «Вас что, Горбачев или ЦК обязал?»

— Согласие баллотироваться я дал по собственной воле. Ни ЦК меня не обязывал, ни Горбачев. За пять лет работы Председателем Совета Министров страны я испытал, что такое власть, вкусил ее «прелести», знаю, насколько это тяжелый и часто неблагодарный труд.

Однако положение в стране и России ухудшается, оно критическое. И я не уверен, что программа Ельцина, с которой он

выступает сейчас, изменит положение дел к лучшему. Все будет наоборот. Поэтому я не мог оставаться в стороне, безучастно наблюдать за развитием событий. Вот что движет мною…

Теперь о программах по переходу к рынку. Летом прошлого (1990) года, вы помните, их было две — правительственная и «500 дней». Последнюю еще называли программой «шоковой терапии», отношение к которой у меня однозначное. Убежден, что перевод экономики на новые рельсы неизбежен, кстати, я был одним из первых, кто говорил, что мы исчерпали свои возможности в жесткой планово-распределительной системе, что по-старому мы дальше двигаться не в состоянии и что нужно переходить на более гибкие формы экономических отношений. Но наша формула была — регулируемый рынок, плавный, постепенный переход к нему. Когда рушится что-то старое и тут же взамен создается новое, все просчитывается, прогнозируется, а не сметается одним махом, в короткий период.

Я категорически против таких мер, против «шоковой терапии», считал и считаю, что попытка перехода в течение нескольких месяцев на новые экономические отношения чревата серьезными последствиями.

Чтобы переходить на свободный рынок, нужно создать соответствующие структуры. А сказать: все, с нового года госзаказа не будет, как это предлагается сейчас, надейтесь только на себя — это несерьезно. Сегодня трудно, но если с нового года вообще никакого регулирования не будет, то многие предприятия не смогут работать. Особенно машиностроительные, которые имеют огромные кооперационные связи между собой.

Или другое: я за многообразие форм собственности. Надо находить такие формы, чтобы человек действительно был собственником своих средств производства. А что касается мелких предприятий — каких-то мастерских, кафе, магазинчиков и т. д., то здесь у нас будет и частная собственность. Но при этом я за то, чтобы приоритет был у людей, которые работают на этих мелких предприятиях, чтобы они в первую очередь могли приобрести их. Пусть они решают свою судьбу, а не на торгах, аукционах, где побеждают те, кто ворочает большими деньгами.

Что же касается крупных предприятий, так есть акционерная, коллективная собственность, когда, к примеру, каждый работающий член коллектива наделяется средствами производства и имеет свою долю прибыли, так называемые народные предприятия. Надо идти и по этому пути. В сельском хозяйстве я категорический противник частной собственности на землю для товарного производства, ее купли и продажи. (Поясню: говоря о «земле товарного производства», я не имею в виду,

конечно, приусадебные, садово-огородные и дачные участки.)

Каждый человек должен иметь право работать на земле, выбирать, что ему по душе: хочешь быть фермером — пожалуйста, оставаться в колхозе — на здоровье. Я и за то, чтобы передавать арендованную землю по наследству. Но продавать?..

«Как вы относитесь к приватизации нерентабельных предприятий? Вы консерватор, Вы против жилищной реформы, а значит, тянете нас в застойные времена».

— Категорически не согласен с теми, кто призывает до нового года «разобраться» с убыточными предприятиями и насильственно их приватизировать, то есть пустить с молотка. Такая поспешность — дело опасное.

Возьмем ту же угольную промышленность — она имеет от государства 23 миллиарда рублей дотаций. Что же произойдет, если шахты купят наши доморощенные или иностранные бизнесмены? А о миллионах безработных кто подумал? Поэтому я понимаю, что нерентабельное предприятие — это действительно наше несчастье, это гиря на ногах экономики страны, но провозглашать лозунг принудительной приватизации преждевременно. Сегодня у нас 25 процентов колхозов — убыточные, что же, делать коллективизацию наоборот? А может, разобраться в каждом отдельном случае, помочь хозяйству встать на ноги, в том числе за счет введения новых форм собственности?

О приватизации жилья. Год назад этот вопрос обсуждался на Президентском совете. Предлагалось: давайте делать рынок жилья, чтобы человек мог свободно продать и купить квартиру. А с целью ускорения создания такого рынка предлагалось резко увеличить квартирную плату, особенно за излишки площади. Вроде бы звучит привлекательно. Но я тогда выступил категорически против. Нельзя так легко подходить к этой проблеме, глубоко не изучив ее, не просчитав. У нас, к примеру, сегодня в СССР 60 миллионов пенсионеров, из них, по данным, которыми располагаем, 30 миллионов человек имеют излишки жилья — кто пять, кто десять квадратных метров, а кто и больше. Так сложилось — уехали дети, умерли муж или жена… Как же этих стариков вырывать из своих гнезд, домашний очаг ведь не просто стены. Это больше проблема моральная, нравственная. Но и материальная: представьте, если за излишки жилья они станут платить по той «кривой», которая предлагалась, — никакой пенсии не хватит.

А разве по силам купить квартиру молодым и малоимущим семьям? Разве не ясно, куда уплывут квартиры?

Вот такой я консерватор в этом вопросе — был и остаюсь им.

«Рыжков — автор повышения цен». «Уходя в отставку, он

посоветовал Павлову поднять цены».

— Да, мы постоянно говорили о том, что в вопросах ценообразования было отставание. Надо было отрегулировать цены, но сделать это еще в 1988 году, тогда бы все прошло с меньшими потерями, чем сейчас.

По расчетам, общая сумма повышения цен в 1990 году должна была составить 160 миллиардов рублей, причем предусматривалась полная компенсация за ряд продуктов, детский ассортимент почти не затрагивался. Однако наполучал я шишек за «непопулярные меры», хотя с тем, что надо отрегулировать цены, были согласны почти все руководители и ведущие экономисты страны. (Забегая вперед, хочу напомнить, что Ельцин с Гайдаром со 2 января 1992 года подняли цены практически в два раза по сравнению с тем, что предлагалось нами, а на многие товары — ив три раза. Вскоре эти цены стремительно выросли в сотни, если не в тысячи раз, отбросив миллионы людей в непроглядную нищету. Были забыты все громогласные заявления и даже рельсы, на которые обещал лечь Ельцин в случае повышения цен. Все это больно ударило по народу.)

«Ваши отношения с М. Горбачевым?», «Были ли у вас разногласия с ним?», «Если Вас изберут Президентом России, не окажетесь ли Вы во всем согласны с ним?», «Почему вы ушли в отставку?»

— Сейчас у меня никаких отношений с М.Горбачевым нет. Я не участвую ни в каких совещаниях, не являюсь советником.

Раньше, примерно до 1987 года, особых разногласий у меня с ним не было. Если помните, перестройка тогда набирала темпы, на подъеме была экономика страны. Однако и тогда я занимал независимую, самостоятельную позицию: считал возможным высказываться принципиально, даже если и оставался на Политбюро в меньшинстве. Вспомним ту же антиалкогольную кампанию. Я выступал против тех методов, которыми ее предлагалось осуществлять.

В последнее время, особенно в 1988–1990 годах, у нас были большие разногласия с Горбачевым. О них я говорил прямо, в глаза — и на Политбюро, и на Президентском совете. Например, о той же приватизации жилья.

Особый пункт — программа перехода к рынку. Правительственная программа дважды рассматривалась на Президентском совете, я представлял ее там, ее критиковали, дополняли, в конце концов сказали: хорошо, товарищ Рыжков, выходите с ней на Верховный Совет СССР. Я знал, что будет острая критика. Особенно из-за ценового фактора. Но как иначе я

мог поступить в то время, если с 1988 года в каждом документе говорилось: вот когда подойдем к реформе розничного ценообразования, то обязательно посоветуемся с народом. Поэтому я и вышел на трибуну, честно сказал, как мы видим все это дело. И принял на себя весь огонь…

Я всегда был искренен в своей позиции. Единственное, что ставлю себе в укор, так это то, что нужно было на год раньше сказать то, о чем я говорил в декабре прошлого (1990) года на Четвертом съезде народных депутатов СССР. Что перестройка в том виде, как ее задумали в 1985 году, не состоялась.

Что касается моего ухода. Главная причина была в том, что за несколько недель до Съезда я сообщил Горбачеву, что не согласен с проводимой экономической и политической реформой, поэтому заявляю о своей отставке.

Но, как бы то ни было, я остаюсь на своих позициях. Считаю, что тот поворот, который сегодня делается, ведет страну к «шоковой терапии», а это остро отразится на жизни народа.

Мы знаем это, например, по Польше. Да, там сегодня все лежит на прилавках, но простому человеку купить не по карману. Насытить рынок таким образом, за счет снижения потребления, большого ума не надо, я мог сделать это в одну ночь: поднять как следует цены — ив магазинах изобилие. Я же сторонник другого: надо найти такое равновесие, чтобы и товары были, и человек мог бы приобрети их.

«Сначала экономику страны развалил, а теперь в российские президенты нацелился».

— Давайте вспомним о том, что происходило в стране в течение пяти лет. Считаю, что первые три года мы развивались нормально. А потом пошла полнейшая неразбериха: и война законов, и забастовочное движение, и нарушение договорных связей…

Да, в целом страна развивалась не так, как хотелось бы, в том числе и мне. Но, как известно, все познается в сравнении. Поживем — увидим, что будет, если победит Ельцин…

«Как вы относитесь к Б.Н. Ельцину?»

— Его я знаю давно, мы вместе с ним работали в Свердловске. Он — в областном комитете партии, я — на заводе.

Я не согласен с его программой по социально-экономическому развитию России, о чем уже сказал. Не понимаю и его поведения, его методы действия. В КПСС он сделал карьеру, дошел до кандидата в члены Политбюро, руководителя столичной партийной организации, а потом стал топтать все, что его воспитало и что он сам насаждал с помощью партийной дисциплины на протяжении двух десятков лет. Это уже не

позиция. А его «война» с Центром? Ему все время кто-то мешает.

И в заключение хочу прямо сказать: «Если меня изберут Президентом России, буду бороться за нее, защищать ее интересы. Но при этом буду проводить линию на сохранение Союза».

Все это говорилось 30 мая 1991 года. Прошли годы. Читатель может оценить мое тогдашнее видение перспектив в случае победы Ельцина. Что-то я мог недооценить, но в целом жизнь подтвердила мои опасения за судьбу народа и государства. Из шести кандидатов я завоевал второе место в президентской избирательной скачке. Крайняя ее поспешность тоже входила в стратегические расчеты команды будущего Президента: не дать народу долго думать. И эта задача была решена…

* * *

Грянул август 1991 года. Он знаменателен тем, что стал переломным пунктом в процессе разрушения СССР. Анализируя те события, можно сделать вывод, что у «путчистов» не было четкой программной цели. В акцию ГКЧП не были вовлечены никакие организованные политические силы. Политбюро не вело никакой деятельности, не принимало никаких документов, «путч» застал штаб партии врасплох. 20 августа в Москве находилось примерно две трети членов ЦК, но секретариат от проведения Пленума отказался. Дела, возбужденные после августа в отношении региональных партийных лидеров и некоторых секретарей ЦК, были закрыты ввиду полной непричастности этих организаций к событиям в Москве. Народ в массе своей остался безучастным к ним, что говорит о его уверенности в том, будто это был политический конфликт между узкими группировками.

И сразу же победившая сторона наносит смертельный удар — по КПСС. Ближайший соратник Ельцина Г. Бурбулис пишет записку Горбачеву:

«В ЦК КПСС идет форсированное уничтожение документов. Надо срочное распоряжение генсека — временно приостановить деятельность здания ЦК КПСС. Лужков отключил электроэнергию. Силы для выполнения распоряжения Президента СССР — генсека, у Лужкова есть. Бурбулис». И на ней резолюция от 23 августа: «Согласен. М. Горбачев».

Вызванный на сессию Верховного Совета РСФСР Горбачев подвергся невероятным унижениям со стороны Ельцина, своего бывшего партийного соратника, который обращался с ним как с нашкодившим учеником. Прямо в ходе заседания сессии под

улюлюканье депутатов, ставших в одночасье антикоммунистами, Ельцин подписал указ о роспуске КПСС.

Все это действо транслировалось по телевидению, передавалось по радио. С этой минуты Горбачева не стало, осталась одна лишь оболочка. Он полностью проиграл эту смертельную для страны игру. Перестройка, объявленная под фанфары шесть лет назад, лопнула, как мыльный пузырь.

В тот же день Секретариат ЦК КПСС принял постановление о том, что «ЦК КПСС должен принять трудное, но честное решение о самороспуске, судьбу республиканских компартий и местных партийных организаций определят они сами».

На следующий день Горбачев согласился с запретом партии и, сложив с себя полномочия Генсека, призвал ЦК самораспуститься. Так он похоронил партию, в которой был с юношеских лет, которая вела его по жизни и с которой он дошел до высшего государственного поста. А разгром партии открывал путь к беспрепятственному уничтожению и нашей Державы.

Кремлевский дворец съездов. 2 сентября 1991 года. В 10 утра открылся внеочередной Пятый Съезд народных депутатов СССР. Первое заседание продолжалось 10 минут. По уполномочию Президента СССР и высших руководителей десяти республик Н.Назарбаев огласил специальное «Заявление». В нем предлагалось подготовить и всем желающим республикам подписать Договор о Союзе Суверенных государств, безотлагательно заключить экономический союз для нормального функционирования народного хозяйства.

Вместо Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР намечалось создать Совет представителей народных депутатов по принципу равного представительства от республик, учредить Государственный Совет в составе Президента СССР и высших должностных лиц союзных республик, а для координации управления народным хозяйством и согласованности проведения экономических реформ — межреспубликанский экономический комитет.

Предполагалось заключить соглашение на принципах коллективной безопасности в области обороны в целях сохранения единых Вооруженных Сил. В Заявлении также высказывалась просьба к Съезду народных депутатов поддержать Обращение союзных республик в ООН о признании их субъектами международного права и рассмотрении вопроса об их членстве в этой организации.

Уже в те часы депутатам стало ясно, что Советский Союз фактически прекращает свое существование. Все прекрасно понимали, что это практически нежизненная конструкция и

предлагается она от безысходности, из-за стремления сохранить хотя бы основы единого государства.

У меня, как и многих депутатов, сложилось твердое мнение, что это был не Съезд победителей, как его представляли падкие до сенсации СМИ, а Съезд побежденных, которые понимали, что страна с ускорением катится под откос, и депутаты своей деятельностью во многом способствовали этому. Большая их часть находилась в угнетенном, я бы даже сказал, подавленном состоянии. Казалось, что мы присутствуем на коллективных похоронах.

В ходе этого необычного Съезда звучали и полезные соображения. Например, Председатель Верховного Совета Украинской ССР Л. Кравчук (один из трех будущих разрушителей СССР в Беловежской Пуще), по существу поддержав идею экономического союза, внес предложение: в целях предотвращения экономического хаоса незамедлительно создать межреспубликанский, межгосударственный орган, совет или комитет, наделить его правами и полномочиями, чтобы он мог обеспечить жизнедеятельность всех отраслей народного хозяйства, а значит, и удовлетворить потребности людей. Он, правда, «постеснялся» напомнить, что ровно год назад — с трибуны Верховного Совета СССР я призывал республики подписать такое Экономическое соглашение на 1991 год, но это предложение, как помнят читатели, было встречено в штыки…

Но за это короткое время Кравчук, да и другие руководители республик почувствовали разрушительные последствия экономического хаоса, который сами и создали в преддверии 91-го года.

Звучали и другие трезвые голоса, к примеру А. Орлова с Южного Урала: как депутат от промышленного региона, он поддерживал создание межреспубликанского органа по регулированию межреспубликанских экономических отношений. «Если этого не будет, — заявил он, — если Съезд не примет данного решения, то такое регулирование возьмет на себя какая-то республика. Или свои проблемы республики будут решать силой, а что это означает, думаю, всем понятно. Республики в отдельности не смогут в ближайшие 10–15 лет обрести свою экономическую самостоятельность».

В целом атмосферу Съезда все же определяла тревога за судьбу общества, растущая угроза общенациональной катастрофы и отсутствие реалистичных предложений по сохранению нашей общей Державы. Помню, например, слова А. Журавлева из Белоруссии: «По чертежам, которые нам предложены проектом Союзного Договора, Союз как страну создать нельзя. Это будет не

страна, это будет не государство… Такой страны, которая предусмотрена этим проектом Союзного Договора, нет и быть не может».

Депутат из Донецкой области А. Саунин предупреждал: «Граждан беспокоит (как они пишут) распад, предстоящий раздел Союза, установление границ, потоки беженцев. Они считают, что наряду с экономическим кризисом это приведет к катастрофе, новым национальным конфликтам, возможно, более тяжелым последствиям».

* * *

Готовя этот материал, я еще раз тщательно изучил стенограмму этого Съезда. Хочу напомнить, что более восьмидесяти процентов депутатов были коммунистами. И только один-два выступающих затронули проблему КПСС. Позволю себе процитировать слова депутата А. Яценко — ректора Новосибирского инженерно-строительного института:

«М.С. Горбачев руководил не только страной, но и был Генеральным секретарем партии. И руководил так, что отдельные работавшие рядом с ним руководящие работники оказались причастными к этому путчу… Это каким же надо быть руководителем, чтобы не знать и не чувствовать, кто твой единомышленник и кто тебя поддерживает! Вы же, Михаил Сергеевич, — Генеральный секретарь партии, ее «капитан», покинули свой «капитанский мостик» в самое тяжелое для партии время, бросили на произвол судьбы ее рядовых членов».

Верховные руководители СССР и РСФСР Горбачев и Ельцин всячески убеждали депутатов, что предложения в «Заявлении» — это веяние времени, выражающее необходимые демократические перемены в жизни страны.

Выступление Ельцина на том внеочередном Съезде партии — это речь победителя, опьяненного успехом. Он заявил, что, как Президент России, он с этими проблемами обязательно справится. Как это у него получилось, известно теперь каждому…

В самом сложном положении находился Горбачев. Ему надо было как-то попытаться сохранить лицо, оправдаться перед Съездом за содеянное — ГКЧП, развал КПСС и государства, анархию в стране. Было очевидно, что он уже давно смирился с предстоящей трансформацией СССР в более аморфное и, следовательно, несопоставимо более слабое образование:

«Свое выступление я заканчиваю выражением глубочайшего убеждения, что сейчас центральный, первый вопрос, который

требует безотлагательного прояснения, — это вопрос о нашей государственности. Не проясним его — не решим и другие вопросы: экономические, политические, социальные, научные, межнациональные и прочие. Я убежден в этом. На референдуме люди выразили свою волю за сохранение и решительное обновление Союза. В ходе Новоогаревского процесса мы вышли на формулу — Союз суверенных государств, и она теперь нуждается в переосмыслении. Давайте переосмыслим!».

Им вторили клевреты: например, Силаев, ставший главой Правительства России. Очумевший от августовских событий и своей новой роли, предлагал без суда и следствия расстрел членов ГКЧП. В своем выступлении этот неофит с удовлетворением заявил: «Да, прежний унитарный Союз умер. Но вот что следовало бы сказать «плакальщикам» по «великой державе»: попытки реанимировать имперский труп все равно что «мертвому припарки», мы будем опираться на другие ценности и другие идеи».

И ценности действительно появились… перекочевав из карманов населения и государства в личные сейфы современных буржуа. И новые идеи появились, вытеснив былые: прибыль любой ценой, деньги определяют все.

Отрезвляющим было выступление Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. Я с удовольствием процитировал бы все его выступление, но ограничусь только отдельными выдержками:

«Уважаемые братья и сестры, народные депутаты! Неизмеримо велика ответственность нашего настоящего внеочередного Съезда. Я призываю всех вас проникнуться чувством этой ответственности не только перед нынешним поколением наших сограждан, ожидающих от нас, их полномочных представителей, слов и решений, которые могли бы вдохнуть оптимизм в смятенные сердца и надежду на справедливое разрешение стоящих перед страной проблем, но и ответственности перед нашими предками, перед теми, кто возводил наш общий дом не на песке произвольных умозрений, не на демагогии, властолюбии, эгоизме и зависти — на камне веры, верности и жертвенной любви. Несть числа этим сынам и дочерям из всех народов нашей страны, которые своими подвигами, жизнью, талантами, умением созидали подлинную славу нашего Отечества.

Велика наша ответственность и перед грядущими поколениями, жизнь которых будет судом нашим словам и нашим поступкам. Основания для будущего заложены в прошлом. А прошлое — это общность, наша историческая общность. Помимо нашей воли она стала неотъемлемой частью наших национальных

традиций. Пренебрегая этим, отрицая, отрекаясь от этого, в сумятице перемен означает подвергать опасности наше национальное будущее. История последних десятилетий дала нам множество прискорбных примеров забвения традиций, печальных последствий такого забвения».

Вот этим напутствием нашего православного духовного лидера я и закончу рассказ об этом внеочередном Съезде народных депутатов. Он стал поминальным колокольным звоном по единой великой Державе, которую наши предки собирали сотни лет.

Через три месяца ее не стало. Не стало, несмотря на предупреждение великих людей современности. В заключение этой скорбной темы я хотел бы привести слова, сказанные несколько десятков лет тому назад нашим соотечественником, знаменитым философом и мыслителем, патриотом Земли Русской Иваном Александровичем Ильиным, прах которого недавно вернулся на Родину — в Россию:

«Россия есть организм природы и духа — и горе тому, кто его расчленяет!.. Горе придет от неизбежных и страшных последствий этой слепой и нелепой затеи, от ее хозяйственных, стратегических, государственных и национально-духовных последствий. И не только наши потомки: вспомнят и другие народы единую Россию, испытают на себе последствия ее преднамеренного расчленения». ибо оно шире и полнее других характеризует состояние мощного государства накануне его трагической гибели:

«Агония (греч.) — борение жизни со смертью, издыхание, отход, лежание на смертном одре, последний час».

Мощный государственный организм умирал трудно — от ран, нанесенных не столько врагами внешними, о которых более не стоит забывать, сколько своими доморощенными предателями, ее главными разрушителями. Эти выродки глумились над телом Державы, не считаясь с тем, что она — Родина и наша общая мать. Они издевались над собственной матерью, забывая о том, что это никогда не простится им в этой жизни.

Безусловно, были и внешние, и внутренние причины, приведшие к развалу Союза ССР. И те и другие, по существу, сливались в своем стремлении ликвидировать СССР как центр притяжения мировых прогрессивных сил, как политический, экономический, военный и духовный противовес Западу, прежде всего США, использующим любые средства для достижения своего безраздельного господства. Именно такому повороту в обратном направлении, когда история объективно, вольно или невольно, способствовали те силы, те конкретные люди в нашей

стране, которые, движимые ненавистью к социализму, своими националистическими взглядами и расчетами, а более всего — безудержной жаждой личной власти, совершили величайшее преступление, уничтожив могучее государство, его общественный строй и ввергнув в нищенское состояние огромную часть населения.

Вспомним же, подводя итоги рассказанному в книге, как это было…

Я уже писал о том, что внеочередным Пятым Съездом народных депутатов СССР в сентябре 1991 года были приняты решения о реформировании государственной власти, которые положили начало реальному разрушению всей системы жизнедеятельности единого государства — Советского Союза. Наступление на Центр приобрело открытый характер. Республики бесцеремонно пренебрегали решениями союзного руководства, структуры, выполнявшие функции управления государством, становились практически недееспособными, Президент Горбачев с каждым днем терял авторитет, а с ним и власть.

В стране происходило то, к чему ее настойчиво вели деструктивные силы в течение последних двух-трех лет. Нельзя сказать, что все это возникло спонтанно и неожиданно. В частности, и моя отставка в конце 1990 года была неизбежным следствием создавшегося тогда положения, того курса политических и экономических реформ, который окончательно выбрали временно «породнившиеся» Горбачев и Ельцин.

Предвидя пагубность и трагические последствия происходившего в стране, 19 декабря 1990 года, менее чем за месяц до своего ухода с поста Председателя Совета Министров СССР (упомяну еще раз об этом), я выступил на Четвертом Съезде народных депутатов СССР. Я решил высказать все, о чем постоянно думал в тревоге за будущее страны и народа. Это было выстраданное выступление, оно стало, повторю, моим политическим завещанием. Учитывая, что в нем выражена моя гражданская позиция, приведу здесь его текст с некоторыми сокращениями:

«Последние недели я неоднократно возвращался к мысли о том, с чем выходить на эту трибуну, если такая возможность будет предоставлена. Ведь судьба правительства в той форме, в которой оно существовало в нашем государстве, предрешена. В соответствии с поправками к Конституции СССР нам предстоит пережить одну из самых радикальных реформ высшей исполнительной власти. Однако мое решение выступить перед вами продиктовано не этим обстоятельством. Я просто не имею права молчать, так как наряду с другими членами политического

и государственного руководства несу огромную ответственность за происходящее в стране. Поэтому буду говорить с предельной откровенностью в расчете на то, что наши соображения, оценки, видение выхода из создавшейся ситуации будут в какой-то мере полезны.

Начну с того, что перестройку в том виде, я подчеркиваю это, в котором она замышлялась, осуществить не удалось. Являясь одним из ее инициаторов, считаю себя, безусловно, ответственным за это. И если смена кабинета могла бы исправить ситуацию, то правительство подало бы в отставку еще в мае этого года.

Но все намного серьезнее. Те политические силы, которые развернули против правительства необъявленную войну, имеют далеко идущие цели, и эти цели прямо вытекают из идеи подмены сути начатых нами преобразований. И как не сводилась эта война в мае текущего года к сбросу правительства, так сегодня она не сводится к войне с Президентом, Верховным Советом и Съездом народных депутатов СССР. Ее главная цель — нанести удар по государству, по общественно-политическому строю, сломать его окончательно. Картой в этой игре становится уже не только Советский Союз в целом, но и многие республики — как большие, так и малые, государственность и общественный строй которых также оказались под самой серьезной угрозой. В такой ситуации я не могу ограничиться только констатацией срыва преобразовательного процесса. Здесь необходим безжалостный анализ не частностей, а всего комплекса причин этого срыва.

В 1985 году мы выдвинули задачу перестройки, содержанием и целью которой назвали обновление социализма, преодоление допущенных деформаций. Но она не удержалась на этой позиции под воздействием деструктивных сил, многие из которых (как сейчас совершенно очевидно) имеют целью изменить характер общественного строя. Это делалось под видом отказа от идеологии социализма, но на самом деле это была замена одной идеологии другой.

…Мы не смогли (да и не знаю, могли ли) в ходе углубления реформы добиться приоритета экономики над идеологией и политикой. Таково общество, в котором мы живем. Можно сколько угодно его критиковать и осмеивать, но нельзя было жить в нем вне его законов, менять его вне понимания его природы, его сути. Приоритет идеологии над экономикой — это не мелочь, не частность, не волюнтаризм, не глупость тех или иных руководителей. Это суть той модели, в которой мы жили, это ее устои.

Характер нашего строя таков, что нынешний кризис экономики порожден не обострением внутренних противоречий в производственной сфере, а очевидным кризисом в области политики, идеологии и управления. Мы пытаемся лечить не болезнь, а ее внешние проявления. Уже сейчас очевидно, что идеология (но уже иная) вновь нависает над экономическими преобразованиями. Под флагом рынка развернулась политическая война. Она лишена серьезного экономического содержания. И в этом смысле наши так называемые левые радикалы от экономики — те же идеологи и пропагандисты, только вывернутые наизнанку. В итоге — критика без берегов, разрушение исполнительной власти, популизм и некомпетентность.

За пять лет все кардинально изменилось: от энтузиазма мы скатились к неверию и скептицизму. Это во многом объясняется размытостью целей и созданием иллюзий о благах, которые могут быть быстро получены. Мы, по сути, не раскрыли модели будущего, не назвали социальную цену, которую придется платить за реализацию данной модели, и не определили, кто ее будет платить, чтобы компенсировать издержки тем, кто их несет. А ведь мировой опыт реформ показывает, что за каждую перестроечную акцию надо платить, что требуется время для создания новых структур.

Созидательный переход в наших условиях возможен только при проведении крайне взвешенных и системных реформ. Масштабы страны и комплекс сложившихся за десятилетия закономерностей не позволяют применить здесь «шокотерапию». Достаточно сделать один неосторожный шаг, лишить общество каких-либо социальных гарантий — и это с неизбежностью вызовет социальный взрыв. Правительство не могло не считаться с этим, за что нас до сих пор обвиняют в консервативности. Но именно исходя из реальности мы вносили свои предложения по оздоровлению экономики и переходу к рынку. Любой проект имеет свою логику. Реформирование обязывается перед обществом не допускать вакуум, заменять сломанные структуры новыми. Что же произошло на деле?

Перестройка сломала многие устоявшиеся структуры — как государственные, так и партийные. Взамен же пока ничего действенного и эффективного не создано. Это прямо отразилось на экономике, где и сейчас нет ни плана, ни рынка. Компенсировать на новой, демократической основе ослабление механизма власти все еще не удалось. Несмотря на то, что в начале года в систему государственной власти страны был введен институт президентства, заметных изменений в стране не

произошло более того, в данный период перестали действовать многие вертикальные структуры исполнительной власти. В этом корень основных бед, приведших к тем негативным явлениям, которые в последнее время стали остро проявляться и в экономике, и в сфере правопорядка, и в межнациональных отношениях, и в моральном состоянии общества.

Все это подтолкнуло к росту питательной среды для преступности, обернулось ее разгулом. На фоне мер по укреплению законности, которую действительно надо было укреплять, развернулась кампания по компрометации, дискредитации честно выполнявших свой долг сотрудников милиции и прокуратуры. Это не могло не повлиять на них, вселяя дух апатии и неверия в справедливость. Если мы не остановим этот маховик, то он может вызвать такую волну преступности, которая сметет все усилия по борьбе с ней. Целенаправленное шельмование коснулось и армии. Звучат призывы к растаскиванию ее по республикам. А ведь история свидетельствует, что наше государство не было мощным до тех пор, пока были разобщены Вооруженные Силы. К армии у нас было особое, уважительное отношение. И здесь недопустима какая-либо дискредитация!

Удары политического и экономического кризиса принимает на себя и наша культура. Полки магазинов, в конце концов, наполнятся. Но не опустошаются ли наши души?

Конечно, мое видение обстановки в стране преломляется через призму экономики, и это естественно. Как известно, Совет Министров СССР является тем звеном управления государством, куда действительно сходятся все информационные потоки. И правительство не по какой-то особой прозорливости, а по своему месту в системе информационного обеспечения в наибольшей степени способно дать целостную картину сложившейся ситуации и ее возможных последствий. Все, что происходило в эти годы в стране, прямо отражается на ее экономике. Политические циклы в развитии общества вызвали такую же цикличность в экономической жизни.

Наглядное свидетельство тому — отличие результатов первых трех лет пятилетки от итогов двух последних лет. Тогда нам удалось выйти на устойчивые темпы экономического роста, существенно продвинуться вперед в решении таких острых проблем, как строительство жилья, школ, больниц. Да и потребительский рынок, несмотря на все издержки непродуманной антиалкогольной кампании, выглядел иначе. В 1989 году резко обозначился водораздел. В экономику ворвались одновременно два фактора: масштабный, не до конца

отработанный переход на новые принципы хозяйствования, поспешность, ошибки в выборе инструмента управления экономическими процессами и резкое нарастание политической, социальной нестабильности в государстве. Экономика не выдержала и ответила спадом. В итоге нам не только не удалось выйти из предкризисной ситуации, а напротив, мы столкнулись с невиданным ранее снижением производства. На сегодня предприятия страны смогли заключить договоры по поставкам продукции лишь на 60 процентов. Для сведущих в экономике эта цифра в подробных комментариях не нуждается. Она означает серьезнейшее разрушение хозяйственных связей, когда возможен сильнейший спад производства со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Если не будут приняты немедленно соответствующие меры, то исходные условия, по нашему мнению, позволяют прогнозировать дальнейшее возрастание социальной напряженности. Трудности, стоящие перед нами, многолики. Они требуют, чтобы мы четко определились в тактике дальнейших действий. Ситуация такова, что надо будет в чем-то остановиться, перегруппировать силы, а в чем-то решительно пойти вперед. Во-первых, необходимо принять решения, позволяющие своевременно предотвратить общесоюзное бедствие. Сразу замечу: сегодня мы уже упустили момент, когда можно было напрямую заняться стабилизацией. Нам придется пройти через механизм экстренного блокирования разрастающегося кризиса, и не надо бояться издержек. Иначе потом их будет несоизмеримо больше.

Разумеется, это вынужденный шаг, зато он позволит избежать непредсказуемых последствий. Это блокирование, прежде всего, касается многих законов, противоречащих Конституции Союза ССР. Следует отказаться от верховенства законов в его примитивном виде, ввести мораторий на забастовочные движения, любые действия, ведущие к нарушению работы единой транспортной системы страны, безоглядное закрытие производств по экологическим причинам, на установление внутренних таможенных барьеров. Пора понять, и жизнь нас, по-моему, уже научила, что может произойти, если не остановить губительный для всех процесс развала дисциплины поставок продукции. Ответственность за это ложится, прежде всего, на тех, кто принимает такие решения. Конкретных предложений много. Надо перестать друг друга уговаривать, а найти согласованные решения и проявить политическую волю для их реализации. На мой взгляд, сегодня это единственный выход.

Особо остановлюсь на задачах в 1991 году. Без

осуществления названных мер мы не сможем не только реально говорить о плане и бюджете на следующий год, но даже принять их в Верховном Совете СССР. Принципиальное значение здесь должно иметь экономическое соглашение на будущий год между республиками, позволяющее заблокировать нарастание кризиса. Только на этой основе мы сможем достичь взаимопонимания и обеспечить согласованные действия по поддержанию жизнестойкости экономики. Это будет временное соглашение. Оно предусматривает сохранение сложившихся хозяйственных связей, проведение в жизнь единых принципов финансовой и налоговой политики, скоординированные действия по реформе ценообразования и социальной защите населения, чему в этих условиях мы придаем первостепенное значение.

В это соглашение обязательно должны войти конструктивные предложения, которые будут высказаны на нашем Съезде. До конца декабря остаются считаные дни, и нельзя допустить, чтобы мы вошли в новый год без решения этих вопросов. Мы надеемся, что в первых числах января Верховный Совет СССР примет решение по плану и бюджету и тем самым откроет возможность для быстрых действий как республикам, так и союзным органам управления.

Далее. Совет Министров СССР, осознавая свою ответственность за нормальное функционирование экономики и социальной сферы, был вынужден пойти на принятие решений, связанных с работой народного хозяйства в первом квартале будущего года. Они направлены на то, чтобы до утверждения плана и бюджета была предоставлена возможность выдавать людям заработную плату и не останавливать предприятия.

Исходя из создавшейся ситуации предприняты также экстренные меры по закупке продовольствия, медикаментов и ряда других товаров и материалов за рубежом, о чем было принято соответствующее решение Союзно-республиканского валютного комитета.

Конечно, и эти решения правительства тоже можно критиковать, как нарушение установленного порядка. Но можно ли было не пойти сейчас на такой шаг, когда от этого прямо зависит работа и повседневная жизнь людей?

Эти и другие меры, призванные заблокировать нарастание кризиса, должны позволить нам войти в режим стабилизации народного хозяйства. Конечно, я понимаю, что эти предложения включают ряд жестких мер в области финансов, денежного обращения, управления инвестициями и потоками материально-технических ресурсов. Но на это придется идти, так как они продиктованы реальной ситуацией в экономике.

Думаю, что любой состав правительственного кабинета в той или иной форме пойдет на их осуществление.

Безусловно, все, о чем я только что сказал, будет возможно осуществить при условии доверия со стороны союзных республик к тому экономическому соглашению, которое ими же будет заключено. Но повторяю, что это соглашение — временная мера. Надо настойчиво продолжать работу над Союзным договором. Затягивать его принятие нельзя ни в коем случае. Откладывание рассмотрения этого вопроса и окончательного решения по нему будет означать, что мы все дальше и дальше отодвигаем возможность достижения гражданского мира и согласия. Конечно, я понимаю стремление представителей некоторых политических течений затянуть подписание нового Союзного договора, «заболтать» его в дискуссиях и в связи с этим наращивать давление на парламент страны и Верховные Советы союзных республик. Они видят, что новый Союзный договор — это прежде всего удар по деструктивным силам, возможность преодолеть межнациональные распри, сохранить целостность нашего государства, обеспечить в нем мир и согласие.

Правительство в последнее время обвиняют в непонимании стремления республик к суверенитету и независимости. Категорически отвергая подобное обвинение, я твердо заявляю, что Совет Министров всегда стоял на позициях уважения к республикам, к их декларациям о суверенитете, видел в них здоровые начала по укреплению политической и экономической самостоятельности, не ущемляющей государственный суверенитет Союза в целом. Это подтверждается практическими действиями правительства. В то же время мы всегда были за сохранение территориальной целостности советской федерации, за сохранение ее социального выбора, единого экономического пространства, за соблюдение всех прав граждан и народов на всей территории Союза.

Мы считаем, что выполнение таких требований — это гарантия предотвращения политических, экономических и социальных потрясений в стране. Здесь нужна твердость. Мы должны были проявить ее раньше, когда только начинался пожар межнациональной вражды в некоторых регионах. Теперь, когда масштабы народного бедствия разрастаются все больше, ставя под угрозу жизнь безвинных людей, может возникнуть необходимость принятия жестких мер, прежде всего в отношении тех лиц и организаций, которые в своих амбициозных порывах готовы идти на все.

Остановиться еще можно, проблема решаема. Ее основы заложены в Союзном договоре. Поэтому повторяю: откладывать

дальше его рассмотрение и принятие аморально и даже преступно. Острота проблемы межнациональных отношений такова, что не принимать сейчас решений нельзя. Забота эта общая, она затрагивает интересы всех республик, и поэтому требуется повысить роль и влияние в этом деле такого коллективного органа, как Совет Федерации.

…Осуществляя такой серьезный шаг, мы должны учитывать, что идем на него в условиях, когда нет Союзного договора, когда обстановка в стране катастрофическая, и здесь надо десять раз взвесить, оценить, чем может обернуться такое радикальное реформирование центральной власти. Не опережаем ли мы тем самым Союзный Договор, который призван расставить все точки над «i» в соотношении властных полномочий и ответственности союзных республик и Центра?

Я не за консервацию нынешней структуры управления экономикой, но и те новации, которые предстоит осуществить, не должны содержать в себе ни малейшего отрыва от существующих реалий.

Особо скажу об отношении между законодательной и исполнительной властью, о необходимости разграничения их функций. Острота проблемы, как показал минувший год, продолжает нарастать. Смешение этих функций, по существу, лишило исполнительную власть всех уровней возможности действовать быстро и энергично. Правительство постоянно обвиняли в нерешительности, отсутствии твердости и последовательности. Но могли ли мы эффективно действовать в рамках своих полномочий, если были поставлены в такие условия, когда приходилось даже в оперативных вопросах постоянно оглядываться на комитеты и комиссии Верховного Совета? Если такая обстановка будет создана вокруг нового Кабинета Министров, то он вряд ли сможет оправдать возлагаемые на него надежды.

Программа предотвращения бедствия в нашей стране должна отбросить все идеологические и политические нюансы. Идейные счеты будем предъявлять друг другу, когда отойдем от края пропасти. Главное сегодня — сделать все для того, чтобы поддержать жизнестойкость народного хозяйства и тем самым оградить человека от тех социальных потрясений, которые все больше и больше обрушиваются на него. В этом сегодня гарантия выживания, гарантия спасения общества. Все, кто объединится вокруг этой идеи, должны действовать сообща. Не сделаем этого — тогда и блокирование разрушительных процессов, и стабилизация экономики останутся пустыми разговорами.

Подводя некоторый итог сказанному, хочу еще раз

подчеркнуть: в стране сейчас нужен порядок, хоть какая-то передышка. Добиваться ее можно и нужно не силой, окриком и принуждением, а конкретной работой, которая будет чрезвычайно сложной и тяжелой. Она потребует огромных усилий воли, настоящей правды в оценках. Только тогда народ поймет и поддержит, только тогда будет результат.

Люди многого ждут от нас, так давайте оправдаем их надежды!»

* * *

Вот такое было мое выступление за девять месяцев до внеочередного Пятого съезда народных депутатов СССР. По этому выступлению можно судить о моей личной политической позиции. Возглавляемое мной союзное Правительство видело пагубность сложившегося положения в стране, и наша задача состояла в том, чтобы еще раз предупредить о надвигающейся катастрофе. Но у меня создалось впечатление, что моя речь ушла в пустоту, часть депутатов была настроена совсем на другую «волну», а большинство уже просто боялось крикливого и агрессивного меньшинства.

Из зала понеслись выкрики: «Что ты нас пугаешь?», «Ты хотел поднять цену на хлеб!» и т. д. Мои последние слова на этом наэлектризованном и, я даже сказал бы, во многом бесноватом и враждебном съезде были: «Сегодня вы кричите о моем предложении поднять цены на хлеб на несколько копеек с полной компенсацией, а о дальнейшей судьбе страны и не думаете».

Перед тем как покинуть трибуну, я бросил в зал:

— Вы еще будете вспоминать это правительство!..

Вспомнили много раз, испытав тяготы ельцинской «райской жизни». Более того, даже предъявляли претензии: почему я тогда не убедил их. А разве не убеждал я народ этим выступлением?..

Пятый внеочередной съезд народных депутатов СССР одобрил предложения, вытекающие из совместного Заявления Президентов некоторых союзных республик и из Постановления Верховного Совета СССР о ситуации, возникшей в стране в связи с государственным переворотом. Был объявлен переходный период — «период формирования новой системы государственных отношений, основанной на волеизъявлении республик и интересах народов».

Постановлением вводилась новая, характерная для сложившейся ситуации правовая норма — «процедура отказа от вхождения в обновленный Союз». Предусматривалось, что для

этого необходимо провести референдум или принять решение республиканского парламента. Требовалось только одно — вступить в переговоры с СССР по всему комплексу вопросов, связанных с таким государственным актом.

В СССР же на переходный период высшим органом государственной власти был объявлен Верховный Совет, весьма отличавшийся от прежнего. Он состоял из двух палат: Совета Республики и Совета Союза. Первый формировался путем делегирования в него союзными республиками как народных депутатов СССР, так и депутатов региональных парламентов. В целях обеспечения равноправия республик каждая из них в этой палате имела только один голос. Совет Союза формировался из числа народных депутатов СССР по существующим квотам и по согласованию с высшими республиканскими органами власти.

Съезд народных депутатов СССР — прежний высший орган государственной власти страны — Пятым внеочередным съездом был ликвидирован. Высшие органы государственной власти союзных республик получили право приостанавливать на их территории действие законов, принимаемых Верховным Советом СССР. Этот принцип имел явно выраженный конфедеративный характер.

Был создан еще один новый высший орган власти Союза — Государственный Совет, состоявший из Президента СССР и высших должностных лиц союзных республик. Компетенция этого органа была сформулирована весьма широко и весьма неопределенно. Тем самым ему была предоставлена почти неограниченная власть, что принижало роль высшего представительного органа — Верховного Совета СССР.

В целях координации управления государственным хозяйством, согласованного проведения экономических реформ был образован на паритетных началах Межреспубликанский Экономический Комитет (МЭК). Его председатель назначался Президентом СССР с согласия Государственного Совета. Этот Комитет явился преемником Комитета оперативного управления народным хозяйством СССР, созданного Указом Президента Горбачева 24 августа 1991 года. Руководителем МЭКа был И. Силаев, заместителем — А. Вольский, членами Комитета — Ю. Лужков и Г. Явлинский.

После Съезда Горбачеву все-таки удалось возобновить замороженный было ново-огаревский процесс. Но, в отличие от предыдущих обсуждений, все проходило уже по-иному: республиканские руководители взяли инициативу в свои руки, а Президент СССР был вынужден занять оборонительную позицию.

Как вспоминал Ельцин в своих «Записках Президента», «…он

шел на уступки, которые до августа всем казались бы немыслимыми, он согласился на то, чтобы будущий Союз стал конфедеративным государством… Ударом для Горбачева стало то, что от ново-огаревского процесса уклонялись одна за другой бывшие союзные республики. Сначала три прибалтийские… затем Грузия, Молдова, Армения, Азербайджан… Да и атмосфера на ново-огарев-ских заседаниях в октябре-ноябре сильно отличалась от той, которая царила на них до путча. Если раньше подавляющее большинство глав республик не смели спорить с Президентом СССР и даже где-то осуждали меня за «чрезмерный радикализм», то теперь они сами уже бросились на Михаила Сергеевича, не давая мне и рта раскрыть».

25 ноября 1991 года в Ново-Огареве состоялось очередное заседание глав республик, которые собрались для парафирования Договора. Но на встречу не приехали руководитель Украины Л. Кравчук и лидер Азербайджана А. Муталибов.

И ельцинские «Записки» продолжают: «Заявление о парафировании заставило руководителей республик внести коренные поправки в текст Договора. Главным образом они касались смещения оставшихся полномочий от Центра к республикам. Президент СССР пытался сначала мягко уговаривать, потом стал нервничать, раздражаться. Его слова не помогали, лидеры республик упрямо требовали все большей независимости от Центра; ни мягкость, ни настойчивость, ни жесткость Горбачева уже ничего не могли сделать с почувствовавшими вкус свободы руководителями союзных республик. Когда Горбачев в очередной раз попробовал настоять на своей формулировке и снова мы все дружно, как один, ее отвергли, он не выдержал — вскочил из-за стола и выбежал из зала заседаний. И именно в этот момент, когда на какое-то время в зале наступила тяжелая, гнетущая тишина, все вдруг поняли: здесь мы собираемся в последний раз. Ново-огаревская эпопея подошла к концу. И в этом направлении движения нет и не будет. Надо искать, придумывать что-то новое».

Через два года в одной из российских газет Горбачев освещает те же события так: «В Ново-Огареве, где возник вопрос о конфедерации, я встал и сказал: до этого пункта я с вами; если пойдете дальше — на отказ от союзного государства, я вас покидаю, а вы сами решайте, какой хотите иметь союз, и берите на себя всю ответственность. И я ушел в свой кабинет. Они поторговались, поторговались — и пришли за мной: Ельцин и Шушкевич. И родился вариант конфедеративного, но все-таки государства — сохранилось союзное государство. В этом я видел гарантию сохранения страны».

В результате в конце ноября 1991 года появился еще более компромиссный вариант проекта Союзного договора — Договора о Союзе Суверенных Государств (ССГ). Каждая республика — участница Союза провозглашалась в нем суверенным государством. ССГ же должен был стать «конфедеративным демократическим государством, осуществляющим власть в пределах полномочий, которыми его добровольно наделяют участники Договора». А дальше полная нелепица: ССГ — это все-таки государство, имеющее территорию, гражданство, органы законодательной, исполнительной и судебной власти, но суверенным оно объявлялось лишь в международных отношениях.

Много других несуразностей было в этом проекте: ССГ, по нему, не имел своей собственности, полномочиями его наделяли республики, порядок финансирования органов Союза устанавливался особым соглашение и т. д. И уж совсем за пределами логики: у запроектированного государства не было своей Конституции, Основного Закона…

* * *

Сейчас трудно даже представить, что некоторые руководители страны и союзных республик, прекрасно понимая, что, «кастрируя» один за другим проекты Договора, целенаправленно готовили разрушение своего государства. Это была дымовая завеса, прикрывавшая их истинную цель — любой ценой развалить СССР, чтобы стать совершенно самостоятельными. Очень уж хотелось им быть полновластными хозяевами в своих республиках, и во имя этого они шли, по существу, на государственные преступления. Но они не осознавали, что подобное может произойти и внутри их будущих суверенных государств. Кстати, именно это и произошло в России, после предложения Ельцина — «Берите суверенитета столько, сколько проглотите». Многие годы пришлось потратить для нейтрализации этого регионального «глотания», еле спасли и Россию от разрушения.

Но как мог пойти на такой убийственный для страны компромисс Горбачев? Сейчас он везде заявляет, что боролся за единство страны в любом ее виде. Полагаю, что это лукавство: не такой он наивный политик, чтобы, создавая эфемерный Союз, считать реальным его существование. Да и пример Югославии с подобными структурами власти и формой взаимоотношения между республиками был более чем нагляден. Что же двигало нашим тогдашним лидером? Стремление хотя бы номинально

сохранить положение главы государства? Или были не только личные, но и действительно политические мотивы и расчеты? Убедительного ответа нет.

Как бы то ни было, но в результате наступил паралич государственной власти. Политические руководители всех рангов разрушали страну, бились за свои посты, совершенно не думая о народе, о его хлебе насущном. Наступила полная дестабилизация обстановки и потеря управляемости государством, о чем я и предупреждал страну в декабре 1990 года в своем выступлении на Четвертом Съезде народных депутатов СССР.

В этой ситуации 3 декабря 1991 года Горбачев направил Обращение к парламентариям страны. Призывая к одобрению Договора о Союзе Суверенных Государств, он писал:

«Этот документ — продукт всестороннего, очень серьезного анализа, длительных переговоров и тщательной проработки с участием представителей суверенных государств. Им не раз занимались руководители суверенных государств-республик, вместе и раздельно. Он несколько раз кардинально пересматривался в сторону расширения начал конфедеративности и демократичности.

…Моя позиция однозначна. Я — за новый Союз, Союз Суверенных Государств — конфедеративное демократическое государство. Хочу, чтобы в преддверии вашего решения эта моя позиция была всем хорошо известна. Медлить далее нельзя. Время может быть катастрофически потеряно».

Но оно уже было потеряно. До Беловежской Пущи оставалось пять дней…

8 декабря 1991 года недалеко от малоизвестного белорусского селения Вискули в Беловежской Пуще, в трех верстах от польской границы, Президент РСФСР Б. Ельцин, Президент Украины Л. Кравчук и Председатель Верховного Совета Республики Беларусь С. Шушкевич в глубокой тайне приняли решение о ликвидации СССР и создании Содружества Независимых Государств.

«Мы, Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР), Украина, как государства — учредители Союза ССР, подписавшие Союзный Договор 1922 года, далее именуемые Высокими Договаривающимися Сторонами, — говорилось в Соглашении, — констатируем, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование».

Что же предшествовало этому, на мой взгляд, величайшему в истории человечества преступлению, кто и как его осуществил?

Свою взрывчатку для уничтожения СССР беловежские заговорщики, подобно террористам, готовили заранее. И главную

роль в этом сыграл, безусловно, Ельцин. Его личная ненависть к Горбачеву быстро переросла в ненависть к союзному Центру вообще. Утолить ее он мог только «свалив» Горбачева и союзную власть в целом, для чего необходимо было уничтожить само государство, во главе которого по своим политическим и человеческим качествам Ельцин не мог оказаться ни при каких условиях. Думаю, что это было понятно ему самому, даже при его патологическом самолюбовании и безудержной жажде власти. И сформированная Съездом народных депутатов РСФСР Конституционная комиссия во главе с Ельциным уже в сентябре — октябре 1990 года представила такой проект новой Конституции РСФСР, в котором не было вообще никакого упоминания о Союзе Советских Социалистических Республик. Было это более чем за год до уничтожения СССР. Случайными такие вещи не бывают.

* * *

В этой связи не могу не вспомнить и о своей последней встрече на официальном уровне с Ельциным, Хасбулатовым и моим бывшим заместителем Силаевым. В дальнейшем жизнь разбросала ее участников, включая Горбачева, не только в разные — в противоположные стороны. Тогда, 11 ноября 1990 года, Горбачев позвонил мне и сообщил, что у него имеется договоренность о встрече во второй половине дня с руководством России. Сначала пройдет беседа один на один с Ельциным, а затем к ней подключатся и другие. От разговора с Горбачевым оставалось впечатление, что то, как она организована, уже тогда напоминало дипломатическую процедуру при подготовке контактов руководителей двух независимых государств. Я не был против такой встречи, ибо считал необходимым использовать любую возможность для того, чтобы попытаться найти общий язык с этими деятелями. Еще теплилась надежда: не пойдут же они ради своих личных политических целей на разрушение единой экономики страны с неизбежными тяжелейшими последствиями для нее…

Встреча намечалась в кабинете Президента страны на третьем этаже правительственного здания в Кремле. Этот кабинет, зал заседания Политбюро и несколько комнат работников аппарата были специально оборудованы для Брежнева. Во второй половине 70-х годов, начав быстро дряхлеть и, естественно, отходить от фактического руководства партией и государством, он окончательно избрал своим рабочим местом

этот кабинет.

В пять часов я поднялся на третий этаж. В приемной Президента уже были Хасбулатов, Силаев и Бурбулис. Последнего я практически не знал. Мне было известно лишь, что он из Свердловска и является особо доверенным лицом у Ельцина. Видел этого человека на Съездах народных депутатов, сессиях Верховного Совета страны. Здесь же я впервые непосредственно столкнулся с ним, сыгравшим, на мой взгляд, одну из роковых ролей в жизни страны. Придет время, и найдется дотошный историк, который нарисует его нелицеприятный портрет. Ну а пока передо мной стоял, вернее, вертелся человек с бегающими глазами. Не знаю, почему он был в тот момент в приемной, но на встречу в расширенном составе его не пригласили.

Кабинет Президента и одновременно Генерального секретаря ЦК КПСС летом претерпел изменения. Вместо традиционной обстановки служебных кабинетов того времени появилась новая, стильная мебель. На стене четко выделялся герб СССР, в углу, за письменным столом, — флаг страны. За отдельным столиком, который больше годился для чаепития, расположились с одной стороны — Ельцин, Хасбулатов, Силаев, с другой — Горбачев и я. Лукьянов не присутствовал в связи с какими-то срочными делами.

Горбачев проинформировал вновь пришедших о том, что они с Ельциным рассматривали вопросы целостности страны, реформирования Центра, опасности для России сепаратистских действий автономных республик (пример союзных был ведь налицо!), участия союзных республик в работе центрального Правительства, а также экономические вопросы РСФСР. Этот перечень затронутых тем я по привычке записал в свой блокнот.

Запомнилась атмосфера этого заседания. Собравшиеся не были единомышленниками в решении государственных задач, это были люди, явно несовместимые в своих взглядах и устремлениях. Ельцин разговаривал высокомерным тоном, как победитель с побежденным. Жесты, мимика, все поведение руководителя России не вызывали сомнения, что эта встреча используется им не для поиска общего языка во взаимоотношениях крупнейшей республики и центральной власти, а имеет целью лишь продиктовать ей свои условия. Хасбулатов занимал более нейтральную позицию, по-видимому, понимая как ученый-экономист абсурдность требования своего лидера. Силаев же с подобострастием ловил взгляд своего нового шефа и полностью соглашался со всем, что тот говорил.

Начали с системы и величины федерального и республиканского налогообложения. Российское руководство

стало настаивать на так называемой одноканальной системе, согласно которой все налоги собираются в республике, а Центру отдается только малая часть для финансирования общесоюзных нужд. Что же это за нужды, никто по существу сказать не мог. Забегая вперед, скажу, что прошло немного времени, и автономные республики России взяли на вооружение этот разрушительный для любой федерации принцип. И с какой яростью это стало отвергаться Ельциным и его командой! Но в тот момент, в конце 1990 года, они преследовали главную цель — разрушить СССР, а что потом будет с той же Российской Федерацией, видимо, их тогда мало беспокоило.

Мои доводы о том, что при существующей структуре распределения властных полномочий Союза и республик такие финансовые соотношения нереальны и, более того, вызовут хаос в управлении государством, были проигнорированы.

Дальше пошло еще «интереснее». Были выдвинуты требования, чтобы доходы от внешнеэкономической деятельности целиком оставались в республике, что в распоряжение России следует передать 50 тонн золота, предоставить ей право выдавать лицензии на экспорт сырья, материалов и другой продукции и т. д. На вопросы, будут ли централизованно закупаться для всех союзных республик продукты питания, зерно, некоторое сырье, особенно для легкой промышленности, кто будет погашать наступающие по срокам платежи внешней задолженности, вразумительного ответа не было. Предложение о том, чтобы эти проблемы рассматривались при подписании нового союзного договора с перераспределением функций между Центром и республиками, также осталось без внимания.

На мое предложение прекратить начавшуюся войну банков, разрушение единой финансовой системы страны ответы были на уровне лозунгов: Россия-де объявила о своем суверенитете и верховенстве республиканских законов и выдвинутые требования вписываются в ее новую роль.

Обсудили еще несколько второстепенных вопросов и в заключение, как обычно делают в подобных ситуациях, создали комиссию двух Совминов — СССР и РСФСР. Им поручили рассмотреть вопросы разделения собственности, организации налоговой и банковской систем, внешнеэкономической деятельности.

* * *

Встреча оставила у меня самое тягостное впечатление. По

главным вопросам, определявшим жизнь страны в следующем, 91-м году и в перспективе, так и остались принципиальные разногласия. Было очевидно, что наши собеседники ставили перед собой задачу экономически взорвать Союз, вызвать еще большее недовольство народа центральной властью и на этой волне укрепить свои политические позиции. Конфронтация России с Центром приобретала все большую остроту. Страна катастрофически быстро становилась аморфной и неустойчивой. Попытки Горбачева и его окружения хоть как-то стабилизировать положение парализовались явным саботажем и прямым противодействием со стороны руководителей России и других республик. Это продолжалось на протяжении почти всего 1991 года.

В конце концов, М. Горбачев все же договорился о встрече 9 декабря 1991 года с Б. Ельциным, Л. Кравчуком, Н. Назарбаевым и С. Шушкевичем, с тем чтобы подписать новый Союзный договор и определить порядок и дату его подписания другими республиками, которые пожелают к нему присоединиться.

На мой взгляд, сам по себе подготовленный проект этого договора о создании ССГ был, используя ленинскую характеристику другого, Брестского договора, «похабным», но «угроза» его подписания стала спусковым крючком для окончательного решения о ликвидации СССР. Поначалу, правда, все выглядело довольно безобидно. Шушкевич, по совету главы правительства Белоруссии Кебича, пригласил Президента России посетить республику с официальным визитом (а неформально — поохотиться в Беловежской Пуще) с целью уговорить Ельцина дать Минску побольше энергоносителей — газа и нефти, в связи с приближением зимы.

Перед отъездом Ельцина в Минск, по воспоминаниям Горбачева, у них состоялся такой разговор:

«Я спрашиваю Ельцина: о чем будете говорить в Белоруссии? Он отвечает: «У меня есть общие вопросы с белорусами. Я хочу их решить. Заодно переговорю с украинцами. Сюда Кравчук ехать не хочет, а туда прибыть согласен».

Я ему напоминаю: «Мы ведь в понедельник должны встретиться и приглашаем Кравчука». Он отвечает: «Поговорим с белорусами, послушаем Кравчука и т. д.». Тогда я говорю: «Давай, Борис Николаевич, договоримся, что на встрече в Белоруссии вы не выходите за рамки того, что есть в Союзном договоре». Ельцин отвечает: «А Кравчук может на договор не пойти — он же теперь независимый». «Тогда предложите ему стать ассоциированным членом», — говорю я. Ельцин замечает: «Но он и на это может не согласиться». «В таком случае будем все решать здесь, в Москве, в

понедельник», — подытоживаю я.

Вот такой доверительный состоялся разговор, от которого Ельцин и сам не отказывается».

Нужно сказать, что в тот момент решающей фигурой был Кравчук, именно от него зависела судьба великой Державы. Через несколько месяцев в своем интервью он подтвердил это: «Если бы я сказал, что Украина подпишет Союзный договор, Ельцин тоже подписал бы его». Но в Вискулях националистический запал и честолюбивые амбиции, желание войти в историю на правах первого Президента «самостийной» Украины взяли верх. Позиции украинского и российского Президентов совпали в своем разрушительном замысле и сыграли роковую роль в судьбе Союза.

Встреча в Беловежской Пуще проходила в обстановке строгой секретности, и многое из проходившего там стало известно только позднее.

Самолет с российскими разрушителями СССР взял курс на Минск 7 декабря в 17.40. В Вискули приехали вечером. Кравчук был уже там и, не дождавшись Ельцина, отправился со своей свитой на охоту. По приезде Ельцина состоялось застолье. Разгоряченная беловежскими напитками, уже вся троица совершила общий выход на охоту, после которой заговорщики дали подчиненным задание: за ночь «родить» документ с политическим решением судьбы СССР.

С российской стороны над документом работали (запомните их имена!) Г. Бурбулис, С. Шахрай, Е. Гайдар, А. Козырев и В. Илюшин.

Рождение неправедного приговора нашей стране началось «с чистого листа», каких-либо заготовок, вроде бы, ни у кого не было. Приведу некоторые детали, характеризующие происходившее по книге А.Д. Шутова «На руинах великой Державы».

«Текст коллективно сочиняемых российско-украинско-белорусских Беловежских соглашений писался от руки сведущим в юридических делах С.Шахраем, затем, из-за его «корявого» почерка, переписывался Гайдаром. При этом ни у одного из сочинителей не пробудилась гражданская совесть, никому не вспомнились защитники Брестской крепости, хотя неподалеку от нее вершилось пакостное дело. Не поднялись ни Шахрай, ни внук легендарного Аркадия Гайдара с гневным протестом, не защитили Родину, не заслонили ее собою. Не вошли в историю как герои, а опозорили себя и род свой соучастием в непрощаемом грехе.

Готовился документ в обстановке цинизма и холодного

равнодушия к происходящей драме. Чего стоит, к примеру, обсуждение «ритуального» вопроса после завершения проекта «бумаги»: как пить — за все соглашение сразу, постранично или построчно? И уже в четыре часа утра послали Козырева подсунуть родившийся текст под дверь комнаты, в которой спала машинистка. Но «министр» заплутал и сунул бумагу под дверь коржаковского охранника. Тот, спустя какое-то время, обнаружил «бумагу», покрутил ее в руках, пытаясь понять, что это такое. Но, увидев, что в ней написана какая-то галиматья, скомкал ее, пошел в туалет и бросил в корзину для использованной туалетной бумаги. Поэтому утром сочинители в большой тревоге стали искать «пропавшую грамоту»: уж не проделки ли это нечистой силы или, того хуже, КГБ? Машинистка уверяла, что под дверью ничего не было. Искали по всем углам, лазали под кровать — ничего. Потом все-таки отыскали «эпохальный» документ, извлекли его из мусорной корзины и коллективно вручили машинистке. Вот так вершилось событие, изменившее ход мировой истории.

Днем 8 декабря, в воскресенье, президенты ознакомились с текстом, затем уселись на дешевые табуретки за двумя сдвинутыми типовыми «общепитовскими» столами облегченной конструкции, поставили перед собой по государственному флажку и со скучными, смурными лицами в 14 часов 17 минут скрепили подписями машинописный текст исторического документа, которым извещали мир, что «Союз как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование».

Совершив государственное преступление, заговорщики, боясь ареста, испытывали животный страх, которого не мог заглушить даже изрядно потребляемый алкоголь. «Мы смертники, — с тревогой говорил Ельцин. — Если ничего не получится, уйдем в отставку».

Верховная власть имела и законное право, и реальную силу, чтобы решительно и быстро нейтрализовать сепаратистскую выходку и, используя ситуацию, резко повернуть руль управления страной в сторону действительного восстановления политической стабильности. Народы СССР были бы за такие акции. Ведь только националистически настроенная верхушка некоторых союзных республик — и то не вся — да продажные до мозга костей «агенты влияния» Запада хотели развала Союза.

Опасения за свои шкуры побудили сепаратистов сделать первый звонок министру обороны СССР Е. Шапошникову. Чтобы обеспечить себе безопасность, Ельцин, при согласии Кравчука и Шушкевича, объявил о его назначении главнокомандующим

объединенными вооруженными силами СНГ.

Затем, в расчете на поддержку «в случае чего» извне, Ельцин срочно доложил о содеянном американскому Президенту Дж. Бушу (старшему). «Сегодня в нашей стране произошло очень важное событие, и я хотел бы лично проинформировать Вас, прежде чем Вы узнаете об этом из печати», — торжественно произнес Ельцин. Он подчеркнул, рассказывает Буш в своих мемуарах, что «Горбачев еще не знает этих результатов». А завершил разговор Ельцин уж совсем по-холуйски: «Уважаемый Джордж, я заканчиваю. Это чрезвычайно, чрезвычайно важно. Учитывая уже сложившуюся между нами традицию, я не мог подождать даже десяти минут, чтобы позвонить Вам».

По-моему, в этом разговоре, как в зеркале, отражается все ничтожество Ельцина — человека и государственного деятеля, всегда готового к любой подлости, интриге и предательству ради своих личных интересов.

В связи с тем, что через пятнадцать лет один из бывшей троицы — Шушкевич утверждает, что там не были пьянки, я приведу снова отрывок из книги А.Д. Шутова:

> «Затем состоялся праздничный обед, во время которого Ельцин, ободренный словами Буша, сказанными ему по телефону (идея «панславянского государства» ему нравится), надрался настолько, что ни о какой пресс-конференции, назначенной на 17 часов, не могло быть и речи. Она состоялась только в два часа ночи, причем Ельцина не сразу привели в чувство. Потом банкет, где Ельцин вновь быстро «дошел до кондиции», упал на ковер и облевался».

* * *

Совершив свое коллективное злодеяние, далеко не святая троица (да будут прокляты имена этих преступников и их подручных во веки веков!) поспешила задним числом оправдать его в своем Заявлении. Они отметили, что подготовка нового союзного договора зашла в тупик, не сказав, правда, что они ее туда и завели. Ну и, конечно, добавили, что недальновидная политика Центра привела к экономическому кризису, к развалу производства, катастрофическому понижению жизненного уровня населения. На самом деле до 1989 года страна развивалась динамично. Но затем именно разрушительные действия тех, кто поставил своей целью изменение общественного строя и

разъединение государства, начали играть все более негативную роль.

Я пережил эти годы, будучи главой Правительства СССР, и могу сказать, что на моих глазах происходило сознательное уничтожение экономики страны. Снижение жизненного уровня народа с тем, чтобы восстановить его против центральной власти, — вот что было первостепенной задачей этой публики. Все делалось по принципу «Чем хуже — тем лучше», ибо только таким путем эти люди могли проложить себе путь к вожделенной политической власти. Из Заявления троицы разрушителей страны складывалось впечатление, что высшие органы управления и руководители республик стояли в стороне, не принимая никакого участия в подрывных акциях. «Забыты» были и объявленное ими верховенство республиканских законов над союзными, и введение запрета на право вывоза товаров за пределы республик, и обособленное регулирование цен. Именно такие сепаратистские решения руководителей республик размывали единое экономическое пространство.

Впопыхах и по пьянке подписывая свой документ, лидеры трех республик даже в межнациональных конфликтах умудрились обвинить тот же Центр! И здесь, как и во многом другом, жизнь не раз ткнула их носом в содеянное: разрушение многонациональной семьи народов и «разъезда» ее членов по национальным квартирам резко обострили напряженность, породили споры о границах между бывшими союзными республиками и внутри них: Грузия — Абхазия и Южная Осетия; Молдавия — Приднестровье; Украина — Крым; Россия — Чечня — вот только некоторые из примеров затяжных, тяжелых и даже кровавых конфликтов, от которых страдает население отделившихся друг от друга государств.

Ельцин так спешил выбить кресло из-под Горбачева, что вообще не стал обсуждать многие жизненно важные для России вопросы. Да и сама полулегальная обстановка и фактор времени, точнее неожиданности, не располагали к этому. Ведь затяни они подписание своих документов, Центр обеспокоился бы и весь заговор мог провалиться. Впрочем, боюсь, что у Горбачева решимости на это не хватило бы. Так или иначе, но, например, совершенно не были защищены права русскоязычного населения в бывших союзных республиках. Обойдена была и проблема внешнего долга страны, составлявшего к тому времени 70 млрд. долларов. Это тяжкое бремя Ельцин взвалил на плечи лишь одной обессилевшей России, несмотря на то, что заемные средства использовались всеми республиками. А, скажем, вопрос о Крыме можно было выпустить из поля зрения только спьяну или просто

не имея царя в голове.

Вот что рассказал об этом Кравчук через восемь лет после разрушения Советского Союза при получении награды за то, что в Беловежье «отстоял Крым за Украиной». По его словам, сохранить Крым за Украиной «было легко: Ельцин сильно ненавидел Горбачева и для того, чтобы его убрать, он готов был пол-России отдать, а не то, что Крым». Насколько сейчас известно, у украинской делегации, когда она ехала в Беловежскую Пущу, не было сомнения: Россия будет стремиться оставить Севастополь своим городом. Они были готовы согласиться, чтобы и Крым отошел к России. Однако каково же было их удивление, когда Ельцин ни разу даже не упомянул слова «Севастополь», «Крым». Ну а о том, насколько остра эта проблема для России и для большинства населения Крыма, до сих пор и в перспективе говорить не приходится.

В общем, несть числа проблемам, возникшим при разрушении веками создававшегося государства с его спецификой, сложившимися политическими и экономическими отношениями, своими традициями.

Итак, государственный переворот свершился.

Через четыре дня после событий в Беловежской Пуще, 12 декабря 1991 года, Комитет Конституционного надзора СССР отреагировал на Заявление глав трех государств и Соглашение о роспуске СССР с точки зрения законности этих актов.

Было указано, что, в соответствии с Союзным договором 1922 года, Белоруссия, РСФСР и Украина, являясь одними из учредителей СССР, вместе с тем никакого особого статуса и каких-либо дополнительных прав по сравнению с остальными союзными республиками не имели. С того времени в конституционном законодательстве СССР стал действовать принцип равноправия союзных республик. Следовательно, Белоруссия, РСФСР и Украина были не правомочны решать вопросы, касающиеся прав и интересов всех республик, входящих в Советский Союз, тем более что те составляли значительное большинство. Комитет сделал вывод, что данные акты не имели обязательной юридической силы. Кроме того, Комитет подчеркнул, что статьи принятого в Беловежской Пуще Соглашения могут привести к подрыву правопорядка, к неуправляемости общества и анархии. По мнению Комитета, принятые акты могли рассматриваться лишь как политическая оценка сложившейся в стране ситуации и, естественно, не имеющие юридической силы.

Но ни эти выводы, ни неоднократные заявления по этому поводу Президента Горбачева не возымели никакого действия.

Процесс разрушения единого государства продолжался и вскоре был «успешно» завершен.

Подписания Беловежских соглашений было недостаточно, чтобы легитимно зафиксировать факт ликвидации СССР со всеми вытекающими политико-правовыми последствиями. В первую очередь требовалось правовое подтверждение Соглашения о создании Содружества высшими законодательными органами государственной власти России, Белоруссии и Украины. Без ратификации эти документы не обладали политической силой. В спешке разработчики соглашений и их подписанты даже не отметили необходимость такого подтверждения и не определили, в какой форме это должно произойти. Все зависело от того, в каком качестве рассматривалось Беловежское соглашение: то ли как межреспубликанский договор трех субъектов Союза ССР, либо как «международный» договор между двумя уже объявившими себя «независимыми» государствами — Украиной и Белоруссией, с одной стороны, и субъектом Союза, в состав которого на тот момент еще входила Россия, — с другой, или же как международный договор, заключенный тремя суверенными государствами.

Руководство Украины первым начало форсировать ратификацию Беловежского Соглашения. 10 декабря 1991 года в повестку дня Верховного Совета республики был внесен вопрос о ратификации Соглашения. С самого утра вопрос переносился с одного часа на другой — у постоянных депутатских комиссий было множество замечаний по тексту. Их необходимо было обсудить с руководством Белоруссии и России. Только к вечернему заседанию парламента Кравчук смог все это согласовать.

Его речь продолжалась около получаса. Он обвинил Центр в развале страны, в намерении вновь сконцентрировать власть в своих руках. «Кому-то хочется нас учить, — сказал Кравчук, — и заботиться о нашем народе больше, чем он сам».

Верховный Совет Украины без обсуждения, 288 голосами против, ратифицировал Соглашение, но с оговорками. Они состояли из 12 пунктов и скорректировали многие статьи документа. Например, «открытость границ» была сужена и сопровождалась отсылкой к будущим актам. Беловежским (его называют также Минским) Соглашением предусматривалась «координация внешнеполитической деятельности», а киевским вариантом — лишь «консультации в области внешней политики». Существенное дополнение содержалось в формулировках о Вооруженных Силах. Парламент Украины добавил слова: «Государства — члены Содружества реформируют размещенные

на их территориях группировки Вооруженных Сил бывшего Союза ССР и, создавая на их базе собственные Вооруженные Силы, будут сотрудничать в обеспечении международного мира и безопасности…». Речь шла, таким образом, о разделе Вооруженных Сил СССР между республиками. Воспользовавшись этим, Кравчук объявил себя Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами республики в составе трех военных округов и Черноморского флота, оставив в центральном подчинении лишь стратегические силы.

Беларусь юридически оказалась в несколько более сложном положении в связи с ратификацией Минского Соглашения. Дело в том, что, в отличие от Украины, референдум о независимости здесь не проводился, что делало позицию республики более уязвимой с правовой точки зрения. 10 декабря состоялась сессия Верховного Совета Беларуси. После краткого сообщения Председателя Верховного Совета Шушкевича об итогах работы трех глав республик в Беловежской Пуще в парламенте неожиданно выразили, по разным причинам, свои сомнения в том, надо ли утверждать соглашение о Содружестве, и «левые», и «правые». Первые опасались «хитро поставленной ловушки», которая, по их мнению, неизбежно заведет Содружество в прежнее унитарное государство. Вторые же имели в виду прямо противоположное — Содружество, полагали они, означает окончательный развал Союза и вызовет великий хаос в стране. Некоторые депутаты упрекали Шушкевича, подписавшего Соглашение, в превышении власти. И все же, несмотря на то, что первоначально вопрос стоял лишь об одобрении концепции Содружества, многие депутаты потребовали немедленно ратифицировать Минское соглашение. Эта позиция победила при поддержке 263 депутатов, при одном «против» и двух «воздержавшихся».

Верховный Совет республики также денонсировал Союзный договор 1922 года и принял закон о мерах, связанных с этим фактом.

* * *

В самом же сложном правовом положении в связи с ратификацией Соглашения находилась РСФСР, власти которой не обладали никакими основаниями для подтверждения на законодательном уровне этого документа, подписанного в Вискулях Ельциным и Бурбулисом. Единственным органом, который мог принять законное решение, как по Соглашению, так

и по денонсации Союзного договора, был только и исключительно Съезд народных депутатов РСФСР — высший орган государственной власти республики. Причем для этого было необходимо принять изменения и дополнения в Конституцию РСФСР. Но такой вариант был неприемлем для сторонников ликвидации СССР, так как они не имели квалифицированного большинства среди народных депутатов РСФСР. Поэтому Беловежское соглашение представили как «международный договор РСФСР», ратификация которого, согласно Конституции, входила в компетенцию Верховного Совета республики. Таким же образом преподнесли и Союзный договор 1922 года, что и позволило денонсировать его. И то и другое произошло на заседании Верховного Совета РСФСР 12 декабря 1991 года.

В тот день с докладом выступил Ельцин. Переговоры в Белоруссии он охарактеризовал как «закономерное следствие тех процессов, которые развивались в течение последнего времени». Еще два года назад, сказал он, стало ясно, что «союзные структуры не способны к коренному обновлению. Наоборот, свои последние жизненные силы командная система бросила на сохранение своего всевластия, стала главным препятствием реформ». Ельцин подверг критике все разработанные проекты Союзного договора. «В них, — утверждал он, — по сути дела, протаскивалась все та же модель Союза с сильным центром. Принцип суверенности республик признавался лишь в качестве декоративного украшения… Только в апреле в Ново-Огареве был сделан, наконец, шаг навстречу реальности, республики были готовы пойти на компромисс и подписать Союзный договор… После августа распад Союза ССР вступил в последнюю стадию, началась его агония… А в это время мы буквально стали тонуть в бесконечных переговорах и согласованиях, широких и узких обсуждениях, консультациях. Все это приобрело характер какой-то дурной закономерности…

Три республики, которые были в числе учредителей СССР, приостановили процесс стихийного, анархического распада… Была найдена единственно возможная формула совместной жизни в новых условиях — Содружество Независимых Государств, а не государство, где никто не имеет независимости».

Ельцин подверг критике утверждение, что в Беловежской Пуще лидеры трех республик «ликвидировали Союз ССР». «Союз, — сказал он, — уже не способен играть позитивную роль по отношению к бывшим его членам. Мировое сообщество стало считать его банкротом… Только Содружество Независимых Государств способно обеспечить сохранение складывающегося веками, но почти утраченного сейчас политического, правового и

экономического пространства… Положен конец главному препятствию к этому — союзному центру, который оказался неспособным освободиться от традиций прежней системы, главная из которых — присвоенное право командовать народами, сковывать самостоятельность республик».

Голоса критиков Соглашения на сессии были редки. Залом владела какая-то эйфория беспредельной суверенности. Итоги поименного голосования по ратификации Минского соглашения были такими: «за»— 188, «против» — 6, «воздержались» 7 депутатов. После оглашения результатов голосования в стенограмме сессии появилась запись: «Бурные аплодисменты. Все встают». Так были «узаконены» государственный переворот и разрушение нашего великого государства.

Конечно, можно было бы критически разобрать каждый пункт выступления Ельцина, но лучше и убедительнее всего оценку и сказанного, и, главное, содеянного им, его подельниками и прихлебателями дала жизнь: после уничтожения СССР во всех без исключения республиках наступил политический и экономический хаос. Миллионы и миллионы людей заплатили и продолжают платить чудовищную цену за преступления своих лидеров и за свою политическую слепоту и доверчивость…

В марте 1996 года в повестку дня очередного заседания Государственной Думы России был предложен для рассмотрения вопрос о денонсации Беловежского соглашения. Проект постановления по этому вопросу внесли фракция КПРФ и две депутатские группы — «Народовластие» и «Аграрная».

При обсуждении повестки дня, как и следовало ожидать, против рассмотрения данного вопроса выступили те, кто несколько лет назад поддерживал Ельцина в его разрушительных действиях. Среди них были руководитель фракции «Яблоко» Г. Явлинский, руководитель проправительственной фракции «Наш дом — Россия» С. Белов, Г. Старовойтова и С. Юшенков. И тем не менее за включение этого вопроса в повестку проголосовало 57 процентов депутатов.

* * *

В то время я возглавлял в Государственной Думе депутатскую группу «Народовластие» и, естественно, считал необходимым выступить по этому важнейшему политическому вопросу с парламентской трибуны, чтобы не только выразить свою гражданскую позицию, но и попытаться повлиять на принятие крайне необходимого решения по денонсации преступных

Беловежских соглашений. Некоторую часть этого выступления хотелось бы предложить вниманию читателя:

«При всей значимости вопросов, которые уже рассматривал и еще будет рассматривать наш парламент, нет более важного и ответственного, чем вопрос единства народов Советского Союза. Распад великого государства продолжает терзать умы и души десятков миллионов людей, и не будет преувеличением сказать, что его последствия будут определять судьбу нашей страны на длительную историческую перспективу. Сегодня мы уже в состоянии не на основе наших прогнозов 1990 года, а исходя из горького опыта последних лет заявить, что развал Советского Союза стал подлинной трагедией не только для России, но и для всех народов, входивших в состав Союза. Эйфория суверенитетов испаряется под напором жизненных реалий. С распадом страны ситуация в экономике и политике приобрела крайне нестабильный и противоречивый характер. Существенно ухудшилось геополитическое положение России, оказавшейся отодвинутой на восток. Даже больше половины морских портов, за которые Россия боролась столетиями, мы потеряли. Петр Первый, Екатерина Вторая (оба Великие), да и другие, перевернулись бы в гробу, узнай они о наших деяниях. Образование Содружества Независимых Государств, заключение между его участниками Договора об экономическом союзе и многочисленных соглашений, предусматривающих сохранение общего экономического пространства и прозрачных границ, отказ от торговых барьеров, восстановление хозяйственных связей на деле оказались пустым звуком. И все заверения «отцов Беловежья» явились явным обманом, и в этом деле помогал им кое-кто из сидящих в этом зале.

Нам иногда приходится слышать, что распад СССР — объективный процесс, что распадались все империи. Мы начисто отвергаем тезис о некоей империи, которая рано или поздно должна была развалиться. Есть ли в истории пример, когда «империя» целенаправленно поднимала окраины за счет населения центральной метрополии?! Не говорю уже о том, что подавляющее большинство народов присоединялись к России добровольно и сознательно в целях, прежде всего, собственного выживания. Мы не были империей в прямом смысле этого слова. Мы были великой страной! Мы были великим народом! При решении столь важного вопроса, как интеграция бывших республик СССР, мы не должны поддаваться эмоциям, а должны смотреть на суть вопроса, исходя прежде всего (и я это подчеркиваю) из интересов России, интересов благосостояния ее населения.

Интеграция будет благом не только для России, но и для всех братских стран. Прежде всего, речь идет, конечно, об экономике. Уникальный в истории человечества экономический комплекс обеспечивал выживание наших народов в самых опасных условиях. Смогли бы порабощенные Гитлером народы Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии самостоятельно восстановить свою независимость и разрушенное хозяйство без единого Советского Союза?!…Непреложным остается один, но самый главный факт — жизнь всех без исключения народов, составлявших ранее Союз ССР, стала не лучше, а значительно хуже. И нет никаких признаков того, что кто-то сумеет самостоятельно выбраться из трясины, в которую все мы медленно, но уверенно погружаемся. Не сомневаюсь, что даже оппоненты, которые, кстати, сидят в правом крыле, которые выступали и будут выступать против предлагаемого проекта постановления, в глубине души прекрасно понимают историческую необходимость и неизбежность восстановления единства наших народов.

Сегодня не время для тактических маневров вокруг вопросов, определяющих исторические судьбы наших народов. Мы хорошо знаем настроение наших людей. Решение первого в истории страны референдума, на котором ровно пять лет назад наши сограждане высказались за Союз, сохраняет свою моральную и юридическую силу и сегодня. И его итогов никто не вправе отменить. Это проявление истинной демократии. Никакие ссылки на революционную необходимость не могут оправдать нарушение воли народа, и тщетны попытки Президента и других его сподвижников, приложивших руку к этому, снять с себя ответственность за эти действия.

Нельзя закрывать глаза и на то, что в России, в других республиках набирает силу тенденция к переориентации экономических связей на дальнее зарубежье. На этом фоне обращает на себя внимание нарастание в регионе политико-экономической активности мировых держав, сопредельных государств. Их действия становятся фактором разобщения новых, суверенных государств, ведут к ослаблению влияния России. Нельзя жить сегодняшним днем. НАТО стоит у нашего порога. Спрашивается: зачем?

В сохранении нынешнего развала по-настоящему заинтересованы лишь те силы Запада, которые мечтают решить, наконец, многовековую задачу ликвидации великого государства и ослабления самобытной российской цивилизации, не вписывающейся в созданную в чужих столицах модель нового мирового порядка. Но вовсе не российские интересы отражают

многие из тех, кто печется о том, что Россия должна оттолкнуть от себя все братские народы и сузиться до размеров московского княжества с контролем лишь нефтяных и газовых кранов.

Сегодня необходимо решительно повернуть в сторону практических дел. Мы не преуменьшаем трудности экономического, политического характера в деле интеграции. Слишком много уже сломано, сломано торопливо, бездумно, сломано в интересах внешних сил или крошечных групп корыстолюбцев, которые наживаются на наших общих страданиях, сломано ими специально для того, чтобы невозможно было воссоздать. Но именно поэтому нужны новые смелые шаги, и эти шаги должна сделать Россия. В этом наша историческая обязанность и ответственность. Будущие поколения не простят нам, если мы не сделаем этого».

Об остроте развернувшейся дискуссии можно судить также по выступлению В. Жириновского:

«В связи с этим я бы хотел, чтобы было принято постановление, в котором был бы поставлен вопрос о привлечении к ответственности лиц, причастных к подготовке проекта Беловежских соглашений. Они являются депутатами нынешнего парламента. Бурбулис, где он? Нет в зале — уже боится. Уже ушел. Он знал, что я уже пришел сюда с наручниками. Вот что ждет его, Бурбулиса! (Оживление в зале). Они на Россию надели наручники, мы наденем их на вдохновителя этого Беловежского соглашения! Депутат Шахрай здесь — можно арестовать прямо в зале, здесь, на заседании Государственной Думы. Депутат Козырев… нет его. Депутат Гайдар уже сбежал — он уже не депутат. Вот четверо — эти люди все организовали».

В целом постановление о денонсации Беловежского соглашения было принято 15 марта 1996 года 252 голосами, или 56 процентами от общего количества депутатов Государственной Думы. Напомню, что 12 декабря 1991 года за ратификацию Беловежского соглашения проголосовало более 90 процентов тогдашних депутатов Верховного Совета РСФСР.

* * *

Так жизнь учит людей. Людей, но не предателей своей страны, оказавшихся у власти. Как и следовало ожидать, они, во главе с Ельциным, и не подумали выполнять это постановление парламента страны.

История борьбы в Парламенте за денонсацию Беловежского

Соглашения вновь и вновь возвращает мысль к роковым дням декабря 1991 года.

Если после ГКЧП и внеочередного Пятого Съезда народных депутатов были разрушены органы государственной власти и наступил, как уже было сказано, паралич власти, то в декабре она уже просто агонизировала. Вспоминая эту ситуацию, невольно ищешь ответ и на вопросы: почему Горбачев, Президент СССР, не занял тогда, в послебеловежские дни, принципиальную, боевую позицию, почему он не боролся до конца за целостность своего государства?

Трудно заглянуть в душу человека и познать его истинные намерения. Но в том, что Горбачев давно вынашивал мысль об уничтожении Компартии, которая дала ему путевку в жизнь, и социалистического общества, в котором он вырос, не может быть никакого сомнения. Он сам говорил об этом после 1991 года.

Конечно, беловежские заговорщики поставили его в непростое положение. Вот его рассказ:

«После отъезда Ельцина проходит день, другой — никто ничего не знает, никто мне ничего не докладывает. Я звоню министрам: они ничего не знают. Тогда я звоню Шапошникову — он знает. Они, оказывается, с ним уже разговор провели. Я думаю: что же все-таки происходит? Видимо, Шапошников сразу перезвонил в Белоруссию и сказал, что Горбачев свирепствует. Тогда мне звонит Шушкевич: «Михаил Сергеевич, я звоню Вам по поручению всех». Я спрашиваю: «А почему ты мне звонишь?» Он отвечает: «Мне поручили это Ельцин и Кравчук. Борис Николаевич разговаривал с Бушем: ему доложил, а мне поручили переговорить с Вами». Я говорю: «Это же стыдобище. Вы звоните американскому президенту, минуя Президента Союза, и за моей спиной договариваетесь. Где Борис Николаевич? Дайте ему трубку». Ельцин взял трубку и начал что-то нудить, по-моему, заплетаться…».

Кстати, их первый звонок Президенту США — это не только доклад холуев своему фактическому хозяину, но и шанс спрятаться за его спину.

Что же мог и обязан был сделать в той ситуации Президент СССР?

Получив такую информацию, он должен был немедленно использовать все имевшиеся в его распоряжении средства. По словам А. Лукьянова, бывшего Председателя Верховного Совета СССР, лидеры трех республик — участники беловежской встречи — с тревогой ждали, как поступит Горбачев. «Он оставался Верховным Главнокомандующим, и было достаточно одного президентского слова, чтобы от «подписантов» и их документов

не осталось и следа. Ведь речь шла о судьбе величайшей державы, о трехсотмиллионном народе, о глобальном равновесии мировых сил. Но не было этого твердого слова от человека, поклявшегося сохранять и защищать Союз».

Я тоже считал и считаю, что в критический момент Горбачев не выполнил своих законных обязанностей. Он должен был немедленно поставить в известность ООН, Совет Безопасности, Съезд народных депутатов СССР, Верховный Совет и опротестовать Беловежское соглашение. А перед Съездом вопрос надо было ставить предельно остро: решайте, распускаемся или сохраняем Союз. Нет, в конце 1991 года были нарушены все законы — союзные, международные и, как говорится, Божеские и человеческие.

Президент страны, полтора года назад поклявшийся на Конституции СССР свято хранить единство государства, обязан — подчеркиваю, безусловно, обязан! — выполнить данное им слово. И если бы он и потерпел при этом поражение — тем не менее остался бы в Истории как руководитель, до конца боровшийся за целостность своей страны. К сожалению, этого не произошло, и теперь он презираем и проклят своим народом.

Итак, вместо конкретных действий Горбачев избрал другой путь. Посыпались заявления и пресс-конференции. 9 декабря 1991 года он определил свою позицию. Было опубликовано Заявление Президента, которое можно назвать, мягко говоря, спокойным. В нем он даже отметил некоторые позитивные моменты Беловежского соглашения. Однако, полагал глава союзного государства, документ настолько глубоко затрагивает интересы народов нашей страны, всего мирового сообщества, что требует всесторонней политической и правовой оценки.

«В создавшейся ситуации, по моему глубокому убеждению, — считал Горбачев, — необходимо, чтобы все Верховные Советы республик и Верховный Совет СССР обсудили как проект Договора о Союзе Суверенных Государств, так и Соглашение, заключенное в Минске. Поскольку в Соглашении предлагается иная формула государственности, что является компетенцией Съезда народных депутатов СССР, необходимо созвать такой Съезд. Кроме того, — говорилось в конце Заявления, — я бы не исключал и проведения всенародного референдума по этому вопросу».

Горбачев, по-видимому, «запамятовал», что он вместе с лидерами союзных республик на Пятом внеочередном съезде народных депутатов своими руками похоронил Съезд народных депутатов СССР как высший орган государственной власти страны и передал эту власть Верховному Совету СССР. Народные

же депутаты СССР, не вошедшие в состав Верховного Совета, имели лишь право участвовать в его работе.

И тем не менее многие из них не могли смириться с разрушением страны. 9 декабря мне по телефону сообщили, что создана депутатская инициативная группа по созыву Съезда народных депутатов СССР. 10 декабря 1991 года в депутатском здании на Новом Арбате на двадцатом этаже состоялся сбор подписей сторонников созыва Шестого внеочередного съезда народных депутатов СССР. Я тоже подписал этот документ. Как раз в это время организатору сбора подписей депутату В. Самарину позвонил Горбачев. Самарин при нас проинформировал Президента страны о том, что уже собрано достаточно подписей для созыва Съезда. Затем он торопливо собрал подписанные листы и выехал к Горбачеву. Мне известно, что он вручил ему списки подписей и телеграммы общим числом более 500 и получил личное президентское обещание созвать Съезд.

На второй день после этой встречи газета «Известия» на первой полосе опубликовала статью с броским заголовком: «Рыжков и Чебриков хотят созыва Съезда». Но не только эта газета, бывший печатный орган Верховного Совета СССР, но и другие, еще недавно бывшие изданиями ЦК КПСС, выразили отрицательное отношение к этому предложению. Да и в целом они заняли откровенно проельцинскую позицию.

Какие причины повлияли на решение Горбачева не созывать внеочередной Съезд, мне не известно. Трудно сказать, что здесь сыграло основную роль: то ли желание окончательно не сжигать мосты, то ли вписаться в новые властные структуры, то ли элементарная трусость, то ли готовность в своем предательстве дойти до логического конца…

* * *

12 декабря 1991 года, в день, когда проходила ратификация Беловежских соглашений в Верховном Совете РСФСР, в Ашхабаде открылось совещание глав республик Средней Азии и Казахстана. Инициатива его проведения принадлежала Президенту Туркмении С. Ниязову.

После долгих дебатов президенты этих республик приняли решение вступить в СНГ, но не в качестве «присоединившихся» к нему, а как «равноправные учредители». Из Ашхабадского заявления вытекало, что азиатские республики не считают СНГ уже созданным. В документе прямо говорилось, что «необходима координация усилий по формированию Содружества

Независимых Государств» и что «должно быть обеспечено равноправное участие субъектов бывшего Союза в процессе выработки решений и документов о Содружестве Независимых Государств; при этом все государства, образующие Содружество, должны быть признаны в качестве учредителей». Отсюда вытекал и практический вывод о том, что вопросы формирования Содружества «должны быть рассмотрены на совещании глав суверенных государств», т. е. Беловежские договоренности признавались лишь в качестве платформы для дальнейших шагов по созданию СНГ с более широким кругом участников.

На Ашхабадском совещании было решено провести встречу глав государств Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, «на которую приглашаются президенты Беларуси, России и Украины».

21 декабря 1991 года в Алма-Ате собрались лидеры 11 бывших союзных республик (т. е. все, кроме прибалтийских и Грузии). На встрече глав государств прозвучало предложение о создании конфедерации. Но всякое упоминание об этом вызывало абсолютное неприятие со стороны Кравчука, который заявил, что Украина — суверенное государство и не войдет ни в какое сообщество даже с намеком на любые надреспубликанские органы. Видимо, с учетом этого в Декларацию, принятую в Алма-Ате, было включено положение о том, что Содружество Независимых Государств «не является ни государством, ни надгосударственным образованием».

Эта позиция привела к огромным трудностям, с которыми постоянно сталкиваются члены СНГ в их взаимоотношениях.

В результате встречи произошла определенная ревизия Минского соглашения и были подписаны, в том числе и руководителями первых трех республик, по сути дела, новые документы — Алма-Атинская декларация от 21 декабря 1991 года и серия дополнительных к ней соглашений и протоколов.

Стала более точной и формулировка о судьбе Союза ССР:

«С образованием Содружества Независимых Государств Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование». Лидеры 11 суверенных республик, образовавших Содружество Независимых Государств, приняли обращение к Горбачеву, в котором уведомили его о прекращении существования Советского Союза и института президентства СССР. В обращении главы независимых государств благодарят союзного Президента Горбачева за его большой положительный вклад…

Итоги алма-атинской встречи не оставили надежд Горбачеву, и 25 декабря 1991 года в 19 часов по московскому времени страна

услышала последнее его выступление в качестве Президента теперь уже не существующего государства.

Во время его выступления огромное красное полотнище — флаг Советского Союза — дрогнуло над куполом Кремлевского дворца и поползло вниз. Его снимал, видимо в награду за совершенное предательство, главный вдохновитель и организатор государственного переворота Бурбулис. Через несколько минут на флагштоке Кремля поднялся трехцветный флаг.

Так закончилась вошедшая навсегда в историю человечества великая эра супердержавы — Союза Советских Социалистических Республик.